

Валерий Антонов

**Метафизика Аристотеля. Том 3.
Грамматическая машина:
алгоритмы, регистры и трансляции
в западной метафизике.**

Валерий Антонов

**Метафизика Аристотеля.
Том 3. Грамматическая
машина: алгоритмы,
регистры и трансляции
в западной метафизике.**

«Автор»

2026

Антонов В.

Метафизика Аристотеля. Том 3. Грамматическая машина:
алгоритмы, регистры и трансляции в западной метафизике. /
В. Антонов — «Автор», 2026

Настоящее исследование представляет собой опыт прочтения «Метафизики» Аристотеля сквозь призму грамматики. Исходный тезис: Аристотель не описывает, а конструирует философские понятия — сущность, материю, форму, потенцию, энергию, перводвигатель — средствами самого языка. Субстантивация, залоговые оппозиции, падежные различения, синтаксис аналогии и модальные операторы работают здесь как инструменты мысли. Каждая такая операция описана как «алгоритм» — устойчивая связка грамматического механизма и его метафизической функции. Всего выявлено пятьдесят семь алгоритмов, объединённых в пять регистров. Прослежена их трансляция в схоластику, немецкий идеализм и философию Хайдеггера, а также критические следствия — от превращения грамматических приёмов в политические императивы до угроз перерождения в тоталитарные модели. Книга адресована историкам философии, филологам-классикам и всем, кто стремится понять, как устроена западная метафизика на уровне её языкового фундамента.

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение.	6
I. Замысел и предмет исследования.	6
II. Общая архитектура «Метафизики»: фундамент и здание.	8
III. Что такое грамматический алгоритм?	10
IV. Пять регистров книги VIII.	11
V. От лаборатории грамматического конструирования к динамике осуществления и трансцендентальным определениям сущего	13
VI. Трансляция алгоритмов в схоластику.	14
VII. Трансляция в Новое время и немецкий идеализм.	15
VIII. Критика и предостережение: угрозы перерождения.	16
IX. Заключение.	17
Введение к книгам XI–XIV «Метафизики» Аристотеля.	18
I. От фундамента к надстройке.	18
II. Формальный фундамент.	19
III. Книга XI (К): компендиум и грамматика апорийного вопрошания.	20
IV. Книга XII (Л): переводчик и грамматика предельного.	21
V. Книги XIII–XIV (M–N): грамматика опровержения.	22
VI. Архитектура целого.	23
Одинадцатая книга.	24
ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ ΤΩΝ ΜΕΤΑ ΤΑ ΦΥΣΙΚΑ	24
Κεφάλαιον 1.	25
Κεφάλαιον 2.	28
Κεφάλαιον 3.	31
Κεφάλαιον 4.	33
Κεφάλαιον 5.	36
Κεφάλαιον 6.	39
Κεφάλαιον 7.	42
Κεφάλαιον 8.	44
Κεφάλαιον 9.	46
Κεφάλαιον 10.	48
Κεφάλαιον 11.	50
Κεφάλαιον 12.	53
Грамматика одинадцатой книги.	56
Глава 1: Грамматика апорийного входа.	57
Глава 2: Грамматика дистанцирования.	58
Глава 3: Грамматика утверждения начал.	59
Глава 4: Грамматика опровержения релятивизма.	60
Глава 5: Грамматика фокализации.	61
Глава 6: Грамматика привходящего.	62
Глава 7: Грамматика перехода.	63
Глава 8: Грамматика определения движения.	64
Глава 9: Грамматика бесконечного.	65
Глава 10: Грамматика начал.	66
Глава 11: Грамматика редупликации.	67
Глава 12: Грамматика итогового вопрошания.	68
Макро-анализ.	69

Архитектура книги К.	70
Логическая траектория.	71
Сквозные грамматические линии.	72
Книга К как компендиум.	73
Микро-анализ.	74
Глава 1.	74
Глава 2.	77
Глава 3.	80
Глава 4.	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Валерий Антонов

Метафизика Аристотеля. Том 3.

3. Грамматическая машина: алгоритмы, регистры и трансляции в западной метафизике.

Введение.

I. Замысел и предмет исследования.

Настоящее исследование представляет собой опыт прочтения «Метафизики» Аристотеля сквозь призму грамматики. Исходный тезис состоит в том, что Аристотель не просто излагает учение о сущности, материи, форме, потенции, энергии и перводвигателе — он **конструирует** эти понятия в самой грамматике. Субстантивация, залоговые оппозиции, падежные различия, модальные операторы, синтаксис аналогии, условные периоды — всё это не средства украшения мысли, а её непосредственные орудия. Понять «Метафизику» значит восстанавить в действии ту грамматическую машину, которая порождает её концептуальный аппарат.

Каждая такая операция описана как «алгоритм» — устойчивая связка грамматического механизма и его метафизической функции. Всего в книгах I–XIV выявлено пятьдесят семь алгоритмов, объединённых в пять функциональных регистров. Однако машина запускается не сразу. Книги I–V образуют **пропедевтический и фундаментный блок**, в котором закладываются исторические, логические и категориальные основания всего последующего исследования. Книги VI–XIV — **основной теоретический блок**, в котором грамматическая машина начинает работать в полную силу.

Центральные книги — VI, VII, VIII, IX и X — образуют внутри этого блока единый архитектурный ансамбль. Их связь не хронологическая, а методологическая: каждая книга выполняет свою функцию в общем движении от установления предмета первой философии до завершённого учения о сущности, её началах, её динамическом осуществлении и её трансцендентальных определениях. Пять книг образуют концентрическую структуру с нарастающей степенью абстракции. Движение внутри этого ансамбля можно описать и как восхождение от конкретного к абстрактному (от чувственной сущности к Единому), и как возвращение от абстрактного к конкретному (от формальных структур книги VI к их наполнению в книгах VII–VIII и к их динамическому осуществлению в IX–X). В обоих случаях метод остаётся единым: Аристотель не столько описывает реальность, сколько конструирует её в языке.

Книга VI (E) служит шарниром, отделяющим первую философию от физики и математики. Книга VII (Z) открывает центральную последовательность: от вопроса о сущности как таковой — к чувственной сущности и её началам (книга VIII, H), к динамике осуществления (книга IX, Θ), к трансцендентальным определениям сущего (книга X, I). Книга XI (K) — компендиум, проверяющий устойчивость достигнутых решений через редупликацию апорий. Книга XII (Λ) — предельное применение алгоритмов к неподвижному перводвигателю. Книги XIII–XIV (M–N) — грамматика опровержения платоновских и пифагорейских учений.

Однако задача исследования не ограничивается реконструкцией аристотелевского метода. Вторая, не менее важная задача — проследить судьбу этих алгоритмов в последующей

философии. Аристотелевские грамматические операции не остались музейными экспонатами. Они были **калькированы** на латынь схоластами, **переведены** в регистр субъективности Кантом и немецким идеализмом, **диалектизированы** Гегелем, **подвергнуты деструкции** Хайдеггером. Порождённые ими конструкты — субстанция и акциденция, потенция и акт, аналогия сущего, трансценденталии, субъект-субстанция — определили облик западной метафизики на два тысячелетия.

Третья задача — критическая. Грамматические алгоритмы, будучи перенесены из философского контекста в политический, могут становиться орудиями легитимации насилия. Превращение методологических приёмов в онтологические законы, а затем в политические императивы — этот путь был пройден от якобинского террора через марксизм-ленинизм до тоталитарных режимов XX века. Прослеживание этой траектории — не историческое обвинение, а предостережение: грамматика, забывшая о своей инструментальной природе и возмнившая себя онтологией, становится опасной.

II. Общая архитектура «Метафизики»: фундамент и здание.

«Метафизика» — не единый трактат, написанный в один приём, а корпус текстов, собранный из разновременных слоёв. Однако при всём разнообразии материала в нём прослеживается чёткая архитектурная логика. Отношение между книгами I–V и VI–XIV можно описать формулой: первые пять книг закладывают исторический, логический и категориальный фундамент, без которого грамматическая машина не могла бы быть ни построена, ни понята.

Книга I (А): Историческая апория о первых причинах. Аристотель проходит через всю предшествующую традицию — от Фалеса до Платона, — показывая, что все философы искали начала и причины, но никто не дал их полного и непротиворечивого перечня. Читатель, завершивший книгу I, знает, что мудрость есть знание причин, но не знает, сколько этих причин и как они соотносятся. Он находится в методическом затруднении — и это затруднение есть условие возможности всего последующего исследования. Здесь уже присутствует в зародыше то, что позже станет алгоритмом № 10 (каузальные предлоги) и регистром III (причинная спецификация).

Книга II (α): Методологическое отступление. Ключевой тезис: ἀνάγκη στήναι — «необходимо остановиться» в ряду причин. Это прямой предшественник алгоритма № 1 (перфектный пассив как фиксация достигнутого) и алгоритма № 45 (отсечение ложных теорий через регресс).

Книга III (Β): Апории. Пятнадцать вопросов, каждый из которых сформулирован так, что и утвердительный, и отрицательный ответ ведут к затруднению. Это — проект «Метафизики» в форме вопросов. Каждая апория книги III находит разрешение в одной из последующих книг. Книга III — источник алгоритма № 54 (апорийное вопрошание) и матрица для книги XI.

Книга IV (Γ): Начало доказательства и учение о сущем как сущем. Здесь формулируется закон противоречия и вводится понятие «сущее как сущее» (τὸ ὄν ἢ ὄν) вместе с учением о πρὸς ἕν λέγεσθαι. Это — первая установка оператора ἀδύνατον + инфинитив и центра, к которому будут отсылать все смыслы сущего (будущий алгоритм № 12).

Книга V (Δ): Философский словарь. Тридцать статей о терминах: начало, причина, элемент, природа, необходимое, единое, сущее, сущность и так далее. Каждая статья — свёрнутый алгоритм, перечень смыслов, из которого позже вырастут регистры книги VIII. Книга V — библиотека субстантиваций, предвосхищающая алгоритм № 5.

Книга VI (Ε): Шарнир. Она открывает центральный цикл, устанавливая, чем метафизика не является и чем она должна быть. Аристотель разводит три типа теоретических наук — физику, математику и первую философию — через серию последовательных отрицаний, каждое из которых отсекает определённый регион сущего. Затем он расчленяет само «бытие» на четыре смысла: привходящее, бытие как истина, бытие по категориям, бытие в потенции и акте. Первые два он сразу же выводит за скобки метафизики. Этот двойной ход — умножение смыслов и последующее ограничение предмета — задаёт метод, который будет последовательно применяться во всех следующих книгах: сначала разложить, затем указать, с чем именно работает философ, а что остаётся за пределами рассмотрения. Здесь же впервые появляются понятия, которые станут несущими конструкциями всего дальнейшего: κατὰ συμβεβηκός и καθ' αὐτό, δύναμις и ἐνέργεια, категории как роды сказывания. Анализ истины как сложения и разделения в суждении закладывает фундамент для будущего учения об определении и его границах: простое не допускает ошибки, и потому к нему неприменима предикативная структура.

Книга VII (Z): Строительная площадка. Если книга VI очертила территорию, то книга VII начинает на ней строительство. Её центральный вопрос — τίς ἡ οὐσία; («что есть сущность?») — получает форму через сведение более общего вопроса τί τὸ ὄν; («что есть сущее?»). Сама эта операция сведения есть грамматический акт: субстантивация через артикль превращает вопрос о бытии в вопрос о «сущности» как особом предмете. Затем Аристотель перебирает кандидатов: субстрат, суть бытия, род, общее. Каждый предьявляется, испытывается и либо принимается с оговорками, либо отводится. Из этого перебора вырастают три ключевые фигуры: ὑποκείμενον (субстрат-подлежащее), τὸ τί ἦν εἶναι (суть бытия) и σύνολον (составное целое). Все три порождены субстантивацией. Центральные главы развивают учение об определении: оно двусоставно, оно есть λόγος τοῦ τί ἦν εἶναι, и его единство представляет собой проблему. Здесь же вводится тезис, который станет аксиомой для всего последующего: форма не возникает и не уничтожается; возникает только составное. Наконец, заключительная глава делает решающий поворот: сущность объявляется началом и причиной, а вопрос переформулируется как διὰ τί τόδε τι κατὰ τοῦδε; («почему вот это присуще вот этому?»). Тем самым исследование сущности становится исследованием причин — и открывается путь к книге VIII.

Таков фундамент. Книги VIII–XIV надстраивают над ним здание грамматической онтологии: от чувственной сущности и её начал (VIII) — к динамике осуществления (IX) — к трансцендентальным определениям (X) — к проверке через апории (XI) — к предельному применению (XII) — к защите от альтернатив (XIII–XIV).

III. Что такое грамматический алгоритм?

Под грамматическим алгоритмом понимается устойчивая связка трёх элементов: (1) определённой синтаксической конструкции или грамматической формы греческого языка; (2) логической операции, которую эта конструкция выполняет в рассуждении; (3) метафизической функции — того понятия или различения, которое порождается или фиксируется этой операцией.

Пример. Алгоритм № 5: артикль + прилагательное/причастие (τὸ ὑλοκεῖμενον, τὸ συμβεβηκός, τὸ τί ἦν εἶναι). Синтаксическая конструкция: субстантивация. Логическая операция: превращение предикативного признака в самостоятельный предмет рассмотрения. Метафизическая функция: порождение фундаментальных онтологических категорий — субстрата, акциденции, сути бытия.

Другой пример. Алгоритм № 6: дательный падеж τῷ λόγῳ vs. наречие ἀλλῶς. Конструкция: противопоставление инструментального датива и наречия образа действия. Операция: разведение двух типов отделимости — логической (в определении) и безусловной (в реальности). Функция: фиксация иерархии типов сущностей и демаркация между наукой и метафизической ошибкой.

Каждый такой алгоритм — не риторический приём, а **инструмент мысли**, подобный математическому оператору. И подобно тому как математический оператор может быть применён к разным объектам, грамматический алгоритм может быть перенесён в иной контекст, в иную языковую среду, в иную философскую систему — и там он будет выполнять сходную работу, хотя и с иными результатами.

IV. Пять регистров книги VIII.

Книга VIII (H) — методическое сердце всего центрального пятикнижия. Если книга VII построила понятия, то книга VIII испытывает их на материале чувственных сущностей, превращая неявные грамматические жесты предыдущих книг в эксплицитные инструменты. Здесь впервые полностью раскрывается метод, который можно назвать грамматическим конструированием: сущность, материя и форма не описываются, а порождаются через синтаксические операции. Книга движется через пять последовательных задач — пять функциональных регистров, — которые образуют логическую последовательность: от полагания начал — к границам определенности, от границ — к причинной конкретизации, от неё — к границам потенции, и наконец — к снятию апории о единстве.

Регистр I (главы 1–2): Конструирование начал. Грамматика здесь не описывает готовые понятия, а порождает их. Перфектный пассив фиксирует завершённое знание как фундамент для нового шага (алгоритм № 1). Залог и время разносят тезисы по статусам — общепризнанное vs. партикулярное (№ 2). Глагол *συμβαίνει* маркирует дистанцию от перечисляемых определений (№ 3). Указательные местоимения и причинные союзы выстраивают принудительную цепочку отождествлений (№ 4). Субстантивация через артикль создаёт сами предметы анализа — *ὑποκειμενον, τί ἦν εἶναι, σύνολον* (№ 5). Отделимость формы (*τῷ λόγῳ*) и составного (*ἀπλῶς*) разводится через дательный падеж и наречие (№ 6). Материя доказывается как сущность через удержание подлежащего при смене противоположных предикатов (№ 7). Асимметрия логического следования фиксируется через *οὐκ ἀνάγκη* + условный период (№ 8). Там, где прямое определение невозможно, работает синтаксис аналогии (№ 9). Каузальные предлоги распределяют роли четырёх причин (№ 10).

Регистр II (глава 3): Границы выразимости. Имя структурно двусмысленно: *πότερον... ἢ* фиксирует неустранимую альтернативу — имя может означать либо составное, либо форму, и это не дефект языка, а его устройство (№ 11). Многозначность не превращается в омонимию благодаря конструкции *πρὸς ἐν λέγεσθαι* — все смыслы отсылают к форме как центру (№ 12). Тожество схватывается по-разному для формы и для составного — асимметрия закреплена грамматически (№ 13). Редукционистская модель «элементы + соединение» отвергается (№ 14). Зависимость обращается через *μᾶλλον* (№ 15). Статус формы парадоксален: *φθαρτὴ ἄνευ τοῦ φθειρέσθαι* (№ 16). Определение возможно только для составного, потому что оно грамматически устроено как предикация *τὶ κατὰ τινός* (№ 17). Число и определение аналогичны: минимальное изменение делает их другими (№ 18). Единство требует ответа на вопрос *τίνι εἶς;* (№ 19). Форма не градуальна: *οὐκ ἔχει τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον* (№ 20).

Регистр III (глава 4): Причинная спецификация. Материя возвращается в объяснение, но как конкретная и ближайшая (№ 21). Предлог *ἐκ* проблематизируется: одно дело — становление, другое — разложение на начала (№ 22). Через условные периоды строится комбинаторика материи и движущей причины (№ 23). Материя ограничивает форму: *πρίων οὐκ ἔν γένοίτο ἐκ ξύλου* (№ 24). Вопрос о причине грамматически разворачивается в четыре подвопроса (№ 25). Требование указывать ближайшие причины, а не дальние (№ 26). Сущности различаются по типу материи (№ 27). Состояния не имеют собственной материи (№ 28). Определение требует включения причины (№ 29). Грамматика незнания оформляется как открытая серия вопросов (№ 30).

Регистр IV (глава 5): Границы потенции. Материя есть не у всего, а только у того, что возникает и уничтожается (№ 31). Чистая форма не возникает: возникает только составное (№ 32). Противоположности как чистые формы не переходят друг в друга (№ 33). Одна и та же материя может быть возможностью обоих противоположных состояний, но в разном смысле (№ 34). Уничтожение *κατὰ συμβεβηκός* не есть реализация потенции (№ 35). Сравнение со

сменой дня и ночи показывает модель опосредованного перехода (№ 36). Для опосредованного превращения необходим возврат к материи (№ 37).

Регистр V (глава 6): Снятие апории единства. Вопрос τί αἴτιον τοῦ ἕν εἶναι ставится как самостоятельная проблема (№ 38). Куча (σωρός) и целое (ὅλον) грамматически разводятся (№ 39). Единство определения — не от внешней связки, а от единства самого предмета (№ 40). Платоновское «причастие» редуцируется к абсурду через διὰ τί (№ 41). Апория снимается не прямым ответом, а переходом к модели материи и формы (№ 42). Суть бытия сама есть причина перехода из потенции в акт (№ 43). Безматерийное едино непосредственно (№ 44). Ложные теории единства отсекаются через регресс в бесконечность (№ 45). Последняя материя и форма отождествляются в модусах потенции и акта (№ 46). Единственная причина единства — движущее (№ 47).

Формальная запись регистров с использованием символов элементарной логики:

Пусть S — множество сущностей (οὐσίαι), M — материи, F — формы, C — составные целые. Предикаты: P(x) — «быть в потенции», A(x) — «быть в акте/энергии», R(x,y) — «x есть материя для y», D(x) — «x определимо», E(x) — «x едино», γένεσις(x) — «x подвержен возникновению и уничтожению», μεταβολή(x,y) — «x превращается в y», αἰτία(x) — множество причин x.

Регистр I: $S \supset \{M, F, C\}$; $M(x) \leftrightarrow (\forall y: y \text{ κατηγορεῖται κατὰ } x \rightarrow y \text{ ἐναντία})$.

Регистр II: $D(x) \leftrightarrow (\exists y \exists z: x = y+z \wedge y \text{ κατηγορεῖται κατὰ } z)$; $\neg D(x)$ для чистой M и чистой

F.

Регистр III: $\forall x: \alpha\iota\tau\acute{\iota}\alpha(x) = \{\acute{\upsilon}\lambda\eta, \text{ κινου}\acute{\upsilon}\nu, \text{ εἶδος}, \text{ τέλος}\} \wedge \text{ δεῖ λέγειν ἐγγύτατα}$.

Регистр IV: $R(x,y) \rightarrow \neg(\text{φθορά κατὰ συμβεβηκός})$; $\text{μεταβολή}(x,y) \wedge \neg R(x,y) \rightarrow \acute{\epsilon}\lambda\alpha\text{νελθεῖν εἰς ὕλην}$.

Регистр V: $\neg \exists z (z \neq \acute{\epsilon}\sigma\chi\acute{\alpha}\tau\eta \acute{\upsilon}\lambda\eta(x) \wedge z \neq \mu\omicron\rho\phi\acute{\eta}(x) \wedge \alpha\iota\tau\acute{\iota}\alpha(z, E(x)))$.

V. От лаборатории грамматического конструирования к динамике осуществления и трансцендентальным определениям сущего

Книги IX (Θ) и X (Ι) не вводят радикально новых грамматических алгоритмов — их инструментарий уже подготовлен книгой VIII. Однако они выполняют задачи, которые превращают лабораторные результаты в завершённую онтологическую систему.

Книга IX переводит анализ из статического регистра «начал» в динамический регистр «осуществления». Понятия потенции и энергии, служившие в книге VIII инструментом для снятия апорий, становятся здесь главным предметом. Аристотель строит классификацию потенций, различая активные и пассивные, рациональные и нерациональные, и устанавливает фундаментальную асимметрию: энергия первее потенции по определению, по времени и по сущности. Это меняет иерархию начал: в книге VIII материя и форма были онтологически равноправны, теперь энергия получает безусловное первенство. Модальная грамматика (δυνάμει / ἐνεργείᾳ) применяется к анализу бесконечного (оно существует только в потенции, никогда в акте) и к анализу истины (истина и ложь — в сложении и разделении мысли, а не в вещах). Новые алгоритмы (№ 48–53) обслуживают этот переход: определение потенции через сведение к первичному смыслу (πρὸς πρῶτην), различение способностей через модальность должностования, тройная адвербиальная рамка приоритета энергии, аналогия как субститут определения, истина и ложь через связывание и разъединение, простое схватывание (θιγείν).

Книга X доводит анализ единства до категориального учения о Едином и Многом как трансцендентальных определениях сущего. Если книга VIII разрешила вопрос о единстве составной сущности, то книга X спрашивает о природе самого Единого. Ответ гласит: Единое не есть род и не есть отдельная сущность; оно сопутствует каждой категории, сказываясь столькими же способами, сколькими и сущее. Аристотель разворачивает учение о противоположностях, классифицируя их типы. Различение кучи и целого, введённое в книге VIII, перерастает здесь в учение о пределе и мере: Единое есть мера, множество — измеряемое. Тем самым онтология, начатая с вопроса о сущности, приходит к своему логическому завершению.

Так завершается онтологический цикл, начатый в книге VII: от вопроса о сущности как таковой — к чувственной сущности и её началам — к динамике осуществления — и к трансцендентальным определениям сущего.

VI. Трансляция алгоритмов в схоластику.

Схоластика восприняла аристотелевские грамматические алгоритмы как технический инструментарий и калькировала их на латынь. Субстантивация породила пару *substantia* — *accidens* и весь категориальный аппарат (*quidditas*, *universale*, *particulare*, *potentia*, *actus*). Разведение τῷ λόγῳ / ἀπλῶς превратилось в *distinctio rationis* / *distinctio realis*, а у Дунса Скота — в *distinctio formalis*. Прὸς ἓν λέγεσθαι стало *analogia entis* у Фомы Аквинского. Асимметричное следование — учением о трансценденталиях. Инвертированное удержание подлежащего — учением об *actus purus*. Свёрнутая аналогия ὡς ἐρόμενον — пятым путём доказательства бытия Божия.

VII. Трансляция в Новое время и немецкий идеализм.

Кант перевёл аристотелевские алгоритмы в регистр трансцендентальной философии: ἀπορία стала антиномией, τῷ λόγῳ / ἀλλῶς — различием феноменов и ноуменов, субстантивация — учением о субъекте. Фихте превратил удержание подлежащего в абсолютное Ich = Ich. Шеллинг использовал обращение зависимости (μᾶλλον) для построения философии тождества.

Гегель осуществил грандиозный синтез аристотелевских грамматических алгоритмов с платоновско-пифагорейскими и неоплатоническими конструктами. Ἀπορία стала диалектическим противоречием, субстантивация — законом самополагания понятия, πρὸς ἑν λέγεσθαι — учением о конкретном всеобщем, νόησις νοήσεως — учением об абсолютном духе. Прокловская триада (пребывание — выхождение — возвращение) дала Гегелю ритм диалектического движения.

VIII. Критика и предостережение: угрозы перерождения.

Грамматические алгоритмы, будучи перенесены из философского контекста в политический, могут становиться орудиями легитимации тоталитарного насилия. Якобинский террор впервые реализовал эту возможность: «общая воля» Руссо стала обоснованием гильотины, *Aufhebung* редуцировалось к ликвидации, конкретное всеобщее поглотило индивида. Марксизм-ленинизм воспроизвёл и радикализировал этот шаблон, добавив к нему «научное» обоснование через «законы истории».

Структурные условия перерождения: редукция *Aufhebung* (исчезновение момента сохранения), субстантивация гносеологического примата (превращение «знания законов» в политическую прерогативу), растворение индивида в конкретном всеобщем. При наличии этих условий панлогизм перестаёт быть философской системой и становится логикой террора.

Хайдеггер предпринял попытку обратной деструкции — возвращения от латинских субстантиваций к исходному греческому опыту. Но его собственная политическая ангажированность в 1933–1934 годах показывает, что опасность перерождения философских конструктов в политические инструменты не является чисто исторической — она принадлежит самой структуре мышления, забывающего о своей грамматической обусловленности.

IX. Заключение.

Аристотелевская грамматическая машина — это не музейный экспонат. Её алгоритмы продолжают работать в философии, теологии, науке и политике. Субстантивация порождает новые категории; аналогия связывает разнородное; апория движет исследование; обращение зависимости перестраивает иерархии. Понимание этих алгоритмов — ключ к пониманию не только «Метафизики», но и всей западной философской традиции.

Но это понимание несёт с собой и ответственность. Грамматические алгоритмы — это инструменты, а инструменты могут быть использованы по-разному. Знание того, как они работают, позволяет не только лучше понимать философские тексты, но и распознавать опасные трансформации, когда методологические приёмы начинают выдавать себя за онтологические законы, а логические операции — за политические императивы.

Аристотель завершил «Метафизику» формулой $\tau\alpha\upsilon\tau\alpha \delta\grave{\epsilon} \tau\grave{\alpha} \pi\rho\omega\tau\alpha \tau\grave{\alpha} \alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}$ — «а первое — одно». Эта формула — не догма, а приглашение к мышлению. Первое движущее и первое мыслимое совпадают, но это совпадение не есть предмет обладания. Оно есть то, к чему мысль всегда стремится и чего никогда не достигает окончательно. Грамматическая машина «Метафизики» работает до сих пор — и её работа есть не что иное, как сама философия в её непрекращающемся усилии понять начала.

Введение к книгам XI–XIV «Метафизики» Аристотеля.

I. От фундамента к надстройке.

Настоящая часть исследования посвящена четырём заключительным книгам «Метафизики» — XI (K), XII (Λ), XIII (M) и XIV (N). В общем Введении были определены понятие грамматического алгоритма, пять функциональных регистров книги VIII и их развитие в книгах IX–X. Здесь мы сосредоточимся на том, как алгоритмы, выработанные в книгах VIII–X, работают в заключительных книгах трактата.

Книги XI–XIV не вводят новой онтологической проблематики по сравнению с книгами VIII–X. Их задача — иная. Они образуют особый блок, в котором достигнутые результаты проходят три последовательных испытания: проверку на устойчивость через возвращение к исходным апориям (книга XI), проверку на применимость к предельному объекту — неподвижному перводвигателю (книга XII), и проверку на способность противостоять альтернативным учениям — платоновским и пифагорейским (книги XIII–XIV). Для обслуживания этих трёх режимов потребовались четыре новых алгоритма (№ 54–57), которые не заменяют базовые алгоритмы книг VIII–X, а дополняют их, образуя полный грамматико-логический арсенал «Метафизики».

II. Формальный фундамент.

Чтобы сделать понятным переход к книгам XI–XIV, необходимо в сжатом виде восстановить формальную архитектуру предшествующих трёх книг. Подробное описание алгоритмов каждого регистра дано в общем Введении; здесь мы воспроизводим только формальную запись, необходимую для понимания механики заключительных книг.

Пусть S — множество сущностей (οὐσίαι), M — материи, F — формы, C — составные целые. Предикаты: $P(x)$ — «быть в потенции», $A(x)$ — «быть в акте», $R(x,y)$ — « x есть материя для y », $D(x)$ — « x определимо», $E(x)$ — « x едино», $\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\sigma\iota\varsigma(x)$ — « x подвержен возникновению и уничтожению», $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\omicron\lambda\eta(x,y)$ — « x превращается в y », $\alpha\iota\tau\acute{\iota}\alpha(x)$ — множество причин x .

Книга VIII. Пять регистров конструирования начал (алгоритмы № 1–47):

Регистр I (гл. 1–2): $S \supset \{M, F, C\}$; $M(x) \leftrightarrow (\forall y: y \text{ κατηγορεῖται κατὰ } x \rightarrow y \text{ ἐναντία})$.

Регистр II (гл. 3): $D(x) \leftrightarrow (\exists y \exists z: x = y+z \wedge y \text{ κατηγορεῖται κατὰ } z)$; $\neg D(x)$ для чистой M и чистой F .

Регистр III (гл. 4): $\forall x: \alpha\iota\tau\acute{\iota}\alpha(x) = \{\acute{\upsilon}\lambda\eta, \text{κινουῖν}, \text{εἶδος}, \text{τέλος}\} \wedge \delta\epsilon\acute{\iota} \text{ λέγειν ἐγγύτατα}$.

Регистр IV (гл. 5): $R(x,y) \rightarrow \neg(\text{φθορά κατὰ συμβεβηκός})$; $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\omicron\lambda\eta(x,y) \wedge \neg R(x,y) \rightarrow \acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu\epsilon\lambda\theta\epsilon\acute{\iota}\nu \text{ εἰς } \acute{\upsilon}\lambda\eta\nu$.

Регистр V (гл. 6): $\neg \exists z (z \neq \acute{\epsilon}\sigma\chi\acute{\alpha}\tau\eta \acute{\upsilon}\lambda\eta(x) \wedge z \neq \mu\omicron\rho\phi\acute{\eta}(x) \wedge \alpha\iota\tau\acute{\iota}\alpha(z, E(x)))$.

Книга IX. Динамика осуществления (алгоритмы № 48–53). Центральное положение: $\forall x (E(x) \rightarrow \neg P(x))$, но $\exists x (P(x) \wedge \diamond A(x))$. Приоритет энергии фиксируется тройной адвербиальной рамкой: $\lambda\acute{o}\gamma\omega \text{ πρ\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu}, \chi\rho\acute{o}\nu\omega \text{ πρ\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu}, \omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha \text{ πρ\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu}$.

Книга X. Трансцендентальные определения сущего. Центральное положение: $\forall x (E(x) \leftrightarrow \exists \mu: \mu \text{ μετρεῖ } x)$. Единое есть не род, а мера; $\neg \exists \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma(\acute{\epsilon}\nu)$, но $\forall \text{κατηγορία}, \acute{\epsilon}\nu \text{ λέγεται}$.

Таков фундамент. Книги XI–XIV надстраиваются над ним, решая три задачи: компендиум и проверку (XI), предельное применение (XII), грамматику опровержения (XIII–XIV).

III. Книга XI (К): компендиум и грамматика апорийного вопрошания.

Книга XI — краткое изложение книг III, IV, VI и начала XII. Аристотель не строит новых доказательств, а воспроизводит их в сжатом виде. Перед ним стоит задача: как сохранить логическую принудительность, утратив полноту развёрнутых синтаксических конструкций? Ответом служат два новых алгоритма.

Алгоритм 54. Апорийное вопрошание как метод построения исследования. Грамматический вход: цепочка вопросов через *λότερον... ἢ...* и потенциальный оптатив *ἀπορίσειε δ' ἄν τις*. В первой главе двенадцать последовательных вопросов организуют всё изложение: мудрость — одна наука или многие? Охватывает все сущности или нет? Грамматика вопроса фиксирует альтернативу в чистом виде, не снимая её преждевременно. Читатель вводится в состояние *ἀπορία*, которое есть условие возможности философствования. Почему этого алгоритма не было раньше? Потому что книги VIII–X — это позитивное конструирование, грамматика утверждения. Книга XI возвращается к началу исследовательского цикла, показывая, что те же апории могут быть сформулированы снова — но теперь с пониманием их грамматической природы.

Алгоритм 55. Редупликация апорий как проверка устойчивости решений. Грамматический вход: глава 11 дословно повторяет главу 1; глава 12 дословно повторяет главу 2. Это не ошибка переписчика, а редупликация целых блоков текста. Её функция — показать, что апории, снятые в позитивной части, при повторном предъявлении не вызывают замешательства. Читатель, прошедший через грамматическую лабораторию, возвращается к тем же вопросам и обнаруживает, что они больше не являются апориями: он уже владеет инструментами их разрешения. Этого алгоритма не было раньше, потому что редупликация имеет смысл только после завершения цикла, как проверка.

IV. Книга XII (Λ): перводвигатель и грамматика предельного.

Книга XII не требует новых алгоритмов. Её задача — применить уже сконструированные начала к неподвижному перводвигателю — сущности без материи, без потенции, без возникновения и без частей. Алгоритмы книги VIII, построенные для анализа составной чувственной сущности, здесь не отбрасываются, а трансформируются, работая в режиме отрицания тех грамматических операций, которые предполагают наличие материи и потенции.

Алгоритм № 7 (удержание подлежащего) используется от противного: перводвигатель потому и неподвижен, что в нём нет субстрата, способного принимать противоположные предикаты. Именно отсутствие подлежащего становится доказательством его особого онтологического статуса. Грамматика здесь работает через отрицание собственного условия применимости.

Алгоритм № 16 (парадоксальный статус формы) очищается: ἐνέργεια ἄνευ δυνάμεως — энергия без потенции. Форма перводвигателя не может исчезнуть вовсе, потому что ей не из чего возникнуть и не во что разрешаться. Грамматика ἄνευ переходит из регистра парадокса в регистр чистого утверждения.

Алгоритм № 44 (непосредственное единство безматерийного) доводится до предела: перводвигатель есть сама простота, его единство не произведено никаким движущим. Грамматика εὐθὺς указывает здесь на отсутствие какой бы то ни было опосредующей инстанции.

Алгоритм № 51 (аналогия) получает теологическое применение: κινεῖ ὡς ἐρώμενον — движет как любимое. Синтаксическая конструкция ὡς + пассивное причастие переносит каузальные свойства с одного типа причинности на другой. Это аналогия не между двумя членами одного рода, а между двумя родами причинности.

Алгоритм № 52 (истина через σύνθεσις) обнаруживает свою границу: божественное мышление — не дискурсивное, а простое схватывание (θιγεῖν). Νόησις νοήσεως — мышление мышления — строгий вывод из грамматики: если мышление есть ἐνέργεια без δυνάμις, то его предмет не может быть иным, чем оно само.

V. Книги XIII–XIV (M–N): грамматика опровержения.

Книги XIII и XIV образуют полемический блок, показывающий, что платоновские и пифагорейские учения ошибочны именно потому, что нарушают правильные грамматические операции. Если книга VIII была лабораторией позитивного конструирования, а книга IX — теорией динамического осуществления, то книги M и N — это грамматика опровержения. Оппоненты опровергаются не через апелляцию к опыту, а через демонстрацию того, что их учения нарушают грамматические правила предикации и отделимости.

Алгоритм 56. Reductio через накопление $\sigma\upsilon\beta\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota \acute{\alpha}\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\tau\alpha$. Грамматический вход: $\sigma\upsilon\beta\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota$ + множественное число $\acute{\alpha}\tau\omicron\lambda\alpha/\acute{\alpha}\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\tau\alpha$ + перечислительная конструкция ($\kappa\alpha\acute{\iota} \dots \kappa\alpha\acute{\iota} \dots \acute{\epsilon}\tau\iota \dots$). Этот алгоритм использовался в книге VIII как маркер дистанции (№ 3), но там он был осторожным дистанцированием. Здесь он превращается в орудие систематического разрушения: Аристотель накапливает следствия из допущения отдельного существования математических предметов, создавая кумулятивный эффект. Каждое следующее $\acute{\alpha}\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\tau\omicron\nu$ логически вытекает из той же самой грамматической ошибки — смешения логической и безусловной отделимости.

Алгоритм 57. Историко-грамматическая генеалогия понятия. Грамматический вход: исторический нарратив с имперфектами ($\acute{\epsilon}\zeta\eta\tau\epsilon\iota$, $\acute{\epsilon}\rho\omicron\iota\epsilon\iota$, $\pi\rho\omicron\sigma\eta\gamma\acute{o}\rho\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu$) + $\kappa\alpha\acute{\iota}\tau\omicron\iota$ + указание на грамматическую ошибку. Аристотель прослеживает происхождение теории идей: Сократ искал общие определения, не отделяя их от вещей; Платон, поверив гераклитовцам, отделил общее и назвал его идеями. Грамматическая ошибка Платона: он принял предикативный статус общего ($\kappa\alpha\theta\acute{o}\lambda\omicron\upsilon \kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$) за субъектный ($\chi\omega\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\nu \tau\acute{o}\delta\epsilon \tau\iota$). Этого алгоритма не было в книге VIII, потому что она работает в режиме синхронного анализа; книга XIII должна объяснить, как ошибка могла возникнуть и почему она обладает принудительностью.

Базовые алгоритмы книг VIII–X продолжают работать в полемическом контексте. **Алгоритм № 6** (разведение $\tau\tilde{\omega} \lambda\acute{o}\gamma\omega / \acute{\alpha}\lambda\lambda\tilde{\omega}\varsigma$) становится критерием демаркации между научной абстракцией и метафизической ошибкой. **Алгоритм № 17** (определение как предикация) показывает, что идеи-числа не удовлетворяют грамматическим условиям сущности. **Алгоритм № 41** (редукция через $\delta\acute{\iota}\alpha \tau\acute{\iota}$) обнажает произвольность платоновской конструкции. **Алгоритм № 45** (отсечение через регресс) применяется к понятию «промежуточного» ($\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}$), показывая невозможность остановить умножение сущностей. **Алгоритм № 7** (удержание подлежащего) в книге XIV показывает, что противоположности не могут быть первыми началами, потому что им всегда предшествует $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$. **Алгоритм № 15** (обращение зависимости через $\mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu$) перестраивает аксиологию: не единое есть благо, а благо есть цель стремления.

VI. Архитектура целого.

Книги XI–XIV не вводят новой онтологической проблематики по сравнению с книгами VIII–X. Они выполняют три взаимосвязанные задачи. Книга XI — компендиум, проверяющий устойчивость решений через редупликацию апорий. Книга XII — предельное применение алгоритмов к перводвигателю, показывающее, что грамматический метод не ломается при переходе к сверхчувственному. Книги XIII–XIV — грамматика опровержения, показывающая, что платоновские и пифагорейские учения ошибочны именно потому, что нарушают правильные грамматические операции.

Вместе четыре новых алгоритма (№ 54–57) и пятьдесят три алгоритма книг VIII–X образуют полный грамматико-логический арсенал «Метафизики» — от конструирования начал до их предельного применения и защиты от неправильных употреблений.

Одинадцатая книга.

ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ ΤΩΝ ΜΕΤΑ ΤΑ ΦΥΣΙΚΑ

Κ (Τὸ ἕνδεκατον)

Κεφάλαιον 1.

[1059a18] Ὅτι μὲν ἡ σοφία περὶ ἀρχὰς ἐπιστήμη τις ἐστὶ, δῆλον ἐκ τῶν πρώτων ἐν οἷς διηπόρηται πρὸς τὰ ὑπὸ τῶν ἄλλων εἰρημένα περὶ τῶν ἀρχῶν. [20] ἀπορήσειε δ' ἂν τις πότερον μίαν ὑπολαβεῖν εἶναι δεῖ τὴν σοφίαν ἐπιστήμην ἢ πολλὰς. εἰ μὲν γὰρ μίαν, ἀεὶ μία γ' ἐστὶν ἐναντίων, αἱ δ' ἀρχαὶ οὐκ ἐναντίαι. εἰ δὲ μὴ μία, ποίας θετέον ταύτας; [25] ἔτι τὰς ἀποδεικτικὰς ἀρχὰς θεωρῆσαι μιᾶς ἢ πλειόνων; εἰ μὲν γὰρ μιᾶς, τί μᾶλλον ταύτης ἢ ὅποιασοῦν; εἰ δὲ πλειόνων, ποίας θετέον ταύτας; [1059a26] ἔτι πότερον πασῶν τῶν οὐσιῶν ἢ οὐ; εἰ μὲν γὰρ μὴ πασῶν, ποίων, χαλεπὸν ἀποδοῦναι. εἰ δὲ πασῶν μία, ἄδηλον πῶς ἐνδέχεται πλειόνων τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην εἶναι. [29] ἔτι πότερον περὶ τὰς οὐσίας μόνον ἢ καὶ τὰ συμβεβηκότα ἀπόδειξις ἐστίν; [30] εἰ γὰρ περὶ γε τὰ συμβεβηκότα ἀπόδειξις ἐστὶ, περὶ τὰς οὐσίας οὐκ ἐστίν. [31] εἰ δ' ἑτέρα, τίς ἑκατέρα καὶ ποτέρα σοφία; ἀποδεικτικὴ μὲν γὰρ ἡ σοφία, περὶ τὰ συμβεβηκότα. περὶ τὰ πρῶτα, ἢ περὶ τὰς οὐσίας. [1059a34] ἀλλ' οὐδὲ περὶ τὰς ἐν τοῖς φυσικοῖς εἰρημένας αἰτίας τὴν ἐπιστήμην θετέον. [35] οὔτε γὰρ περὶ τὸ οὐ ἔνεκεν (τοιοῦτον γὰρ τὰγαθόν, τοῦτο δ' ἐν τοῖς πρακτοῖς ὑπάρχει καὶ τοῖς οὐσιν ἐν κινήσει. καὶ τοῦτο πρῶτον κινεῖ — τοιοῦτον γὰρ τὸ τέλος — τὸ δὲ πρῶτον κινήσαν οὐκ ἐστὶν ἐν τοῖς ἀκινήτοις) [1059a38] — ὅλως δ' ἀπορίαν ἔχει πότερόν ποτε περὶ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας ἐστὶν ἡ ζητουμένη νῦν ἐπιστήμη ἢ οὐ, περὶ δὲ τινὰς ἑτέρας. [39] εἰ γὰρ περὶ ἄλλας, [1059b1] ἢ περὶ τὰ εἶδη εἴη ἂν ἢ περὶ τὰ μαθηματικά. τὰ μὲν οὖν εἶδη ὅτι οὐκ ἐστὶ, δῆλον. [2] ἀπορίαν δ' ἔχει, κἄν εἶναι τις αὐτὰ θῆ, διὰ τί ποτ' οὐχ ὁμοίως ἐπὶ τε τῶν ἄλλων ὄσων ἐστὶν εἶδη, καὶ ἐπὶ τῶν μαθηματικῶν. [6] λέγω δ' ὅτι ταῦτα μὲν μεταξὺ τε τῶν εἰδῶν τιθέασιν καὶ τῶν αἰσθητῶν, οἷον τρίτα τινὰ παρὰ τὰ εἶδη τε καὶ τὰ δεῦρο. [8] τρίτος δ' ἄνθρωπος οὐκ ἐστὶν οὐδ' ἵππος παρ' αὐτόν τε καὶ τοὺς καθ' ἕκαστα. [10] εἰ δ' αὖ μὴ ἐστὶν ὡς λέγουσι, περὶ ποῖα θετέον πραγματεῦσθαι τὸν μαθηματικόν; οὐ γὰρ δὴ περὶ τὰ δεῦρο. τούτων γὰρ οὐθέν ἐστὶ τοιοῦτον οἷον αἱ μαθηματικαὶ ζητοῦσι τῶν ἐπιστημῶν. [14] οὐδὲ μὴν περὶ τὰ μαθηματικά ἡ ζητουμένη νῦν ἐστὶν ἐπιστήμη. χωριστὸν γὰρ αὐτῶν οὐθέν. [15] ἀλλ' οὐδὲ τῶν αἰσθητῶν οὐσιῶν. φθαρταὶ γάρ. [16] ὅλως δ' ἀπορήσειεν ἂν τις ποίας ἐστὶν ἐπιστήμης τὸ διαπορῆσαι περὶ τῆς τῶν μαθηματικῶν ὕλης. [18] οὔτε γὰρ τῆς φυσικῆς, διὰ τὸ περὶ τὰ ἔχοντα ἐν αὐτοῖς ἀρχὴν κινήσεως καὶ στάσεως τὴν τοῦ φυσικοῦ πᾶσαν εἶναι πραγματείαν, [21] οὔτε μὴν τῆς σκοπούσης περὶ ἀποδείξεώς τε καὶ ἐπιστήμης. περὶ γὰρ αὐτὸ τοῦτο τὸ γένος τὴν ζήτησιν ποιεῖται. [23] λείπεται τοίνυν περὶ τούτων τὴν προκειμένην φιλοσοφίαν σκέψασθαι. [1059b24] ἀπορήσειε δ' ἂν τις εἰ δεῖ θεῖναι περὶ τὰς ἀρχὰς τὰς ὑπὸ τῶν στοιχεῖα καλουμένας τὴν ἐπιστήμην. [25] ταύτας δὲ πάντες ἐνυπαρχούσας τοῖς συνθέτοις τιθέασιν. μᾶλλον δ' ἂν δόξειε τῶν καθόλου εἶναι ἡ ζητουμένη περὶ τούτων. πᾶς γὰρ λόγος καὶ πᾶσα ἐπιστήμη τῶν καθόλου, οὐ τῶν ἐσχάτων, [28] ὥστ' εἴη ἂν οὕτω τῶν πρώτων γενῶν. ταῦτα δὲ γίγνοιτ' ἂν τό τε ὄν καὶ τὸ ἔν. [30] ταῦτα γὰρ μάλιστ' ἂν ὑποληφθεῖη περιέχειν πάντα καὶ μάλιστα ἀρχαῖς εὐοκίαναι διὰ τὸ εἶναι πρῶτα τῆ φύσει. [31] διαφθαρέντων γὰρ αὐτῶν συναναίρειται καὶ τὰ λοιπά. πᾶν γὰρ ὄν καὶ ἔν. [32] ἢ δὲ εἰ διαφορὰς αὐτῶν δεῖ λαβεῖν, [1059b33] αἱ διαφοραὶ αὐτῶν εἴη ἂν γένη, [34] διαφορὰ δ' οὐδεμία κοινωνεῖ γένει, ταύτη δ' οὐδ' ἀρχαῖς οὔτε γένεσιν ἂν δόξειεν δεῖν τιθέσθαι. [35] ἔτι εἰ μᾶλλον ἀρχὴ τὸ ἀπλούστερον τοῦ ἥττον ἀπλοῦ, [36] τὰ δ' ἔσχατα τῶν ἐκ τοῦ γένους ἀπλούστερα τῶν γενῶν (ἄτομα γάρ), [38] τὰ δ' εἶδη εἰς πολλὰ διαίρειται καὶ διαφέροντα, [1059b39] μᾶλλον ἂν ἀρχὴ τὰ εἶδη τῶν γενῶν δόξειεν εἶναι. [1059b2 in Bekker line numbering is continuous] ἢ δὲ συναναίρειται τοῖς γένεσι τὰ εἶδη, [1059b3] τὰ γένη ταῖς ἀρχαῖς μᾶλλον ἔοικεν. ἀρχὴ γὰρ τὸ συναναίρουσιν. [1059b4] τὰ μὲν οὖν τὴν ἀπορίαν ἔχοντα ταῦτα καὶ τοιαῦτ' ἐστὶν ἕτερα.

Книга одиннадцатая (К)

Глава 1

[1059a18] Что мудрость есть некая наука о началах, очевидно из предшествующих [глав], в которых были разобраны апории относительно сказанного другими о началах. [20] Можно

было бы задаться вопросом: следует ли полагать мудрость одной наукой или многими? Если одной, то [возражение в том, что] одна наука всегда имеет дело с противоположностями, начала же не противоположны друг другу. Если же она не одна, то какие именно науки следует признать за мудрость?

[25] Далее, является ли рассмотрение начал доказательства делом одной науки или многих? Если одной — то почему именно этой, а не любой другой? Если многих — то какие именно [науки] следует полагать таковыми?

[1059a26] Далее, [имеет ли она дело] со всеми сущностями или нет? Если не со всеми, то трудно указать, с какими именно; если же одна наука [объемлет] все сущности, то неясно, как возможно одной и той же науке охватывать множество [разнородных] предметов.

[29] Далее, имеет ли она дело только с сущностями или также с доказательством приводящих свойств? [30] Ведь если есть доказательство относительно приводящих свойств, то относительно сущностей доказательства нет. [31] Если же [эти науки] разные, то какова каждая из них и которая из них мудрость? Доказывающей [наукой] является мудрость, когда она направлена на приводящее; но когда речь идёт о первых [началах], мудрость направлена на сущности.

[1059a34] Но не следует также полагать, что искомая наука занимается теми причинами, о которых говорилось в «Физике». [35] Ведь она не занимается [причиной] «ради чего» — ибо таково благо, а благо присутствует в сфере поступков и в том, что находится в движении; оно, как цель, движет первым, — но первое движущее не принадлежит неподвижному. [1059a38] — Вообще же остаётся неясным, имеет ли наука, которую мы сейчас ищем, дело с чувственно воспринимаемыми сущностями или нет, но с какими-то иными. [39] Ибо если с иными, [1059b1] то это либо эйдосы, либо математические предметы. Что эйдосы не существуют — ясно. [2] Но даже если допустить, что они существуют, остаётся трудность: почему с прочими [вещами], для которых есть эйдосы, дело обстоит не так, как с математическими? [6] Я имею в виду, что математические [предметы] они помещают как промежуточные между эйдосами и чувственно воспринимаемым — как нечто третье наряду с эйдосами и здешними [вещами]; [8] однако не существует ни третьего человека, ни третьей лошади помимо [эйдоса] самого-по-себе и единичных [людей и лошадей]. [10] Но если, с другой стороны, дело обстоит не так, как они говорят, то чем же тогда должен заниматься математик? Разумеется, не здешним — ведь в здешнем нет ничего такого, что исследуют математические науки. [14] Но и не математическими предметами занимается искомая нами наука — ведь ничто математическое не существует отдельно. [15] Не занимается она и чувственными сущностями — ибо они переходящи.

[16] Вообще, можно было бы задаться вопросом: какой науке надлежит исследовать трудности, связанные с материей математических предметов? [18] Конечно, не физике — ибо всё занятие физика обращено на то, что имеет в самом себе начало движения и покоя; [21] и не той [науке], которая исследует доказательство и знание как таковое — ибо именно этот род она и делает предметом своего исследования. [23] Стало быть, остаётся предложенной нами философии рассмотреть эти [вопросы].

[1059b24] Можно было бы задаться вопросом: следует ли полагать, что искомая наука занимается началами, которые [некоторые] называют элементами? [25] Но все признают, что эти [элементы] присутствуют в составных [вещах]. А между тем скорее можно было бы предположить, что искомая наука имеет дело с общим — ибо всякое определение и всякая наука направлены на общее, а не на последнее [единичное]; [28] так что в этом смысле она была бы наукой о первых родах. Таковыми оказались бы сущее и единое: [30] ведь их скорее всего можно было бы считать объемлющими всё сущее и наиболее подобными началам, поскольку они первы по природе — с их уничтожением соуничтожается и всё остальное, ибо всё есть сущее и единое. [32] Однако если роды, то им должны быть причастны и [видовые] различия, но ни

одно различие не причастно роду; поэтому-то, по-видимому, не следует полагать их ни родами, ни началами. [35] Далее, если более простое есть начало в большей мере, чем менее простое, а последнее, [далее неразложимое] внутри рода, проще самих родов (ибо оно неделимо), тогда как роды разделяются на многие и различные виды, — то виды, пожалуй, покажутся началами в большей мере, чем роды. [1059b2] Но поскольку с уничтожением родов соуничтожаются и виды, то роды опять-таки более подобны началам, ибо начало есть то, что соуничтожает [с собой всё прочее]. [1059b4] Таковы, стало быть, эти и подобные им апории.

Κεφάλαιον 2.

[1059b5] Ἀπορία δ' ἔχεται τούτων, πότερον δεῖ τιθῆναι τι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα ἢ οὐ, ἀλλ' ἢ ζητουμένη ἐπιστήμη περὶ ταῦτα ἔστιν. [7] ἀλλὰ ταῦτα ἄπειρα· τά γε μὴν παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα γέννη ἢ εἶδη ἔστιν, ἀλλὰ τούτων ἢ νῦν ζητουμένη ἐπιστήμη οὐδετέρων. [8] διότι γὰρ ἀδύνατον τοῦτο, εἴρηται. [9] καὶ γὰρ ὅλως ἀπορίαν ἔχει πότερον δεῖ τινα ὑπολαβεῖν οὐσίαν εἶναι χωριστὴν παρὰ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας καὶ τὰς δεῦρο, ἢ οὐ, ἀλλὰ ταῦτ' εἶναι τὰ ὄντα καὶ περὶ ταῦτα τὴν σοφίαν ὑπάρχειν. [12] ζητεῖν μὲν γὰρ εἰκόκαμεν ἄλλην τινά, καὶ τὸ προκείμενον τοῦτ' ἔστιν ἡμῖν, λέγω δὲ τὸ ἰδεῖν εἶ τι χωριστὸν καθ' αὐτὸ καὶ μηδενὶ τῶν αἰσθητῶν ὑπάρχον. [14] ἔτι δ' εἰ παρὰ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας ἔστι τις ἕτερα οὐσία, [15] παρὰ ποίας τῶν αἰσθητῶν δεῖ τιθῆναι ταύτην εἶναι; τί γὰρ μᾶλλον παρὰ τοὺς ἀνθρώπους ἢ τοὺς ἵππους ἢ τῶν ἄλλων ζῴων θήσει τις ἢ καὶ τῶν ἀψύχων ὅλως; [17] τό γε μὴν ἴσας ταῖς αἰσθηταῖς καὶ φθαρταῖς οὐσίαις αἰδίους ἕτερας κατασκευάζειν ἐκτὸς τῶν εὐλόγων δόξειεν ἂν πίπτειν. [20] εἰ δὲ μὴ χωριστὸς τῶν σωμάτων ὁ ζητούμενος νῦν ἀρχή, τίνα ἂν τις ἄλλην θεῖη μᾶλλον τῆς ὕλης; [22] αὕτη γε μὴν ἐνεργεία μὲν οὐκ ἔστι, δυνάμει δ' ἔστιν. [23] μᾶλλον δ' ἂν ἀρχὴ κυριώτερα ταύτης δόξειεν εἶναι τὸ εἶδος καὶ ἡ μορφή· τοῦτο δὲ φθαρτὸν, [25] ὥσθ' ὅλως οὐκ ἂν εἴη αἰδίος οὐσία χωριστὴ καὶ καθ' αὐτήν. [26] ἀλλ' ἄτοπον· εἰκοίκε γὰρ καὶ ζητεῖται σχεδὸν ὑπὸ τῶν χαριεστάτων ὡς οὐσά τις ἀρχὴ καὶ οὐσία τοιαύτη· πῶς γὰρ ἔσται τάξις μὴ τινος ὄντος αἰδίου καὶ χωριστοῦ καὶ μένοντος; [30] ἔτι δ' εἴπερ ἔστι τις οὐσία καὶ ἀρχὴ τοιαύτη τὴν φύσιν οἶαν νῦν ζητοῦμεν, [31] καὶ αὕτη μία πάντων καὶ ταύτῃ τῶν αἰδίων τε καὶ φθαρτῶν, ἀπορίαν ἔχει διὰ τί ποτε τῆς αὐτῆς ἀρχῆς οὐσης τὰ μὲν ὑπὸ τὴν ἀρχὴν ἔστιν αἰδία τὰ δ' οὐκ αἰδία. [33] τοῦτο γὰρ ἄτοπον. [34] εἰ δ' ἄλλη μὲν ἀρχὴ τῶν φθαρτῶν ἄλλη δὲ τῶν αἰδίων, [35] εἰ μὲν αἰδίος καὶ ἡ τῶν φθαρτῶν, ὁμοίως ἀπορήσομεν· διὰ τί γὰρ οὐκ αἰδίου οὐσης τῆς ἀρχῆς καὶ τὰ ὑπὸ τὴν ἀρχὴν αἰδία; [36] φθαρτῆς δ' οὐσης ἄλλη τις ἀρχὴ γίνεταί ταύτης, κάκεινης ἕτερα, καὶ τοῦτ' εἰς ἄπειρον πρόεισιν. [1060a3] εἰ δ' αὖ τις ἅς δοκοῦσιν ἀρχαὶ μάλιστ' ἀκίνητοι, τό τε ὄν καὶ τὸ ἔν, θήσει ἀρχάς, πρῶτον μὲν εἰ μὴ τότε τι σημαίνει καὶ οὐσίαν ἐκάτερον αὐτῶν, [5] πῶς ἔσσονται χωρισταὶ καὶ καθ' αὐτάς; τοιαύτας δὲ ζητοῦμεν τὰς αἰδίους τε καὶ πρῶτας ἀρχάς. [7] εἰ μὴν τότε τι σημαίνει καὶ οὐσίαν, ἔστιν οὐσία πάντα τὰ ὄντα· κατὰ πάντων γὰρ τὸ ὄν, κατ' ἐνίων δὲ καὶ τὸ ἔν. [9] ἀλλὰ μὴν ὅτι πάντα τὰ ὄντα οὐσία, ψεῦδος. [10] ἔτι δὲ τοῖς τὴν πρώτην ἀρχὴν τὸ ἔν λέγουσι καὶ τοῦτ' οὐσίαν, [11] ἐκ δὲ τοῦ ἐνός καὶ τῆς ὕλης τὸν ἀριθμὸν γεννῶσι πρῶτον καὶ τοῦτον οὐσίαν φάσκουσιν εἶναι, πῶς ἐνδέχεται τὸ λεγόμενον ἀληθές εἶναι; [14] δυάδα γὰρ καὶ τῶν λοιπῶν ἀριθμῶν ἕκαστον τὸν σύνθετον πῶς ἐν δεῖ νοῆσαι; περὶ τούτου γὰρ οὔτε λέγουσιν οὐδὲν οὔτε ῥόδιον εἰπεῖν. [17] εἰ μέντοι γραμμὰς ἢ τὰ τούτων ἐχόμενα (λέγω δὲ ἐπιφανείας τὰς πρῶτας) θήσει τις ἀρχάς, [18] ταῦτα οὐκ εἰσὶν οὐσίαι χωρισταί, τομαὶ δὲ καὶ διαιρέσεις, αἱ μὲν ἐπιφανείας αἱ δὲ γραμμῆς αἱ δὲ στιγμαί· ἔτι δὲ τοῦ πεπερασμένου πέρατα. [21] πάντα δὲ ταῦτα ἐν ἄλλοις ὑπάρχει καὶ χωριστὸν οὐθέν ἔστιν. [23] ἔτι πῶς οἰηθῆναι δεῖ ἐνός εἶναι οὐσίαν καὶ στιγμῆς; [24] οὐσίας μὲν γὰρ ἀπάσης γένεσις ἔστι, στιγμῆς δ' οὐκ ἔστιν· διαίρεσις γὰρ ἢ στιγμῆ. [1060a27] παρέχει δ' ἀπορίαν καὶ τὸ πᾶσαν μὲν ἐπιστήμην εἶναι τῶν καθόλου, ὥστε δεῖν καὶ τὴν τῶν οὐσιῶν ἀρχὴν καθόλου εἶναι καὶ μὴ οὐσίαν χωριστὴν. [27] — τοῦτο δ' ἔχει μὲν τινα ἀπορίαν, ἔστι μέντοι ὡς ἀληθές, ἔστι δ' ὡς οὐκ ἀληθές. [28] — ἀλλὰ μὴν καὶ πάντων χαλεπώτατον καὶ πλείστην ἀπορίαν ἔχει, πότερον, ὥσπερ εἴρηται, δεῖ θεῖναι τι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα ἢ οὐ, [31] ἀλλὰ τούτων ἢ ζητουμένη ἐπιστήμη. (Продолжение этого сложного места до конца главы:.) [32] ἀλλ' ἢ ἐπιστήμη ἐκείνων· κατὰ συμβεβηκός γάρ. [1060b3] ἀλλὰ μὴν εἰ γέ τι ἔστι παρὰ τὰ σύνολα, [1060b4] — λέγω δὲ σύνολα, ὅταν κατηγορηθῇ τι τῆς ὕλης — [5] πότερον, εἰ ἔστι, παρὰ πάντα δεῖ εἶναι τι, ἢ παρὰ μὲν ἕνια εἶναι παρὰ δ' ἕνια μὴ εἶναι, ἢ παρ' οὐθέν; [7] εἰ μὲν οὖν μηθέν ἔστι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα, [8] νοητὸν μὲν ἂν εἴη, πάντα δὲ φθαρτά· ἢ μὲν γὰρ νοητὸν, ἄφθαρτα, ἢ δέ, φθαρτά. [10] ἀλλ' εἰ ἔστι τι, τοῦτο εἶναι τὸ εἶδος καὶ τὴν μορφήν. [11] ταύτην δὲ ἐφ' οἷς δεῖ τιθῆναι ἐφ' οἷς δ' οὐ, χαλεπὸν διορίσαι. [12] ἐπ' ἐνίων

γὰρ δῆλον ὅτι οὐ χωριστὸν τὸ εἶδος, οἷον οἰκίας. [14] καὶ πότερον αἱ ἀρχαὶ εἶδει ἢ ἀριθμῷ αἱ αὐταί; [15] εἰ γὰρ ἀριθμῷ, πάντα ἔσται ταῦτά.

Глава 2

[1059b5] С этими [вопросами] связана и другая апория: следует ли полагать нечто помимо единичных [вещей] или нет, [и не так ли обстоит дело, что] искомая наука занимается именно единичными [вещами]? [7] Однако единичные [вещи] бесконечны [по числу]; то же, что существует помимо единичного, — это роды или виды, но искомая нами наука не занимается ни теми, ни другими. А почему это невозможно — уже сказано. [9] Ведь и вообще остаётся затруднение: следует ли признавать, что существует какая-либо отдельная сущность помимо чувственных сущностей и здешних [вещей], или же нет, но именно эти [вещи] суть сущие и мудрость имеет с ними дело? [12] Однако мы, по-видимому, ищем некую иную [сущность], и наша задача именно в этом — я имею в виду: усмотреть, существует ли нечто отдельное и само-по-себе, не присущее ничему чувственно воспринимаемому. [14] Кроме того, если наряду с чувственными сущностями существует некая иная сущность, то наряду с какими именно чувственными [вещами] следует её полагать? Почему скорее наряду с людьми или лошадьми, чем наряду с прочими живыми существами или даже с неодушевлёнными [вещами] вообще? [17] А полагать равночисленные чувственным и преходящим сущностям иные вечные сущности — это, пожалуй, выходило бы за пределы вероятного.

[20] Если же искомое нами начало не отделено от тел, то что же иное можно было бы принять за начало с большим основанием, чем материя? Правда, она существует не в действительности, а в возможности. [23] Более важным началом, чем материя, казались бы форма и очертание; но форма преходяща, так что вообще не существовало бы вечной, отдельной и самой-по-себе сущей субстанции. [26] Но это нелепо: ведь и по общему мнению, и по существу дела нечто подобное — такое начало и такая сущность — по-видимому, существует, и её ищут наиболее проницательные [мыслители]; в самом деле, какой может быть порядок, если нет ничего вечного, отдельного и постоянного?

[30] Далее, если существует сущность и начало такого рода, какое мы сейчас ищем, и это начало — одно для всего: и для вечного, и для преходящего, — то возникает трудный вопрос: почему при одном и том же начале одни вещи, подпадающие под это начало, вечны, а другие не вечны? Это ведь нелепо. [34] Если же одно начало у преходящего, а другое у вечного, то, если начало преходящего также вечно, мы окажемся в том же затруднении: в самом деле, почему, раз начало вечно, и то, что подпадает под это начало, не вечно? [36] Если же начало преходяще, то у него оказывается другое начало, а у того — ещё одно, и так до бесконечности.

[1060a3] Если же, с другой стороны, в качестве начал полагать то, что считается наиболее неподвижными началами — сущее и единое, — то, во-первых, если каждое из них не обозначает определённого нечто и сущность, то как они могут быть отдельными и самими-по-себе? А мы ищем именно такие — вечные и первые — начала. [7] Если же каждое из них обозначает определённое нечто и сущность, то всё сущее [окажется] сущностью: ведь сущее сказывается обо всём, а единое — о некотором. [9] Но что всё сущее есть сущность — ложно.

[10] Далее, как может быть истинным утверждение тех, кто первым началом полагает единое и [принимает его за] сущность, а из единого и материи впервые порождает число и объявляет его сущностью? [14] В самом деле, каким образом следует мыслить двойцу и каждое из прочих составных чисел как единое? Об этом они ничего не говорят, да и сказать нелегко.

[17] Если же кто-то пожелает принять за начала линии или то, что за ними следует (я имею в виду первые плоскости), [18] то [следует возразить, что] всё это — не отдельные сущности, но сечения и деления: плоскости — деления тел, линии — деления плоскостей, точки — деления линий; кроме того, они суть границы ограниченного. [21] Но всё это существует в другом, и ничто [из этого] не существует отдельно.

[23] Далее, как следует мыслить сущность единицы и точки? Всякая сущность имеет возникновение, а точка — нет, ибо точка есть деление.

[1060a27] Затруднение вызывает и то, что всякая наука направлена на общее, так что и начало сущностей [как предмет науки] должно быть общим, а не отдельной сущностью. — Но это хотя и содержит некоторую апорию, однако в каком-то смысле истинно, а в каком-то — не истинно.

[1060a31] Однако самое трудное и содержащее наибольшую апорию — это вопрос: следует ли, как было сказано, полагать нечто помимо единичного или же искомая наука занимается именно единичным? [32] Однако [оказывается, что] наука [занимается] тем [общим], [которое сказывается] о единичном: [единичное же познаётся] по совпадению.

[1060b3] Но если существует нечто помимо составных целых — а составным целым я называю то, что сказывается о материи, — то, если оно существует, следует ли полагать его существующим наряду со всеми [составными вещами], или наряду с одними — да, а с другими — нет, или же ни с какими?

[7] Если же ничего не существует помимо единичных [вещей], то [всё было бы] умопостигаемым, но все [вещи были бы] преходящи: поскольку умопостигаемо — постольку [вещи были бы] непреходящи, а поскольку [материальны] — преходящи. [10] Если же нечто существует [помимо единичного], то это, надо полагать, форма и очертание. [11] Но относительно неё трудно определить, для каких [вещей] её следует полагать, а для каких — нет; ибо для некоторых очевидно, что форма неотделима, как, например, для дома.

[14] И наконец, [следует спросить:] являются ли начала тождественными по виду или по числу? Если бы они были тождественны по числу, то всё было бы тождественно.

Κεφάλαιον 3.

[1060b31] Ὅτι μὲν οὖν τοῦ φιλοσόφου, καὶ τοῦ περὶ πάσης τῆς οὐσίας θεωροῦντος ἢ πέφυκεν, καὶ περὶ τῶν συλλογιστικῶν ἀρχῶν ἐστὶν ἐπισκέψασθαι, δῆλον· προσήκει δὲ τὸν μάλιστα γνωρίζοντα περὶ ἕκαστον γένος ἔχειν λέγειν τὰς βεβαιοτάτας ἀρχὰς [35] τοῦ πράγματος, ὥστε καὶ τὸν περὶ τῶν ὄντων ἢ ὄντα, τὰς πάντων βεβαιοτάτας, ἔστι δ' οὗτος ὁ φιλόσοφος. [1061a1] βεβαιοτάτη δ' ἀρχὴ πασῶν περὶ ἣν διαψευσθῆναι ἀδύνατον· γνωριμωτάτην γὰρ ἀναγκαῖον εἶναι τὴν τοιαύτην (περὶ γὰρ ἃ μὴ γνωρίζουσιν, ἀπατῶνται πάντες) καὶ ἀνυπόθετον. [3] ἣν γὰρ ἀναγκαῖον ἔχειν τὸν ὀτιοῦν ξυγιέντα τῶν ὄντων, τοῦτο οὐχ ὑπόθεσις· ὁ δὲ γνωρίζειν ἀναγκαῖον τῷ ὀτιοῦν γνωρίζοντι, [5] καὶ ἦκειν ἔχοντα ἀναγκαῖον. ὅτι μὲν οὖν βεβαιοτάτη ἢ τοιαύτη πασῶν ἀρχὴ, δῆλον· τίς δ' ἔστιν αὕτη, μετὰ ταῦτα λέγωμεν. [7] τὸ γὰρ αὐτὸ ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ τὸ αὐτό, [10] καὶ ὅσα ἄλλα προσδιορισαίμεθ' ἂν, ἔστω προσδιορισμένα πρὸς τὰς λογικὰς δυσχερείας· [11] αὕτη δὴ πασῶν ἐστὶ βεβαιοτάτη τῶν ἀρχῶν· ἔχει γὰρ τὸν εἰρημένον διορισμόν. [12] ἀδύνατον γὰρ ὄντινοῦν ταῦτον ὑπολαμβάνειν εἶναι καὶ μὴ εἶναι, καθάπερ τινὲς οἴονται λέγειν Ἡράκλειτον· [15] οὐκ ἔστι γὰρ ἀναγκαῖον, ἃ τις λέγει, ταῦτα καὶ ὑπολαμβάνειν. [16] εἰ δὲ μὴ ἐνδέχεται ἅμα ὑπάρχειν τῷ αὐτῷ τὰναντία [17] (προσδιορίσθω δ' ἡμῖν καὶ ταύτη τῇ προτάσει τὰ εἰωθότα), [18] ἐναντία δ' ἐστὶ δόξα δόξη ἢ τῆς ἀντιφάσεως, φανερόν ὅτι ἀδύνατον ἅμα ὑπολαμβάνειν τὸν αὐτὸν εἶναι καὶ μὴ εἶναι τὸ αὐτό· [20] ἅμα γὰρ ἂν ἔχοι τὰς ἐναντίας δόξας ὁ διεψευσμένος περὶ τούτου. [21] διὸ πάντες οἱ ἀποδεικνύντες εἰς ταύτην ἀνάγουσιν ἐσχάτην δόξαν· φύσει γὰρ ἀρχὴ καὶ τῶν ἄλλων ἀξιωματῶν αὕτη πάντων.

[1061b1] Εἰσὶ δὲ τινες οἵ, καθάπερ εἶπομεν, αὐτοὶ τε ἐνδέχεσθαι φασὶ τὸ αὐτὸ εἶναι καὶ μὴ εἶναι, [3] καὶ ὑπολαμβάνειν οὕτως. χρῶνται δὲ τῷ λόγῳ τούτῳ πολλοὶ καὶ τῶν περὶ φύσεως. [4] ἡμεῖς δὲ νῦν εἰλήφαμεν ὡς ἀδύνατον ὄντος ἅμα εἶναι καὶ μὴ εἶναι, καὶ διὰ τούτου ἐδείξαμεν ὅτι βεβαιοτάτη αὕτη τῶν ἀρχῶν πασῶν. [7] ἀξιούσι δὴ καὶ τοῦτο ἀποδεικνύειν τινὲς δι' ἀπαιδευσίαν· [8] ἔστι γὰρ ἀπαιδευσία τὸ μὴ γινώσκειν τίνων δεῖ ζητεῖν ἀπόδειξιν καὶ τίνων οὐ δεῖ. [10] ὅλως μὲν γὰρ ἀπάντων ἀδύνατον ἀπόδειξιν εἶναι (εἰς ἄπειρον γὰρ ἂν βαδίζοι, ὥστε μὴδ' οὕτως εἶναι ἀπόδειξιν). [12] εἰ δὲ τίνων μὴ δεῖ ζητεῖν ἀπόδειξιν, τίνα ἀξιούσιν εἶναι μᾶλλον τοιαύτην ἀρχὴν οὐκ ἂν ἔχοιεν εἰπεῖν. [15] ἔστι δ' ἀποδείξαι ἐλεγκτικῶς καὶ περὶ τούτου ὅτι ἀδύνατον, ἂν μόνον τι λέγη ὁ ἀμφισβητῶν· [17] ἂν δὲ μὴθέν, γελοῖον τὸ ζητεῖν λόγον πρὸς τὸν μὴθενὸς ἔχοντα λόγον, ἢ μὴ ἔχει. [18] ὁμοῖος γὰρ φυτῷ ὁ τοιοῦτος ἢ τοιοῦτος ἦδη. [19] τὸ δ' ἐλεγκτικῶς ἀποδείξαι λέγω διαφέρειν καὶ τὸ ἀποδείξαι, ὅτι ἀποδεικνύς μὲν ἂν δόξειεν αἰτεῖσθαι τὸ ἐν ἀρχῇ, ἄλλου δὲ τοῦ τοιούτου αἰτίου ὄντος ἔλεγχος ἂν εἴη καὶ οὐκ ἀπόδειξις. [1062a1] ἀρχὴ δὲ πρὸς ἅπαντα τὰ τοιαῦτα οὐ τὸ ἀξιούειν ἢ εἶναι τι λέγειν ἢ μὴ εἶναι (τοῦτο μὲν γὰρ τάχ' ἂν τις ὑπολάβοι τὸ ἐξ ἀρχῆς αἰτεῖν), [3] ἀλλὰ σημαίνειν γέ τι καὶ αὐτῷ καὶ ἄλλῳ· τοῦτο γὰρ ἀνάγκη, εἴπερ λέγοι τι. [4] εἰ γὰρ μή, οὐκ ἂν εἴη τῷ τοιούτῳ λόγος, οὐτ' αὐτῷ πρὸς αὐτὸν οὔτε πρὸς ἄλλον. [5] ἂν δὲ τις τοῦτο διδῶ, ἔσται ἀπόδειξις· ἦδη γὰρ τι ἔσται ὠρισμένον. [6] ἀλλ' αἴτιος οὐχ ὁ ἀποδεικνύς ἀλλ' ὁ ὑπομένων· ἀναιρῶν γὰρ λόγον ὑπομένει λόγον. [8] ἔτι δὲ ὁ τοῦτο συγχωρήσας συγκεχώρηκέ τι ἀληθὲς εἶναι χωρὶς ἀποδείξεως.

Глава 3

[1060b31] Итак, что делом философа — того, кто исследует всякую сущность как она есть по природе, — является также и рассмотрение начал умозаключения, это ясно. И тому, кто обладает наибольшим знанием в каждом роде, надлежит быть в состоянии указать наиболее достоверные начала предмета, [35] а потому и тому, кто [обладает наибольшим знанием] о сущем как сущем, — наиболее достоверные начала всего. А таков именно философ. [1061a1] Наиболее же достоверное начало из всех — то, относительно которого невозможно впасть в заблуждение; ибо такое начало должно быть наиболее ясным (ведь в том, что неясно, заблуж-

даются все) и не основанным на предпосылке. [3] В самом деле, то, что необходимо иметь тому, кто постигает что бы то ни было из сущего, — это не предпосылка; а то, что необходимо знать тому, кто познаёт хоть что-нибудь, [5] то ему необходимо иметь уже при себе. Итак, что такое начало — наиболее достоверное из всех, — это ясно; а каково именно это начало, скажем теперь же. [7] А именно: невозможно, чтобы одно и то же одновременно и было присуще, и не было присуще одному и тому же и в одном и том же отношении, [10] — и все прочие уточнения, которые мы могли бы присовокупить, пусть будут присовокуплены для отражения логических придинок. Так вот, это — наиболее достоверное из всех начал, ибо оно удовлетворяет указанному определению. [12] И невозможно кому бы то ни было полагать, что одно и то же и есть, и не есть, хотя некоторые и считают, что Гераклит это утверждал; [15] но ведь не обязательно, чтобы человек в самом деле полагал то, что он говорит.

[16] Если же невозможно, чтобы противоположности одновременно были присущи одному и тому же (пусть и для этого утверждения будут сделаны нами обычные уточнения), [18] а мнение, противоположное [другому] мнению, есть мнение об отрицании [того же], — то очевидно, что невозможно одному и тому же одновременно полагать, что одно и то же и есть, и не есть; [20] ведь заблуждающийся относительно этого имел бы одновременно противоположные мнения. Потому-то все, кто ведёт доказательство, сводят его к этому [положению] как к последнему мнению: ведь по природе оно — начало и для всех прочих аксиом.

[1061b1] Есть, однако, такие, кто, как мы уже сказали, и сами утверждают, будто возможно одному и тому же и быть, и не быть, [3] и полагают, будто можно так считать. К этому суждению прибегают многие [писавшие] о природе. [4] Мы же сейчас приняли, что одновременно быть и не быть невозможно, и через это показали, что данное [положение] есть наиболее достоверное из всех начал. [7] Но некоторые, по своей необразованности, требуют, чтобы и это начало было доказано. А ведь это и есть необразованность — не знать, для чего следует искать доказательства, а для чего — нет. [10] Вообще говоря, доказательство для всего невозможно (ведь [иначе] пришлось бы уходить в бесконечность, так что и в этом случае доказательства не было бы); [12] если же для некоторых [начал] не следует искать доказательства, то они, конечно, не могли бы указать, какое начало, по их мнению, является таковым в большей мере.

[15] Однако относительно этого [начала] можно дать доказательство путём опровержения, — если только тот, кто оспаривает [его], хоть что-нибудь высказывает; если же он ничего [не высказывает], то смешно искать обоснование против того, кто не имеет обоснования ни для чего, — именно поскольку он его не имеет; такой человек, поскольку он таков, подобен уже растению. [19] А доказательство путём опровержения, по моему разумению, отличается от прямого доказательства: тот, кто взялся бы доказывать прямо, показался бы предвосхищающим искомое; если же виной тому другой, то это будет уже опровержение, а не доказательство. [1062a1] Началом же для всех подобных [споров] является не требование [от противника] утверждать, что нечто или есть, или не есть (ведь это, пожалуй, можно было бы счесть предвосхищением искомого), — а требование, чтобы он обозначал нечто и для себя, и для другого; это ведь необходимо, если он вообще хоть что-нибудь высказывает. Если же нет, то для такого человека невозможно никакое рассуждение — ни с самим собой, ни с другим. [5] А если кто это допускает, то доказательство [уже] возможно; в самом деле, тогда уже будет нечто определённое. [6] Но ответственным [за доказательство] будет не тот, кто доказывает, а тот, кто принимает [довод]; ведь, отвергая рассуждение, он принимает рассуждение. [8] И более того: тот, кто согласился с этим, уже согласился, что нечто истинно и без доказательства.

Κεφάλαιον 4.

[1062a9] Ἐπεὶ δ' ἀδύνατον τὴν ἀντίφασιν ἅμα ἀληθεύεσθαι κατὰ τοῦ αὐτοῦ, φανερόν ὅτι οὐδὲ τὰναντία ἅμα τῷ αὐτῷ [10] ὑπάρχειν ἐνδέχεται· τῶν μὲν γὰρ ἐναντίων θάτερον στέρησίς ἐστιν, οὐχ ἦττον δ', οὐσίας· στέρησις δὲ ἀπόφασις ἀπὸ τινος ὠρισμένου γένους· εἰ οὖν ἀδύνατον ἅμα καταφάναι καὶ ἀποφάναι ἀληθῶς, ἀδύνατον καὶ τὰναντία ὑπάρχειν ἅμα, ἀλλ' ἢ πῆ ἄμφω, ἢ θάτερον μὲν πῆ θάτερον δὲ ἀπλῶς.

[1062a16] Ἄλλα μὴν οὐδὲ πάντα ἀληθεύσειν ἢ πάντα ψευδῆ δυνατὸν, διὰ πολλὰς δυσχερείας, ἃς ἂν ἔχοι ἢ ὑπόθεσις· οὔτε γὰρ ἀληθεύσειε πάντα· ψευδὲς γὰρ φάσκοντος [20] μηδὲν ἀληθεύειν· τοῦτο γὰρ ἂν ψεῦδος λέγειν συμβαίνει, ἀληθὲς δὲ θάτερον φάναι· ὥστε πάντα. [21] ἔτι μὴ πάντα ψευδῆ· ἀληθῆ γὰρ τότε, φάμεν γὰρ τότε ψεῦδος· τὰναντία δ' ἀληθεύσει· πάντα ἄρα. [23] κἂν πάντων θάτερον φάντος μόνον ἀληθεύειν ἢ ψεύδεσθαι· πάντα γὰρ φησὶν ἀληθῆ ἢ ψευδῆ· συμβαίνει γὰρ ἀμφοῖν [25] ἀναιροῖν, ταύτην τε ψευδῆ φάναι καὶ ἀληθῆ· ἀληθῆ γὰρ λέγοντα ταύτην ψεύδεσθαι συμβαίνει, ψευδῆ δὲ λέγοντα ἀληθεύειν· [28] πάντα ἄρα ψευδῆ ἢ ἀληθῆ, ἀλλὰ πάλιν καὶ ταῦτα ἀδύνατον. [29] ἔτι πᾶσα ἀπόφασις ἀνάγκη ἀποφάναι ἢ καταφάναι. [30] ἔσται οὖν ἀληθὴς ἢ ψευδῆς· εἰ δ' οὐδετέρα, φατέον ψεύδεσθαι ἢ ἀληθεύειν. [31] ἅμα οὖν φησὶ τε ταῦτα ψευδῆ καὶ ἀληθῆ εἶναι, [32] πρὸς δὲ τούτοις ἀνάγκη μεταβάλλειν τὴν γε ἀπόφασιν. [33] λέγοι γὰρ ἂν τότε ἀληθῆ ἢ ψευδῆ· ἀεὶ οὖν φησὶ μεταβάλλειν. [34] ἀλλὰ μὴν καὶ ἐρωτήσεως γενομένης, πότερον λευκός ἐστιν ἢ οὐ; [35] φατέον θάτερον· ἀνάγκη γὰρ θάτερον ἀποφάνασθαι μόνον. [1062b1] ἔτι μᾶλλον ψεύσεται. [2] ἔτι φανερόν ὅτι περὶ πάντα μὲν οὐδεμία ἐστὶν ὑπόληψις. [3] περὶ ὧν γὰρ ψεύδεται τις, οὐκ οἶδεν, ἢ ψεύδεται. [4] διὸ πάντων μάλιστα φαίη τις ἂν ὡς ἔχει. [5] ὀρῶμεν γὰρ καὶ αἰεὶ ᾧ μᾶλλον ἂν ἀξιῶσαιέ τις. [6] ὥστε διὰ τοῦτο, φασὶν, οὐδὲν ὑποληπτέον, ἀλλὰ ἐπισκεπτέον. [7] τοῦτο δὲ λέγουσιν ἐπισκεπτομένους. [8] ἀνάγκη γὰρ, ὥσπερ ἐλέχθη, πιστεύειν τι. [9] ἔτι πάσας ἀληθεῖς ἢ ψευδεῖς λέγοντες, [10] συναναιροῦσι γὰρ αὐτούς. [11] πάντων γὰρ ἀναιρουμένων, οὐδὲν ἔσται πιστόν. [12] — μόνον γὰρ ἂν ὑπολαμβάνοιμεν. [13] ὥστε οὐδὲν ὑπολείπεται ψευδές. [14] ἀλλὰ μὴν οὐδ' ἂν διαλεχθεῖη τοιοῦτος, [15] τοιοῦτος δ' ἐστὶ καὶ ὁ παραπλήσιος τοῖς προειρημένοις. [16] ἔτι δ', εἰ ἀληθῆ πάντα, [17] ψευδὲς δὲ μηδέν, ψευδῆς ἔσται ὁ λέγων μηδέν. [18] ταύτη γὰρ φήσει ἀληθεύειν. [19] ἀληθὴς γὰρ ἦν, ψευδῆς δέ. [20] ὥστε οὐχ ἅπαντα ψευδῆ. [21] κἂν πάντα τις φῆ ψευδῆ, [22] ταύτην γε τὴν φωνὴν ψευδῆ συμβαίνει φάναι. [23] εἰ δ' ἄρα, πάντα γε ψευδῆ οὐ φήσει. [24] οὕτω γὰρ ἀεὶ προσιόντες ἄτοπον. [25] δῆλον δ' ἐπὶ τῶν καθ' ἕκαστα. [26] σχεδὸν γὰρ πάντες, ὅποσοι βούλονται ἐπισκέψασθαι τι, [27] κἂν περὶ τούτων διαμφισβητῶσι, [28] περὶ μὲν τοῦ πότε δ' οὕτως. [29] οὔτε γὰρ δρῶσιν, [30] οὐτ' ἂν εἰς τοσοῦτον ἀπονοίας ἔλθοιεν. [31] — τίς γὰρ νομίζων Ἀθήνας βαδίζειν, [32] ἀλλ' οὐκ ὤετο, πορεύοιτ' ἂν; [33] τίς δ', ὀρῶν φρέαρ, πορεύοιτο ἐπ' αὐτό; [34] ἀλλ' εὐλαβεῖται, ὡς ὁμοίως οὐχ ἠγούμενος. [35] — τί δ', ἂν τις περὶ ταῦτα μὲν ἦ τοιοῦτος, [1063a1] περὶ δὲ τῶν ἐν διανοίᾳ ἴσως ἕτερόν τι; — [2] ἀλλ' ἰκανὴ βίαστος. [3] οὐ γὰρ δὴ, εἰ μὴ χλευάζων, [4] τίς οὕτως εὐχερῆς τὴν διάνοιαν, [5] ὥστε μὴ διαφεύγειν; [6] ὥστε, καθάπερ ἐλέχθη πάλαι, [7] οὔτε πάντα ἠρεμεῖν, [8] οὔτε κινεῖσθαι συνεχῶς, [9] ἀλλ' ἔστιν ἀεὶ τό τι κινεῖν, [10] καὶ τὸ πρῶτον κινεῖν ἀκίνητον.

[1063a11] Παραπλησίως δὲ τοῖς εἰρημένοις καὶ τῶν περὶ φύσεως [12] τινὲς εἰρήκασιν. [13] σχεδὸν γὰρ καὶ περὶ πάντων τῶν ὄντων οὕτως εἰρήκασιν. [14] ἀλλ' ἡμεῖς διωρίσμεθα, φάμεν, [15] πρὸς τοὺς τῷ μόνῳ λόγῳ σκοποῦντας. [16] πρὸς δὲ τοὺς ἐκ λόγου ἀπορεῖν [17] προαιρουμένους, ῥῥῶδιον μὲν ἀπαντᾶν. [18] πορισμῶ γὰρ ἔοικε διαλεκτικῶ. [19] αἰ δ' ἀπορία φανεραῖ. [20] αἰ μὲν οὖν ἀμφισβητήσεις πᾶσαι [21] περὶ τοῦ συμβεβηκότος.

[1063a22] Ἐτι δ', εἰ πάντα κινεῖται, [23] οὐθὲν ἔσται ἀληθές. [24] πάντα ἄρα ψευδῆ. [25] ἀλλὰ δέδεικται ἀδύνατον. [26] ἀλλὰ μὴν καὶ εἰ πᾶν κινεῖται, [27] οὐδὲν ἔσται κινούμενον. [28] εἰ γὰρ πάντα κινεῖται, [29] ἀεὶ πρότερόν τι ἔσται, [30] κάκεῖνο ἄρα. [31] ὥστε οὐδὲν κινήσεται. [32] — ἀλλὰ μὴν τί κωλύει κατὰ ταῦτα [33] ἅμα μὲν κινεῖσθαι, [34] κατὰ ἄλλα δ' ἀεὶ; [35]

— οὔτε γὰρ ἔν, φαμέν, [36] ἀλλ' ἢ δυνατόν ταῦτό [37] κατὰ ταῦτό κινεῖσθαι μένον; [38] — ταῦτα γὰρ φαμεν. [1063b1] ἢ πῶς κινήσεται, [2] μὴ ὄντος τοῦ πρώτως κινουῦντος; [3] — περὶ μὲν οὖν τούτων ἰκανὰ τὰ νῦν.

Глава 4

[1062a9] Поскольку же невозможно, чтобы утверждение и отрицание одновременно были истинны относительно одного и того же, то очевидно, что и противоположности не могут быть одновременно присущи одному и тому же. [10] В самом деле, одна из двух противоположностей есть лишённость — притом лишённость сущности; а лишённость есть отрицание в определённом роде. Итак, если невозможно одновременно правильно утверждать и отрицать, то невозможно и противоположностям быть присущими одновременно, разве что обе — в каком-либо отношении, или же одна — в каком-либо отношении, а другая — безусловно.

[1062a16] Равным образом невозможно и то, чтобы всё было истинно или всё ложно, — из-за множества нелепостей, которые повлёт за собой этот тезис. В самом деле, [если всё истинно,] то не было бы истинным и то, что ничто не истинно; [20] ведь утверждающий это говорит нечто ложное — а между тем противоположное утверждение было бы истинным: так что [если все утверждения истинны, то и это утверждение истинно, а значит,] всё [окажется истинным]. [21] С другой стороны, и [если] не всё ложно: ведь утверждение «это ложно» было бы истинным. А раз так, то [одно утверждение во всяком случае] было бы истинным — стало быть, [не] всё [ложно]. [23] Далее, если бы кто говорил, что из каждой пары [противоположных утверждений] только одно истинно или только одно ложно, — [и это невозможно:] ведь он утверждает, что всё истинно или всё ложно. Получается, что, когда оба [утверждения] отрицаются, и это утверждение приходится называть и ложным, и истинным: [25] ведь если он говорит, что оно истинно, то выходит, что он лжёт; а если говорит, что оно ложно, то говорит правду. [28] Стало быть, [приходится говорить, что] всё ложно или всё истинно — но и это, в свою очередь, невозможно.

[29] Далее, всякое отрицание необходимо либо отрицает, либо утверждает; [30] так что оно будет либо истинным, либо ложным. Если же ни то, ни другое, то следует сказать, что оно или ложно, или истинно. [31] Такой человек, стало быть, одновременно утверждает, что одно и то же и ложно, и истинно. [32] Кроме того, ему необходимо изменять [своё собственное] отрицание: ведь [если раньше он говорил, что всё ложно, то теперь] он скажет, что то [его прежнее утверждение] было истинным или ложным. Так что он всегда утверждает, что [всё] изменяется. [34] Но более того: если задать ему вопрос, бело ли нечто или нет, — он должен будет назвать что-то одно: ведь необходимо высказать одно из двух. [1062b1] Так он солжёт ещё больше.

[2] Далее, очевидно, что ни о чём нельзя иметь [одновременно] все без исключения мнения; [3] ведь о чём человек заблуждается, того он не знает, — а заблуждается он о чём-то; поэтому он скорее всего скажет, что дело обстоит так-то и так-то. [5] Мы ведь и наблюдаем всегда, что человек доверяет скорее тому, что ему ближе. Поэтому, говорят они, не следует ничего полагать, а следует исследовать. [7] Но и это они говорят, ведя исследование; а исследовать, как было сказано, необходимо уже имея некое убеждение. [9] Далее, утверждающие, что все [мнения] истинны или все ложны, — они тем самым упраздняют сами себя: [11] ведь если всё упразднено, ничто не будет достоверным; а между тем мы что-то полагали бы. Так что не остаётся ничего ложного. [14] Но такой человек и не смог бы вступить в рассуждение — а именно таков и есть тот, кто подобен вышеупомянутым. [16] Далее, если всё истинно и ничто не ложно, то и утверждение «ничто не истинно» будет ложным; ведь тем самым он скажет, что говорит правду. Но тогда [то прежнее утверждение] было истинным, а это — ложно. [20] Стало быть, не всё ложно. И если кто-то утверждает, что всё ложно, то выходит, что и само это высказывание он должен признать ложным; а если так, то он уже не утверждает, что всё ложно. [24] Так, продвигаясь шаг за шагом, мы приходим к нелепости.

[25] Ясно это и на примере единичных [вещей]. Почти все, кто принимается что-либо исследовать, — даже если они спорят об этих [началах], — [29] в делах поступают иначе. Ведь никто не дошёл бы до такого безрассудства, чтобы, полагая, что идёт в Афины, не считать, [что идёт], и не идти туда; [33] и кто же, видя колодец, шёл бы прямо на него? Нет, всякий остерегается, — стало быть, он не в равной мере считает падение в колодец благом и злом. Ясно, что одно он считает лучшим, а другое — нет. [1063a1] Если же это так, то он необходимо должен признать, что вот это — человек, а то — не-человек, и что вот это — сладко, а то — не-сладко. Ведь не всё же он одинаково оценивает, когда, желая пить, считает, [что перед ним] вода или что [перед ним] человек, и идёт за ними. А между тем следовало бы одинаково считать и то, и другое — если бы всё одинаково было истинным и ложным. Но, как сказано, один избегает, другой — нет.

[1063a11] Подобным же образом высказываются и некоторые из [писавших] о природе, — они ведь почти обо всём сущем судили подобным образом. [14] Но мы уже определили, как мы утверждаем, [что обстоит дело] против тех, кто исследует только с помощью рассуждения; против же тех, кто предпочитает создавать апории из рассуждений, возражать легко: [18] это ведь похоже на диалектическую уловку. А апории [эти] очевидны.

[1063a22] Далее, если всё движется, то ничто не будет истинным: всё, стало быть, ложно. Но доказано, что это невозможно. [26] С другой стороны, если всё движется, то ничто не будет движущимся: ведь если движется всё, то всякий раз окажется нечто предшествующее [движению], а оно [также] будет [двигаться]. Так что ничто не сдвинется. [32] — Но что мешает чему-то в одном и том же отношении и одновременно двигаться, а в других отношениях — всегда? — Невозможно, отвечаем мы, чтобы одно и то же в одном и том же отношении и одновременно двигалось и покоилось. — Но ведь это мы и утверждаем. [1063b1] И как может двигаться [что-либо], если нет первично движущего? — Итак, об этом довольно того, что сказано.

Κεφάλαιον 5.

[1063b4] Ἐπεὶ δ' ἐστὶν ἡ ἐπιστήμη τοῦ ὄντος ἢ ὄν καὶ καθόλου, ἀλλ' οὐ κατὰ μέρος, [5] τὸ δ' ὄν πολλαχῶς καὶ οὐχ ἓνα λέγεται τρόπον· [6] εἰ μὲν οὖν ὁμωνύμως, κατὰ κοινὸν δὲ μηθέν, οὐκ ἔστιν ὑπὸ μίαν ἐπιστήμην [7] (οὐ γὰρ ἓν γένος τῶν τοιούτων), [8] εἰ δὲ κατὰ τι κοινόν, εἴη ἂν ὑπὸ μίαν ἐπιστήμην. [9] ἔοικε δὴ τὸν εἰρημένον λέγεσθαι τρόπον, [10] καθάπερ τό τε ἰατρικὸν καὶ τὸ ὑγιεινόν· [11] καὶ γὰρ τούτων ἐκάτερον πολλαχῶς λέγομεν. [12] λέγεται δὲ τοῦτον τὸν τρόπον ἕκαστον [13] τῷ τὸ μὲν πρὸς τὴν ἰατρικὴν ἐπιστήμην ἀνάγεσθαι πῶς, [14] τὸ δὲ πρὸς ὑγίειαν, [15] τὸ δὲ πρὸς ἄλλο τι, [16] πρὸς ταῦτο δ' ἕκαστον. [17] ἰατρικὸς γὰρ λόγος καὶ μάχαιρα λέγεται [18] τῷ τὸ μὲν ἀπὸ τῆς ἰατρικῆς ἐπιστήμης εἶναι, [19] τὸ δὲ ταύτη χρήσιμον. [20] ὁμοίως δὲ καὶ ὑγιεινόν· [21] τὸ μὲν γὰρ ὅτι σημαίνει, [22] τὸ δ' ὅτι ποιητικόν. [23] ὁ δ' αὐτὸς τρόπος καὶ ἐπὶ τῶν λοιπῶν. [24] οὕτως οὖν καὶ τὸ ὄν ἅπαν λέγεται· [25] τῷ γὰρ τοῦ ὄντος ἢ ὄν ἢ πάθος ἢ ἕξις ἢ διάθεσις [26] ἢ κίνησις ἢ τῶν ἄλλων τι τοιούτων εἶναι [27] λέγεται ἕκαστον αὐτῶν ὄν. [28] ἐπεὶ δὲ παντὸς τοῦ ὄντος πρὸς ἓν τι [29] καὶ κοινόν ἢ ἀναγωγὴ γίγνεται, [30] καὶ τῶν ἐναντιώσεων ἐκάστη [31] πρὸς τὰς πρώτας διαφορὰς καὶ ἐναντιώσεις ἀνακθίσηται [32] τοῦ ὄντος, [33] εἴτε πλῆθος καὶ ἓν εἴθ' ὁμοιότης καὶ ἀνομοιότης [34] αἱ πρώται τοῦ ὄντος εἰσὶ διαφοραί, [35] εἴτ' ἄλλαι τινές· [36] ἔστωσαν γὰρ αὗται τεθεωρημέναι. [37] διαφέρει δ' οὐθὲν τὴν τοῦ ὄντος ἀναγωγὴν [38] πρὸς τὸ ὄν ἢ πρὸς τὸ ἓν γίνεσθαι. [39] καὶ γὰρ εἰ μὴ ταυτόν, ἄλλο δ' ἐστίν, [1064a1] ἀντιστρέφει γε· [2] τό τε γὰρ ἓν ὄν πῶς, [3] τό τε ὄν ἓν. [4] ἐπεὶ δ' ἐστὶ μᾶς ἐπιστήμης [5] τὰ ἀντικείμενα πάντα σκοπεῖν, [6] τῷ δ' ἐνὶ ἀντίκειται πλῆθος, [7] ἑνὸς δὲ καὶ πλῆθους ἐστὶ μία ἐπιστήμη [8] (λέγω δ' οἶον ταύτου καὶ ἐτέρου, [9] ὁμοίου καὶ ἀνομοίου, [10] καὶ τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων), [11] — σχεδὸν δὲ πάντα ἀνάγεται τὰναντία [12] εἰς τὴν ἀρχὴν ταύτην· [13] ταῦτα μὲν γὰρ τεθεωρήσθω. [14] — ἀπορίαν δ' ἔχει πῶς ποτε [15] πολλῶν ὄντων, πολλαχῶς λεγομένων, [16] μία ἐπιστήμη ἔσται· [17] — περὶ μὲν οὖν τούτων, [18] καὶ τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων, [19] τίνα τρόπον δεῖ λέγειν, [20] ἐν τοῖς περὶ τὰς ἀπορίας εἴρηται.

[1064a21] Ἐπεὶ δ' ἐστὶν ὁ φυσικὸς περὶ τῶν [22] ἐν κινήσει, [23] ὁ δὲ διαλεκτικὸς καὶ σοφιστὴς περὶ τὰ συμβεβηκότα [24] καὶ περὶ φαινομένων, [25] σχεδὸν δὲ καὶ περὶ συμβεβηκότων, [26] λείπεται τὸν φιλόσοφον, [27] καθὸ ὄντα ἐστὶ, περὶ ταῦτα εἶναι. [28] ὥστ' ἐπεὶ πάντα λέγεται ὄντα, [29] πολλαχῶς λεγόμενα, [30] πρὸς ἓν δέ τι καὶ κοινόν, [31] καὶ τὰναντία τὸν αὐτὸν τρόπον [32] (εἰς τὰ πρώτα γὰρ ἐναντία ἀνάγεται [33] καὶ διαφορὰς τοῦ ὄντος), [34] τὰ δὲ τοιαῦτα δυνατὸν ὑπὸ μίαν ἐπιστήμην εἶναι, [35] λύοιτο ἂν ἢ κατ' ἀρχὰς ἀπορία, [36] πῶς πολλῶν ὄντων [37] καὶ διαφόρων ὄντων τῷ γένει [38] μία τις ἐπιστήμη ἔσται. [39] — ἐπεὶ δὲ καὶ ὁ μαθηματικὸς [1064b1] κέχρηται τοῖς κοινοῖς ἰδίως, [2] καὶ τὰς τούτων ἀρχὰς ἂν εἴη θεωρῆσαι [3] τῆς πρώτης φιλοσοφίας. [4] ὅτι γὰρ ἀπὸ τῶν ἴσων ἴσων ἀφαιρεθέντων [5] ἴσα τὰ λειπόμενα, [6] κοινόν μὲν ἐστὶν ἐπὶ πάντων τῶν ποσῶν, [7] ἢ μαθηματικὴ δ' ἀπολαβοῦσα [8] περὶ τι μέρος τῆς οἰκείας ὕλης θεωρεῖ, [9] οἶον περὶ γραμμᾶς ἢ γωνίας ἢ ἀριθμοῦς [10] ἢ τῶν λοιπῶν τι ποσῶν, [11] οὐχ ἢ δ' ὄντα, [12] ἀλλ' ἢ συνεχῆς αὐτῶν ἕκαστον, [13] ἐφ' ἓν ἢ δύο ἢ τρία· [14] ἢ δὲ φιλοσοφία περὶ τῶν ἐν μέρει μὲν, [15] ἢ τούτων ἐκάστω τι συμβέβηκεν, [16] οὐ σκοπεῖ, [17] περὶ τὸ ὄν δέ, [18] ἢ ὄν τῶν τοιούτων ἕκαστον, θεωρεῖ. [19] τὸν αὐτὸν δ' ἔχει τρόπον [20] καὶ ἢ περὶ τὸ ὄν ἐπιστήμη τῇ μαθηματικῇ· [21] περὶ γὰρ τὰ ἐξ ἀφαιρέσεως [22] ἢ μαθηματικὴ τὴν θεωρίαν ποιεῖται [23] (περιαιρεθέντος γὰρ παντὸς τοῦ αἰσθητοῦ θεωρεῖ, [24] οἶον βαρύτητος καὶ κουφότητος [25] καὶ σκληρότητος καὶ τοῦ ἐναντίου, [26] ἔτι δὲ θερμότητος καὶ ψυχρότητος [27] καὶ τῶν ἄλλων αἰσθητῶν ἐναντιώσεων, [28] μόνον δὲ καταλείπει τὸ ποσὸν [29] καὶ συνεχῆς, [30] τῶν μὲν ἐφ' ἓν τῶν δ' ἐπὶ δύο τῶν δ' ἐπὶ τρία, [31] καὶ τὰ πάθη τὰ τούτων ἢ ποσά [32] ἐστὶ καὶ συνεχῆ, [33] καὶ οὐ καθ' ἕτερόν τι θεωρεῖ, [34] καὶ τῶν μὲν τὰς πρὸς ἄλληλα θέσεις σκοπεῖ [35] καὶ τὰ ταύταις ὑπάρχοντα, [36] τῶν δὲ τὰς συμμετρίας καὶ ἀσυμμετρίας, [37] τῶν δὲ τοὺς λόγους, [38] ἀλλ'

ὅμως μίαν πάντων [39] καὶ τὴν αὐτὴν τίθεμεν ἐπιστήμην [1065a1] τὴν γεωμετρικὴν), [2] — τὸν αὐτὸν δὴ τρόπον [3] ἔχει καὶ περὶ τὸ ὄν. [4] τὰ γὰρ τούτῳ συμβεβηκότα [5] καθ' ὅσον ἐστὶν ὄν, [6] καὶ τὰς ἐναντιώσεις αὐτοῦ ἢ ὄν, [7] οὐκ ἄλλης ἐπιστήμης ἢ φιλοσοφίας θεωρῆσαι. [8] τῇ φυσικῇ μὲν γὰρ τις ἂν ἀποδοίη [9] τὴν θεωρίαν, [10] οὐχ ἢ ὄντα δέ, [11] ἀλλ' ἢ κινήσεως μετέχει. [12] ἢ δὲ διαλεκτικὴ καὶ σοφιστικὴ [13] τῶν συμβεβηκότων μὲν εἰσι τοῖς οὔσι, [14] καθ' ὅσον δ' ὄντα, [15] οὐδὲ τοῦ ὄντος αὐτοῦ ἢ ὄν ἐστὶν. [16] ὥστε λείπεται τὸν φιλόσοφον, [17] καθὸ ὄντα ἐστί, [18] περὶ ταῦτα εἶναι. [19] — ἐπεὶ δ' ὄν πολλαχῶς λέγεται, [20] πάντα πρὸς ἕν τι καὶ κοινὸν ἀναγόμενα, [21] καὶ τὰναντία τὸν αὐτὸν τρόπον [22] (εἰς τὰ πρῶτα γὰρ ἐναντία [23] καὶ διαφορὰς ἀνάγεται τοῦ ὄντος), [24] δυνατὸν ὑπὸ μίαν ἐπιστήμην [25] τὰ τοιαῦτα, [26] λύοιτ' ἂν ἢ κατ' ἀρχὰς ἀπορία.

Глава 5

[1063b4] Поскольку же наука [философа] — это наука о сущем как сущем в целом, а не в какой-либо части, [5] о сущем же говорится во многих, а не в одном [единственном] смысле, — то если оно [сказывается] как соименное, без [отсылки] к чему-либо общему, оно не подпадает под одну науку (ибо для таких [значений] нет единого рода); [8] если же [сказывается] по отношению к чему-то общему, то оно подпадает под одну науку.

[9] Итак, по-видимому, [о сущем] говорится указанным способом — точно так же, как о «врачебном» и «здоровом»: ведь каждое из них мы сказываем во многих смыслах. [12] А сказывается каждое из них таким способом потому, что одно значение так или иначе возводится к врачебному искусству, другое — к здоровью, третье — к чему-то ещё, но каждое — к одному и тому же. [17] В самом деле, «врачебным» называется и рассуждение, и нож: одно — потому что исходит из врачебного искусства, другое — потому что полезно для него. [20] Подобным же образом и «здоровое»: одно — потому что указывает на здоровье, другое — потому что производит его. [23] Тот же способ [сказывания] и для остального.

[24] Так вот, точно таким же образом сказывается и всякое сущее: [25] каждое из них называется сущим потому, что оно есть либо состояние, либо свойство, либо движение, либо нечто иное из того же ряда, принадлежащее сущему как таковому. [28] А поскольку всё сущее возводится к чему-то единому и общему, то и каждое из противопоставлений тоже будет возводиться к первым различиям и противоположностям сущего, — [33] будь то множество и единое, подобие и неподобие, или какие-то иные [противоположности] как первые различия сущего: пусть они считаются уже рассмотренными. [37] И нет никакой разницы — возводить ли [значения] сущего к сущему или к единому. Ведь даже если это и не одно и то же, а разное, — [1064a1] они всё же обратимы: ибо и единое есть некоторым образом сущее, и сущее — единое.

[4] Поскольку же рассмотрение всех противоположностей принадлежит одной науке, а каждое из них сказывается через лишённость, — хотя относительно некоторых можно было бы усомниться, как именно они сказываются через лишённость, когда имеется нечто промежуточное, как, например, в случае справедливого и несправедливого, — [10] постольку во всех подобных случаях следует относить лишённость не ко всему определению, а к последнему виду. Например, если справедливый — это тот, кто послушен законам в силу некоторого [внутреннего] расположения, то несправедливый не во всех отношениях будет лишён этого определения, но будет уклоняться от послушания законам лишь в каком-то отношении; и в этом смысле о нём будет сказываться лишённость. [14] — Впрочем, пусть это считается уже рассмотренным.

[1064a21] Так вот, поскольку физик занимается тем, что имеет начало движения в самом себе, [23] а диалектик и софист — привходящими [свойствами] как таковыми, но не поскольку они суть сущее, [26] то остаётся философу заниматься тем, о чём мы сказали, — именно поскольку оно есть сущее. [28] И так как всё сущее, хотя и сказывается во многих смыслах, но возводится к чему-то единому и общему, и противоположности — таким же образом (ибо

они возводятся к первым противоположностям и различиям сущего), — [34] а такого рода [предметы] могут подпадать под одну науку, — то тем самым разрешается апория, поставленная в начале: каким образом может существовать одна наука о многих и различных по роду [предметах].

[1064b1] Поскольку же и математик применяет общие [начала] особым образом, то и рассмотрение их начал тоже должно быть делом первой философии. [4] В самом деле, положение «если от равного отнять равное, то остатки будут равны» — обще для всего количественного, математика же, выделяя [это положение], исследует его применительно к некоторой части собственной материи, например к линиям, или углам, или числам, или к чему-то ещё из количественного, — [11] однако не поскольку это сущее, а поскольку каждое из них есть непрерывное в одном, или в двух, или в трёх [направлениях]. [14] Философия же не исследует привходящие [свойства] применительно к отдельным [родам], каждому из которых нечто присуще, — она исследует каждое из них как сущее, поскольку оно сущее.

[19] И подобно тому как обстоит дело с математикой, так же обстоит дело и с наукой о сущем. Ведь математика ведёт рассмотрение, пользуясь отвлечением: она исследует [свой предмет], отбросив всё чувственно воспринимаемое — например, тяжесть и лёгкость, твёрдость и противоположное [ей], а также тепло и холод и все прочие чувственные противоположности, — [28] и оставляет только количественное и непрерывное: в одном, в двух или в трёх [направлениях]; и она исследует свойства этого как количественного и непрерывного, а не с какой-либо иной стороны; и в одних [случаях] она рассматривает взаимное расположение и то, что ему присуще, в других — соизмеримость и несоизмеримость, в третьих — пропорции; [38] но тем не менее мы полагаем одну и ту же науку для всего этого — геометрию.

[1065a1] Так вот, точно таким же образом обстоит дело и с сущим. Исследование привходящих [свойств] сущего, поскольку оно есть сущее, и его противоположностей как сущего — это дело никакой иной науки, кроме философии. [8] В самом деле, физике следовало бы приписать исследование не поскольку [вещи] суть сущее, но поскольку они причастны движению. [12] Диалектика же и софистика имеют дело с привходящими [свойствами] сущего, но не поскольку оно сущее, и не с самим сущим как таковым. [16] Стало быть, остаётся философу заниматься сказанным — именно поскольку оно есть сущее. [19] И так как всё сущее, сказываемое во многих смыслах, возводится к чему-то единому и общему, и противоположности — таким же образом (ибо они возводятся к первым противоположностям и различиям сущего), — [24] а такие [предметы] могут подпадать под одну науку, — то тем самым разрешается апория, поставленная в начале.

Κεφάλαιον 6.

[1065a27] Ἐπει δὲ τὸ ὄν τὸ ἀπλῶς λεγόμενον πολλαχῶς λέγεται, ὧν ἓν μὲν ἦν τὸ κατὰ συμβεβηκός, [29] ἕτερον δὲ τὸ ὡς ἀληθές, καὶ τὸ μὴ ὄν ὡς ψεῦδος, παρὰ ταῦτα δ' ἐστὶ τὰ σχήματα τῆς κατηγορίας [30] (οἶον τὸ μὲν τί, τὸ δὲ ποιόν, τὸ δὲ ποσόν, τὸ δὲ πού, τὸ δὲ ποτέ, [32] καὶ εἴ τι ἄλλο σημαίνει τὸν τρόπον τοῦτον), [33] ἔτι παρὰ ταῦτα πάντα τὸ δυνάμει καὶ ἐνεργείᾳ. [35] — ἐπει δὴ πολλαχῶς λέγεται τὸ ὄν, πρῶτον περὶ τοῦ κατὰ συμβεβηκός λεκτέον, [36] ὅτι οὐδεμία ἐστὶ περὶ αὐτὸ θεωρία ἐπιστήμη. [1065b1] σημεῖον δέ· οὐδεμιᾶ γὰρ ἐπιστήμη ἐπιμελὲς περὶ αὐτοῦ, [2] οὔτε πρακτικῆ οὔτε ποιητικῆ οὔτε θεωρητικῆ. [3] οὔτε γὰρ ὁ ποιῶν οἰκίαν ποιεῖ ὅσα συμβαίνει ἅμα τῇ οἰκίᾳ γιγνομένη [4] (ἄπειρα γὰρ ἐστὶν· τοῖς μὲν γὰρ ἠδεῖαν, τοῖς δὲ βλαβερὰν, [5] τοῖς δ' ὠφέλιμον, καὶ ἕτερον ὡς εἰπεῖν πρὸς ἅπαντα τὰ ὄντα, [6] ὧν οὐθενός ἐστι ποιητικὴ ἢ οἰκοδομικὴ), [7] τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον οὐδ' ὁ γεωμέτρης θεωρεῖ [8] τὰ οὕτω συμβεβηκότα τοῖς σχήμασιν, [9] οὐδ' εἰ ἕτερόν ἐστι τρίγωνον [10] καὶ τρίγωνον δυσὶν ὀρθαῖς ἴσας ἔχον γωνίας. [11] — καὶ τοῦτ' εὐλόγως συμπίπτει· [12] ὥσπερ γὰρ ὄνομά τι μόνον τὸ συμβεβηκός ἐστὶν. [13] διὸ Πλάτων τρόπον τινὰ οὐ κακῶς [14] τὴν σοφιστικὴν περὶ τὸ μὴ ὄν ἔταξεν. [15] εἰσὶ γὰρ οἱ τῶν σοφιστῶν λόγοι [16] περὶ τὸ συμβεβηκός ὡς εἰπεῖν μάλιστα πάντων· [17] πότερον ἕτερον ἢ ταῦτόν, [18] μουσικόν καὶ γραμματικόν, [19] καὶ μουσικὸς Κορίσκος καὶ Κορίσκος, [20] καὶ εἰ πᾶν ὃ ἂν ἦ, μὴ αἰεὶ δὲ ὄν, [21] γέγονεν, ὥστ' εἰ μουσικὸς ὢν γραμματικὸς γέγονε, [22] καὶ γραμματικὸς ὢν μουσικὸς, [23] καὶ ὅσοι δὴ ἄλλοι τοιοῦτοι τῶν λόγων εἰσὶν· [24] φαίνεται γὰρ τὸ συμβεβηκός [25] ἐγγύς τι τοῦ μὴ ὄντος. [26] δῆλον δὲ καὶ ἐκ τῶν τοιούτων λόγων· [27] τῶν μὲν γὰρ ἄλλον τρόπον ὄντων [28] ἔστι γένεσις καὶ φθορά, [29] τῶν δὲ κατὰ συμβεβηκός οὐκ ἔστιν. [30] ἀλλ' ὁμως λεκτέον ἔτι περὶ τοῦ συμβεβηκότος, [31] καθ' ὅσον ἐνδέχεται, τίς ἢ φύσις αὐτοῦ [32] καὶ διὰ τίν' αἰτίαν ἐστίν· [33] ἅμα γὰρ δῆλον ἴσως ἔσται [34] καὶ διὰ τί ἐπιστήμη οὐκ ἔστιν αὐτοῦ.

[1065b35] Ἐπει οὖν ἐστὶν ἓν τοῖς οὔσι [1066a1] τὰ μὲν ὡσαύτως αἰεὶ καὶ ἐξ ἀνάγκης, [2] οὐ τῆς κατὰ τὸ βίαιον λεγομένης [3] ἀλλ' ἦν λέγομεν τῷ μὴ ἐνδέχεσθαι ἄλλως, [4] τὰ δ' ἐξ ἀνάγκης μὲν οὐκ ἔστιν [5] οὐδ' αἰεὶ, ὡς δ' ἐπὶ τὸ πολὺ, [6] αὕτη ἀρχὴ καὶ αὕτη αἰτία ἐστὶ [7] τοῦ εἶναι τὸ συμβεβηκός· [8] ὁ γὰρ ἂν ἦ μήτ' αἰεὶ μήθ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, [9] τοῦτο φαμεν συμβεβηκός εἶναι. [10] οἶον ἐπὶ κυνὶ ἂν χειμῶν γένηται καὶ ψῦχος, [11] τοῦτο συμβῆναί φαμεν, [12] ἀλλ' οὐκ ἂν πνίγος καὶ ἀλέα, [13] ὅτι τὸ μὲν αἰεὶ ἢ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, [14] τὸ δ' οὔ. [15] καὶ τὸν ἄνθρωπον λευκὸν εἶναι συμβέβηκεν [16] (οὔτε γὰρ αἰεὶ οὔθ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ), [17] ζῶον δ' ὄν οὐ κατὰ συμβεβηκός. [18] καὶ τὸ ὑγιάζειν δὲ τὸν οἰκοδόμον [19] συμβεβηκός, [20] ὅτι οὐ πέφυκε τοῦτο ποιεῖν οἰκοδόμος [21] ἀλλ' ἰατρός, [22] ἀλλὰ συνέβη ἰατρὸν εἶναι τὸν οἰκοδόμον. [23] καὶ ὀψοποιὸς ἠδονῆς στοχαζόμενος [24] ποιήσειεν ἂν τινα ὑγιεινόν, [25] ἀλλ' οὐ κατὰ τὴν ὀψοποιητικὴν· [26] διὸ συνέβη, φαμέν, [27] καὶ ἔστιν ὡς ποιεῖ, [28] ἀπλῶς δ' οὔ. [29] τῶν μὲν γὰρ ἄλλων δυνάμεις [30] αἰ ποητικαί, [31] τούτου δ' οὐδεμία τέχνη [32] οὐδὲ δύναμις ὠρισμένη· [33] τῶν γὰρ κατὰ συμβεβηκός [34] ὄντων ἢ γιγνομένων [35] καὶ τὸ αἰτίον ἐστὶ κατὰ συμβεβηκός. [36] ὥστ' ἐπει οὐ πάντα ἐστὶν [37] ἐξ ἀνάγκης καὶ αἰεὶ, [38] ἢ ὄντα ἢ γιγνόμενα, [39] ἀλλὰ τὰ πλεῖστα ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, [1066b1] ἀνάγκη εἶναι τὸ κατὰ συμβεβηκός ὄν· [2] οἶον οὔτ' αἰεὶ οὔθ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ [3] ὁ λευκὸς μουσικὸς ἐστὶν, [4] ἐπει δὲ γίνεταί ποτε, [5] κατὰ συμβεβηκός ἔσται· [6] εἰ δὲ μή, πάντ' ἔσται ἐξ ἀνάγκης. [7] ὥστε ἢ ὕλη ἔσται αἰτία [8] ἢ ἐνδεχομένη παρὰ τὸ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ [9] ἄλλως τοῦ συμβεβηκότος. [10] ἀρχὴ δὲ αὕτη ἐστίν, [11] πότερον εἰ τὸ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ [12] καὶ τὸ αἰεὶ συμβεβηκός, [13] ἢ οὔ, σκεπτέον. [14] — ἀλλ' ὅτι γε ἐπιστήμη οὐκ ἔστι [15] τοῦ τοιούτου, φανερόν· [16] ἐπιστήμη μὲν γὰρ πᾶσα [17] τοῦ αἰεὶ ἢ τοῦ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, [18] — πῶς γὰρ ἢ μαθήσεται ἢ διδάξει ἄλλον; [19] δεῖ γὰρ ὠρίσθαι ἢ τῷ αἰεὶ [20] ἢ τῷ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, [21] οἶον ὅτι ὠφέλιμον τὸ μελίκρατον [22] τῷ πυρέττοντι ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ. [23] τὸ δὲ παρὰ τοῦτο οὐχ ἔξει [24] λέγειν, πότε οὔ, [25] οἶον νουμηνία· [26] ἢ γὰρ αἰεὶ ἢ

ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ [27] καὶ τὸ τῇ νοουμηνίᾳ. [28] τὸ δὲ συμβεβηκός ἐστι παρὰ ταῦτα. [29] τί μὲν οὖν ἐστὶ τὸ συμβεβηκός, [30] καὶ διὰ τίν' αἰτίας, [31] καὶ ὅτι ἐπιστήμη οὐκ ἔστιν αὐτοῦ, εἴρηται.

Глава 6

[1065a27] Поскольку же о сущем в прямом смысле говорится во многих значениях, одно из которых, как мы установили, — это сущее по совпадению, [29] другое — сущее в смысле истинного (а не-сущее — в смысле ложного), помимо же этого — [сущее по] фигурам категорий (например, одно — «что», другое — «какое», третье — «сколько», четвертое — «где», пятое — «когда» [32] и всё прочее, что обозначается этим способом), а ещё помимо всего этого — сущее в возможности и в действительности, — [35] так вот, поскольку о сущем говорится во многих смыслах, то сначала следует сказать о сущем по совпадению: что никакое исследование, [принадлежащее] науке, им не занимается. [1065b1] И вот тому подтверждение: ни одна наука — ни практическая, ни творческая, ни теоретическая — не уделяет ему внимания. [3] Ведь и строитель дома не создаёт всего того, что совпадает с возникающим домом (а таких [совпадений] бесконечно много: одному возникающий дом приятен, другому вреден, [5] третьему полезен, и он, можно сказать, иной для каждого из сущих, — но домостроительное искусство не производит ничего из этого); [7] точно так же и геометр не рассматривает совпадающие со [своими] фигурами [свойства] в этом смысле, и не [задаётся вопросом], отличаются ли [друг от друга] «треугольник» и «треугольник, сумма углов которого равна двум прямым».

[11] И это вполне обоснованно: ведь приводящее есть как бы одно лишь имя. Потому Платон в каком-то смысле не без основания отвёл софистике [область] не-сущего. [15] Ведь рассуждения софистов, можно сказать, заняты более всего именно приводящим: [они спрашивают], разное ли [или тождественное] «образованное» и «грамотное», и «образованный Кориск» и «Кориск», и [истинно ли, что] «всё, что существует, но не всегда, возникло», — так что если образованный стал грамотным, то и грамотный стал образованным, — и все прочие подобные рассуждения. [24] А ведь приводящее, по-видимому, есть нечто близкое к не-сущему. И это ясно и из таких вот рассуждений: у того, что существует иным способом, есть и возникновение, и уничтожение, а у того, что есть по совпадению, — нет.

[30] Но всё же следует ещё сказать о приводящем, насколько это возможно: какова его природа и по какой причине оно существует; ибо вместе с этим, вероятно, станет ясно и то, почему о нём нет науки.

[1065b35] Итак, поскольку среди сущих [1066a1] одни существуют одинаковым образом всегда и по необходимости — не по тому насильственному принуждению, [2] а по тому, о котором мы говорим как о невозможности иначе, — другие же существуют не по необходимости и не всегда, а как правило, — [6] именно в этом [существовании не всегда и не по необходимости] состоит начало и причина бытия приводящего: ибо то, что существует не всегда и не как правило, мы и называем приводящим. [10] Так, если в [месяце] под знаком Пса наступает ненастье и холод, мы говорим, что это произошло по совпадению, а не [так, как мы говорим], когда наступает зной и жара, — потому что одно бывает всегда или как правило, а другое нет. [15] И то, что человек бледен, — приводяще (ведь это бывает не всегда и не как правило), а то, что он живое существо, — не по совпадению. [18] И то, что строитель лечит, — приводяще, потому что это свойственно по природе не строителю, а врачу, — но совпало так, что строитель оказался врагом. [23] И повар, стремясь доставить удовольствие, мог бы приготовить нечто полезное для здоровья, но не согласно поваренному искусству; поэтому мы и говорим, что это совпало, — и в каком-то смысле он это делает, но не в прямом. [29] Ведь для прочих [случаев] существуют производящие способности, для этого же — никакое определённое искусство и никакая определённая способность; ибо и причина того, что существует или возникает по совпадению, — тоже приводяща.

[36] Так что, поскольку не всё существует или возникает по необходимости и всегда, но большинство [вещей] — как правило, [1066b1] то необходимо должно существовать и при-

входящее. Например, бледный не всегда и не как правило образован; но поскольку это иногда бывает, то это будет по совпадению. А иначе всё было бы по необходимости.

[7] Так что причиной привходящего — той, что способна [быть] и иначе, чем как правило, — будет материя. [10] Исходным же [вопросом] должно быть: существует ли нечто, что [бывает] ни как правило, ни всегда, или же это невозможно? [14] — Но что о таком нет науки — это ясно: ведь всякая наука направлена на то, что есть всегда или как правило. [18] Да и как же иначе можно было бы научиться или научить другого? Ведь [предмет науки] должен быть определён либо как существующий всегда, либо как существующий как правило, — как, например, медовая смесь как правило полезна страдающему лихорадкой. [23] А то, что выходит за эти пределы, невозможно будет определить — [нельзя сказать,] когда именно нет, например, в новолуние: ведь и то, что [бывает] в новолуние, — [бывает] или всегда, или как правило; [28] привходящее же лежит за этими пределами.

Итак, сказано, что такое привходящее, по какой причине оно существует и что о нём нет науки.

Κεφάλαιον 7.

[1066b32] Ὅτι δ' ἀρχαὶ καὶ αἷτια γενητὰ καὶ ἀφθαρτὰ ἄνευ τοῦ γίγνεσθαι καὶ φθειρεσθαι, [34] φανερόν. [35] εἰ γὰρ μή, πάντ' ἔσται ἐξ ἀνάγκης, [36] εἰ τοῦ γιγνομένου καὶ φθειρομένου [37] μὴ κατὰ συμβεβηκὸς αἷτιόν τι ἀνάγκη εἶναι. [1067a1] πότερον γὰρ ἔσται τοδὶ ἢ οὐ; [2] ἐὰν τοδὶ γένηται. [3] εἰ δὲ μή, οὐ. [4] τοῦτο δ' ἐὰν ἄλλο. [5] καὶ οὕτω δῆλον ὅτι αἰεὶ χρόνου ἀφαιρουμένου [6] ἀπὸ πεπερασμένου χρόνου [7] ἤξει εἰς τὸ νῦν. [8] ὥστε οὗτος ἀποθανεῖται νόσῳ ἢ βία, [9] ἐὰν ἐξέλθῃ. [10] τοῦτο δ' ἐὰν διψήσῃ. [11] τοῦτο δ' ἐὰν ἄλλο. [12] καὶ οὕτως ἤξει εἰς ὃ νῦν ὑπάρχει, [13] ἢ εἰς τῶν γεγονότων τι. [14] οἷον ἐὰν διψήσῃ. [15] τοῦτο δ' εἰ ἐσθίει δριμέα. [16] τοῦτο δ' ἦτοι ὑπάρχει ἢ οὐ. [17] ὥστ' ἐξ ἀνάγκης ἀποθανεῖται [18] ἢ οὐκ ἀποθανεῖται. [19] ὁμοίως δὲ κὰν ὑπερπηδήσῃ τις [20] εἰς τὰ γενόμενα, [21] ὁ αὐτὸς λόγος. [22] ἦδη γὰρ ὑπάρχει τοῦτο ἐν τινι, [23] λέγω δὲ τὸ γεγονός. [24] ἐξ ἀνάγκης ἄρα πάντα ἔσται [25] τὰ ἐσόμενα, [26] οἷον τὸ ἀποθανεῖν τὸν ζῶντα. [27] ἦδη γὰρ τι γέγονεν, [28] οἷον τὰ ἐναντία ἐν τῷ αὐτῷ σώματι. [29] ἀλλ' εἰ νόσῳ ἢ βία, [30] οὐπω, [31] ἀλλ' ἐὰν τοδὶ γένηται. [32] δῆλον ἄρα ὅτι μέχρι τινὸς βαδίζει ἀρχῆς, [33] αὕτη δ' οὐκέτι εἰς ἄλλο. [34] ἔσται οὖν ἢ τοῦ ὁπότερ' ἔτυχεν αὕτη, [35] καὶ αἷτιον τῆς γενέσεως αὐτῆς ἄλλο οὐθέν. [36] ἀλλ' εἰς ἀρχὴν ποίαν [37] καὶ αἷτιον ποῖον ἢ ἀναγωγὴ ἢ τοιαύτη, [38] πότερον ὡς εἰς ὕλην [39] ἢ ὡς εἰς τὸ οὐ ἔνεκα [40] ἢ ὡς εἰς τὸ κινῆσαν, [1067b1] μάλιστα σκεπτέον.

[1067b1] Περὶ μὲν οὖν τοῦ κατὰ συμβεβηκὸς [2] ὄντος ἀφείσθω. [3] διώριστα γὰρ ἰκανῶς. [4] τὸ δ' ὡς ἀληθὲς ὄν, [5] καὶ μὴ ὄν ὡς ψεῦδος, [6] ἐπειδὴ παρὰ σύνθεσιν ἔστι καὶ διαίρεσιν, [7] τὸ δὲ σύνολον περὶ μερισμὸν ἀντιφάσεως [8] (τὸ μὲν γὰρ ἀληθὲς [9] τὴν κατάφασιν ἐπὶ τῷ συγκειμένῳ ἔχει, [10] τὴν δ' ἀπόφασιν ἐπὶ τῷ διηρημένῳ, [11] τὸ δὲ ψεῦδος τούτου τοῦ μερισμοῦ [12] τὴν ἀντίφασιν. [13] πῶς δὲ τὸ ἅμα ἢ τὸ χωρὶς νοεῖν [14] συμβαίνει, [15] ἄλλος λόγος, [16] λέγω δὲ τὸ ἅμα καὶ τὸ χωρὶς [17] ὥστε μὴ τὸ ἐφεξῆς ἀλλ' ἐν τι γίγνεσθαι). [18] οὐ γὰρ ἔστι τὸ ψεῦδος καὶ τὸ ἀληθὲς [19] ἐν τοῖς πράγμασιν, [20] οἷον τὸ μὲν ἀγαθὸν ἀληθές, [21] τὸ δὲ κακὸν εὐθύς ψεῦδος, [22] ἀλλ' ἐν διανοίᾳ, [23] περὶ δὲ τὰ ἀπλᾶ καὶ τὰ τί ἔστιν [24] οὐδ' ἐν διανοίᾳ. [25] — ὅσα μὲν οὖν δεῖ θεωρῆσαι [26] περὶ τὸ οὕτως ὄν καὶ μὴ ὄν, [27] ὕστερον ἐπισκεπτέον. [28] ἐπεὶ δὲ ἡ συμπλοκὴ ἔστιν [29] καὶ ἡ διαίρεσις ἐν διανοίᾳ [30] ἀλλ' οὐκ ἐν τοῖς πράγμασι, [31] τὸ δ' οὕτως ὄν ἕτερον ὄν [32] τῶν κυρίως [33] (ἢ γὰρ τὸ τί ἔστιν [34] ἢ τὸ ποῖον ἢ τὸ ποσόν [35] ἢ εἴ τι ἄλλο συνάπτει [36] ἢ ἀποσχίζει ἢ διάνοια), [37] τὸ μὲν ὡς συμβεβηκὸς [38] καὶ τὸ ὡς ἀληθὲς ὄν ἀφετέον. [39] τὸ γὰρ αἷτιον τοῦ μὲν ἀόριστον, [40] τοῦ δὲ τῆς διανοίας τι πάθος, [1068a1] καὶ ἀμφοτέρα περὶ τὸ λοιπὸν γένος τοῦ ὄντος, [2] καὶ οὐκ ἔξω [3] δηλοῦσιν οὐσάν τινα φύσιν τοῦ ὄντος. [4] διὸ ταῦτα μὲν ἐατέον, [5] σκεπτέον δὲ τοῦ ὄντος αὐτοῦ [6] τὰ αἷτια καὶ τὰς ἀρχὰς ἢ ὄν. [7] — φανερόν δ' ἐν οἷς διωρίσμεθα [8] περὶ τοῦ ποσαχῶς λέγεται ἕκαστον, [9] ὅτι πολλαχῶς λέγεται τὸ ὄν.

Глава 7

[1066b32] Что существуют начала и причины, которые возникают и уничтожаются, не возникая и не уничтожаясь [сами], — это очевидно. [35] Ведь если бы это было не так, то всё существовало бы по необходимости, — коль скоро у того, что возникает и уничтожается, непременно должна быть некоторая непривходящая причина. В самом деле: будет ли вот это или нет? Будет — если произойдёт вот это; а если не произойдёт, то нет. А это, в свою очередь, [произойдёт], если [произойдёт] другое. [5] И таким образом ясно, что, постоянно отнимая время от ограниченного промежутка времени, дойдёшь до настоящего мгновения. Так что вот этот [человек] умрёт — от болезни ли или насильственной смертью — если выйдет [из дома]; а это [случится], если его будет мучить жажда; а это — если [произойдёт] другое; и так дойдут до того, что имеется сейчас, или до чего-то из уже совершившегося. [14] Например: [он выйдет] если будет мучить жажда; а это [случится] если он поест острого; а это либо имеется [сейчас], либо нет. Так что он с необходимостью либо умрёт, либо не умрёт. [19] И точно так

же, если перепрыгнуть к ранее совершившимся [событиям], — то же самое рассуждение: ведь это [прежнее событие] уже наличествует в чём-то, — я имею в виду совершившееся. Стало быть, всё, что будет, будет по необходимости, — как, например, то, что живущий умрёт: ведь нечто уже совершилось, а именно — противоположности совместились в одном теле. [29] Но умрёт ли он от болезни или насильственной смертью — это ещё нет, это [произойдёт] только если случится вот это.

Итак, ясно, что [цепь причин] восходит до некоторого начала, а это начало уже не восходит к другому. [34] Оно-то и будет началом того, что может случиться так или иначе, и для его возникновения нет никакой другой причины.

[36] Однако к какого рода началу и причине восходит такое сведение — к материи ли, или к тому, ради чего, или к движущему, — это следует особенно рассмотреть.

[1067b1] Итак, о сущем по совпадению оставим [это рассмотрение], ибо оно определено достаточно. [4] Что же касается сущего в смысле истинного и не-сущего в смысле ложного, — поскольку оно зависит от связывания и разъединения, а в целом — от различения [сторон] противоречия (истина ведь состоит в утверждении относительно соединённого и в отрицании относительно разделённого, а ложь — в [суждении], противоречащем этому различению; [13] как именно происходит мышление совместного и отдельного — это другой вопрос, а «совместным» и «раздельным» я называю такое, что [мыслятся] не как последовательность, а как нечто единое), — [18] так вот, ложное и истинное не находятся в самих вещах — так, чтобы благо было истинным, а дурное — непосредственно ложным, — но в [рассуждающей] мысли; [23] а в отношении простого и того, что [вещь] есть, — даже и не в мысли.

[25] Итак, всё, что следует рассмотреть относительно сущего и не-сущего в этом смысле, мы разберём впоследствии. [28] Поскольку же связывание и разъединение — в мысли, а не в вещах, и сущее в этом смысле есть иное сущее по сравнению с [сущим] в собственном смысле (ибо мысль связывает или отделяет либо «что» [вещи], либо «какое», либо «сколько», либо что-то ещё), [37] — постольку сущее по совпадению и сущее как истинное следует оставить. Ведь причина одного — неопределённая, а причина другого — некоторое состояние мысли, [1068a1] и оба они относятся к остальному роду сущего и не указывают на существование какой-либо [особой] природы сущего вовне.

[4] Поэтому оставим их, а рассмотреть следует причины и начала самого сущего как сущего. — А из того, как мы определили, в скольких смыслах говорится о каждом [роде сущего], ясно, что о сущем говорится во многих смыслах.

Κεφάλαιον 8.

[1068a10] Τὸ δ' ὄν λέγεται τὸ μὲν δυνάμει τὸ δ' ἐντελεχείᾳ [11] (ταῦτα δ' εἴρηται ἐν τοῖς περὶ κινήσεως), [12] — ὥστε τοῦ δυνάμει ὄντος, [13] ἢ δυνάμει ἐστί, [14] κινήσις ἐστὶν ἢ ἐνέργεια. [15] κινητοῦ, ἢ κινητόν. [16] — λέγω δὲ τοῦ δυνάμει ὄντος, [17] — οἷον τοῦ ἀνδριάντος δυνάμει ὄντος, [18] ἢ ἐνέργεια ἢ κινεῖται [19] κινήσις ἐστὶν, [20] οὐχ ἢ ἀνδριάς, [21] ἀλλ' ἢ χαλκός. [22] — τοῦτο δὲ δυνάμει ὄν. [23] — εἰ γὰρ ἀπλῶς ταῦτ' ἦν [24] χαλκῶ εἶναι καὶ δυνάμει τινί, [25] ἦν ἂν ἢ τοῦ χαλκοῦ, [26] ἢ χαλκός, ἐνέργεια κινήσις. [27] — ἀλλ' οὐκ ἔστι ταῦτό, [28] καθάπερ εἴρηται. [29] φανερόν δ' ἐπὶ τῶν ἐναντίων. [30] τὸ μὲν γὰρ ὑγιαίνειν δύνασθαι [31] καὶ νοσεῖν δύνασθαι [32] οὐ ταῦτόν. [33] — καὶ γὰρ ἂν τὸ νοσεῖν [34] καὶ ὑγιαίνειν ταῦτό ἦν. [35] — τὸ δ' ὑποκείμενον [36] καὶ ὑγιαῖνον καὶ νοσοῦν, [37] εἴθ' ὑγρότης εἴθ' αἷμα, [38] ταῦτό. [39] ἐπεὶ δ' οὐ ταῦτό, [40] ὥσπερ οὐδὲ χρῶμα [1068b1] ταῦτόν καὶ ὄρατόν, [2] — ἢ τοῦ δυνατοῦ, [3] ἢ δυνατόν, ἐνέργεια [4] κινήσις ἐστὶ. [5] — τοῦτο μὲν οὖν ἐστὶν ἐκεῖνο, [6] καὶ οὔτε <ἐν> τῷ κινουμένῳ [7] οὔτε ἐν ἄλλῳ οὐδενί, [8] — καὶ διὰ τοῦτ' ἐνέργεια [9] τοῦ κινητοῦ, ἢ κινητόν, [10] — συμβαίνει δὲ τῷ κινητῷ [11] — κινήσις. [12] — ταῦτό δ' ἐστὶν [13] ἐκάστῳ ἢ ἐνέργεια, [14] — ὅταν ἐνεργῇ, [15] — τοῦ δυνάμει ὄντος, [16] — οἷον ἀλλοίωσις μὲν [17] τοῦ ἀλλοιωτοῦ, [18] ἢ ἀλλοιωτόν. [19] αὔξεισις δὲ τοῦ αὔξητοῦ [20] καὶ ἀντικειμένου φθίσις [21] (οὐδὲν γὰρ ὄνομα κοινόν). [22] γένεσις δὲ καὶ φθορά [23] τοῦ γενητοῦ καὶ φθαροῦ, [24] ἢ γενητόν καὶ φθαρόν. [25] — διότι μὲν οὖν ἐστὶν [26] ἢ κινήσις, [27] — ἢ δὲ κινεῖται ἕκαστον, [28] — οὕτως, [29] φανερόν. [30] κινεῖται γὰρ, [31] ὅταν αὐτὸ ἢ ἢ ἐνέργεια, [32] — καὶ οὔτε πρότερον [33] οὔτε ὕστερον. [34] — ἐνδέχεται δὲ [35] ἕκαστον ὅτε μὲν ἐνεργεῖν [36] ὅτε δὲ μή, [37] — οἷον τὸ οἰκοδομητόν, [38] — καὶ ἢ τούτου ἐνέργεια, [39] ἢ οἰκοδομητόν, [40] οἰκοδόμησις ἐστὶν. [1069a1] — ἢ γὰρ τοῦτο ἢ ἐνέργεια, [2] — ἢ οἰκία. [3] — ἀλλ' ὅταν οἰκία ἦ, [4] οὐκέτι οἰκοδομητόν ἔσται. [5] — οἰκοδομεῖται δὲ τὸ οἰκοδομητόν. [6] — ἀνάγκη οὖν οἰκοδόμησιν [7] τὴν ἐνέργειαν εἶναι. [8] — ἢ δ' οἰκοδόμησις κινήσις τις. [9] — ἀλλ' ὁ αὐτὸς λόγος [10] καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων κινήσεων.

[1069a11] — Ὅτι δὲ καλῶς εἴρηται, [12] φανερόν ἐξ ὧν οἱ ἄλλοι [13] λέγουσι περὶ κινήσεως, [14] καὶ ἐκ τοῦ μὴ ῥάδιον εἶναι [15] διορίσαι ἄλλως αὐτήν. [16] — οὔτε γὰρ ἐν ἄλλῳ τις γένει [17] δύναται ἂν θεῖναι αὐτήν. [18] — δῆλον δ' ἐξ ὧν λέγουσιν. [19] — οἱ μὲν γὰρ ἑτερότητα [20] καὶ ἀνισότητα [21] καὶ τὸ μὴ ὄν φασι [22] εἶναι τὴν κίνησιν, [23] — ὧν οὐδὲν ἀναγκαῖον κινεῖσθαι, [24] — ἀλλ' οὐδ' ἢ μεταβολὴ [25] οὔτ' εἰς ταῦτα [26] οὔτ' ἐκ τούτων [27] μᾶλλον ἢ τῶν ἀντικειμένων. [28] — αἴτιον δὲ τοῦ εἰς ταῦτα τιθέναι, [29] ὅτι ἀόριστόν τι δοκεῖ [30] εἶναι ἢ κινήσις, [31] — τῆς δ' ἑτέρας συστοιχίας [32] αἰ ἀρχαί [33] διὰ τὸ στερητικαί εἶναι [34] ἀόριστοι. [35] — οὔτε γὰρ τότε [36] οὔτε τοιόνδε [37] οὐδεμία αὐτῶν ἐστὶν. [38] — τοῦ δὲ δοκεῖν [39] ἀόριστον εἶναι τὴν κίνησιν [40] αἴτιον [1069b1] ὅτι οὔτ' εἰς δύναμιν [2] οὔτ' εἰς ἐνέργειαν [3] ἔστι θεῖναι αὐτήν ἀπλῶς. [4] — οὔτε γὰρ τὸ δυνατόν [5] ποσὸν εἶναι κινεῖται ἐξ ἀνάγκης, [6] — οὔτε τὸ ἐνεργεῖν ποσόν. [7] — ἢ τε κινήσις [8] ἐνέργεια μὲν εἶναι δοκεῖ τις, [9] ἀτελεῖς δέ. [10] — αἴτιον δ' ὅτι ἀτελεῖς [11] τὸ δυνατόν, [12] οὐ ἐστὶν ἐνέργεια. [13] — καὶ διὰ τοῦτο χαλεπὸν [14] λαβεῖν τί ἐστὶ κινήσις. [15] — ἢ γὰρ εἰς στέρησιν [16] ἀναγκαῖον θεῖναι [17] ἢ εἰς δύναμιν [18] ἢ εἰς ἐνέργειαν ἀπλήν, [19] — τούτων δ' οὐδὲν [20] φαίνεται ἐνδεχόμενον. [21] — ὥστε λείπεται [22] ὁ εἰρημένος τρόπος, [23] — ἐνέργειαν μὲν τινα [24] εἶναι δοκεῖ, [25] — τοιαύτην δ' οἷαν εἶπομεν, [26] — ἰδεῖν μὲν χαλεπήν, [27] — ἐνδεχομένην δ' εἶναι.

[1069b28] — Ὅτι δ' ἐστὶν ἢ κινήσις [29] ἐν τῷ κινητῷ, [30] φανερόν. [31] — ἐντελέχεια γὰρ ἐστὶ [32] τούτου ὑπὸ τοῦ κινητικοῦ. [33] — καὶ ἢ τοῦ κινητικοῦ [34] ἐνέργεια οὐκ ἄλλη ἐστί. [35] — δεῖ μὲν γὰρ εἶναι [36] ἐντελέχειαν ἀμφοῖν. [37] — κινητικὸν μὲν γὰρ ἐστὶ [38] τῷ δύνασθαι, [39] — κινουῖν δὲ τῷ ἐνεργεῖν. [40] — ἀλλ' ἔστιν ἐνεργητικὸν [1070a1] τοῦ κινητοῦ. [2] — ὥστε ὁμοίως [3] μία ἢ ἀμφοῖν ἐνέργεια [4] — ὥσπερ τὸ αὐτὸ διάστημα [5] ἐν πρὸς δύο

[6] καὶ δύο πρὸς ἓν, [7] — καὶ τὸ ἄναντες [8] καὶ τὸ κάταντες· [9] — ταῦτα γὰρ ἓν μὲν ἐστίν, [10] — ὁ μὲντοι λόγος οὐχ εἷς· [11] — ὁμοίως δὲ [12] καὶ ἐπὶ τοῦ κινουῦντος [13] καὶ κινουμένου.

Глава 8

[1068a10] Сущее же подразделяется на сущее в возможности и сущее в осуществлённости (об этом уже сказано в рассуждениях о движении). Поэтому движение есть действительность существующего в возможности, как такового, — а именно: движимого, как движимого. [16] Поясню это примером: для меди, существующей в возможности как статуя, действительность, поскольку она движется, есть движение — не поскольку она медь, и не поскольку она статуя, а поскольку она есть медь, [сущая] в возможности. [23] Ведь если бы «быть медью» и «быть чем-то в возможности» было попросту одно и то же, то действительность меди как таковой была бы движением. Но это не одно и то же, как уже сказано. [29] Ясно это на примере противоположностей: ведь «быть в состоянии здоровья» и «быть в состоянии болезни» — не одно и то же (иначе здоровье и болезнь были бы одним и тем же), [35] а субстрат — и здоровый, и больной, будь то влага или кровь, — один и тот же. [39] Поскольку же это не одно и то же, — подобно тому как не одно и то же цвет и видимое, — [1068b1] то движение есть действительность возможного как такового.

Итак, ясно, что движение есть именно это, и что оно происходит именно тогда, когда имеет место сама действительность, — и не прежде, и не после. И движение находится в движимом: оно есть его осуществлённость, [производимая] движущим. И действительность движущего не есть нечто иное [по сравнению с действительностью движимого], ведь осуществлённость должна быть у обоих. Движущее является таковым благодаря [своей] способности [двигать], а движет оно благодаря [своей] деятельности; но оно оказывает действие на движимое, так что действительность обоих — одна, подобно тому как одно и то же расстояние от одного к двум и от двух к одному, и подъём и спуск: всё это — одно, хотя определение и не одно. Подобным же образом обстоит дело и с движущим и движимым.

[1069a11] А что [это определение] правильно, видно из того, что говорят о движении другие, и из того, что нелегко определить его иначе. Ведь никто не смог бы поместить его в другой род. Ясно же это из того, что [некоторые] называют движением инаковостью, неравенство и не-сущее; однако ничему из этого двигаться не необходимо, и перемена происходит не в них и не из них в большей мере, чем из их противоположностей. [28] Причина же того, что движение помещают в эти [роды], — в том, что движение кажется чем-то неопределённым; а начала второго ряда — неопределённые в силу того, что они суть лишённости: ведь ни одно из них не есть ни «вот это», ни «такое», ни какая-либо из прочих категорий. [38] А кажется движение неопределённым потому, что его нельзя отнести просто ни к возможности, ни к действительности сущего: [1069b1] ведь и возможное [обладающее] количеством не движется с необходимостью, и действительное [обладающее] количеством [тоже]; так что движение есть, по-видимому, некоторая действительность, но незавершённая. Причина же в том, что незавершённо то возможное, действительностью чего оно является. [13] Поэтому-то и трудно ухватить, что же такое движение: ведь его приходится относить либо к лишённости, либо к возможности, либо к простой действительности, — но ни одно из этих [отнесений] не кажется допустимым. [21] Так что остаётся лишь сказанный способ: движение есть некая действительность, притом такого рода, как мы сказали, — уловимая с трудом, но вполне могущая существовать.

[1069b28] А что движение находится в движимом — это ясно: ведь оно есть его осуществлённость, [производимая] движущим. [33] И действительность движущего — не иная: ведь осуществлённость должна быть у обоих. Движущее является таковым благодаря способности, а движет — благодаря деятельности; но оно оказывает действие на движимое, [1070a1] так что действительность обоих — одна. Подобно тому как одно и то же расстояние от одного к двум и от двух к одному, и подъём и спуск: [9] всё это — одно, хотя определение и не одно. Подобным же образом обстоит дело и с движущим и движимым.

Κεφάλαιον 9.

[1070a14] Ἦστι δὲ τὸ ἄπειρον ἢ τὸ ἀδύνατον διελθεῖν [15] τῷ μὴ πεφυκέναι διέναι, [16] καθάπερ ἢ φωνὴ ἀόρατος, [17] ἢ τὸ διέξοδον ἔχον ἀτελεύτητον, [18] ἢ ὁ μόλις, [19] ἢ ὁ πεφυκὸς ἔχειν [20] μὴ ἔχει διέξοδον ἢ πέρας· [21] ἔτι προσθέσει ἢ ἀφαιρέσει [22] ἢ ἄμφω. [23] — χωριστὸν μὲν δὴ [24] αὐτῶν τι ὄν [25] οὐκ ἐνδέχεται εἶναι· [26] εἰ γὰρ μήτε χωριστὸν [27] αὐτὸ τὸ ἄπειρον, [28] ἀλλ' ὡς συμβεβηκὸς, [29] οὐκ ἂν εἶη ἄπειρον [30] στοιχεῖον τῶν ὄντων, [31] ὡςπερ οὐδὲ τὸ ἀόρατον [32] τῆς φωνῆς· [33] καίτοι ἢ φωνὴ ἀόρατος. [34] — φανερόν δὲ [35] καὶ ὅτι οὐκ ἐνδέχεται [36] εἶναι ἄπειρον ὡς ἐνεργεία [37] ὄν, [38] καὶ ὡς οὐσία καὶ ἀρχή. [39] — ἔτι γὰρ ἔσται [40] μέρος αὐτοῦ, [1070b1] ὃ ἂν ληφθῆ, ἄπειρον, [2] εἰ ἀμερές· [3] — τὸ γὰρ ἀπείρω εἶναι [4] ταῦτ' [5] καὶ ἄπειρον, [6] — εἰ οὐσία [7] τὸ ἄπειρον [8] καὶ μὴ καθ' ὑποκειμένου. [9] — ὡςτ' ἢ ἀδιαίρετον, [10] ἢ εἰς ἄπειρα διαιρετόν· [11] — πολλὰ δ' ἄπειρα [12] εἶναι τὸ αὐτὸ ἀδύνατον. [13] — ἀλλ' ὡςπερ ἀέρος μέρος ἀήρ, [14] οὕτω καὶ ἄπειρον ἀπείρου, [15] εἰ ἔστιν οὐσία καὶ ἀρχή. [16] — ἀμερίστον ἄρα [17] καὶ ἀδιαίρετον. [18] — ἀλλ' ἀδύνατον [19] ἄπειρον εἶναι [20] ἐντελεχείᾳ ὄν· [21] — ποσὸν γὰρ τι [22] εἶναι ἀνάγκη. [23] — κατὰ συμβεβηκὸς [24] ἄρα ὑπάρχει. [25] — ἀλλ' εἰ οὕτως, [26] εἴρηται [27] ὅτι οὐκ ἐνδέχεται [28] λέγειν ἀρχὴν [29] εἶναι, [30] ἀλλ' ἐκεῖνο [31] ᾧ συμβέβηκε, [32] τὸν ἀέρα [33] ἢ τὸ ἄρτιον. [34] — αὕτη μὲν οὖν [35] ἢ ζήτησις καθόλου· [36] ὅτι δ' ἐν τοῖς αἰσθητοῖς [37] οὐκ ἔστιν ἄπειρον, [38] δῆλον· [39] — εἰ γὰρ σώματος λόγος [40] τὸ ἐπιπέδω ὠρισμένον, [1071a1] οὐκ ἔστι σῶμα [2] ἄπειρον [3] οὔτε νοητὸν [4] οὔτε αἰσθητόν. [5] — ἀλλὰ μὴν [6] οὐδ' ἀριθμὸς [7] ὡς χωριστός· [8] — ἀριθμὸς γὰρ [9] ἢ τὸ ἔχον ἀριθμὸν [10] ἀριθμητόν· [11] — εἰ οὖν τὸ ἀριθμητόν [12] δυνατὸν διελθεῖν, [13] κἂν τὸ ἄπειρον [14] διεξιῖοι. [15] — μάλιστα δὲ φυσικῶς [16] ἔστι θεωρῆσαι [17] περὶ αὐτοῦ· [18] — οὔτε γὰρ σύνθετον [19] οἷόν τε [20] εἶναι σῶμα ἄπειρον, [21] — οὔθ' ἀπλοῦν. [22] — σύνθετον μὲν [23] γὰρ οὐκ ἔσται, [24] ἂν πεπερασμένα [25] ἢ τῷ πλήθει [26] τὰ στοιχεῖα· [27] — δεῖ γὰρ ἰσάζειν [28] τὰ ἐναντία, [29] καὶ οὐκ εἶναι [30] ἐν αὐτῶν ἄπειρον· [31] — εἰ γὰρ ὀποσσοῦν [32] λείπεται [33] ἢ θατέρου σώματος δύνამις, [34] φθαρήσεται [35] ὑπὸ τοῦ ἀπείρου [36] τὸ πεπερασμένον. [37] — ἕκαστον δ' ἄπειρον [38] εἶναι ἀδύνατον, [39] — σῶμα γὰρ ἔστι [40] τὸ πάντη ἔχον διάστασιν, [1071b1] — ἄπειρον δὲ [2] τὸ ἀπεράντως διεσθηκός, [3] — ὡστε σῶμα ἄπειρον [4] πανταχῆ [5] διεσθηκός [6] ἔσται εἰς ἄπειρον. [7] — ἀλλὰ μὴν [8] οὐδὲ ἐν [9] καὶ ἀπλοῦν [10] ἐνδέχεται [11] σῶμα ἄπειρον [12] εἶναι, [13] — οὔτε ὡς λέγουσί τινες [14] παρὰ τὰ στοιχεῖα, [15] ἐξ οὗ γεννῶσι ταῦτα· [16] — οὐ γὰρ ἔστι [17] τοιοῦτο σῶμα [18] παρὰ τὰ στοιχεῖα· [19] — ἅπαν γὰρ, [20] ἐξ οὗ ἔστι, [21] διαλύεται [22] εἰς ταῦτα, [23] — οὐ φαίνεται δὲ [24] τοῦτο [25] παρὰ τὰ ἀπλᾶ σώματα. [26] — οὐδὲ πῦρ [27] οὐδ' ἄλλο [28] τῶν στοιχείων οὐθέν· [29] — χωρὶς γὰρ [30] τοῦ ἄπειρον [31] εἶναι τι αὐτῶν, [32] ἀδύνατον [33] τὸ πᾶν, [34] κἂν ἢ πεπερασμένον, [35] εἶναι [36] ἢ γίγνεσθαι [37] ἐν τι αὐτῶν, [38] — ὡςπερ Ἡράκλειτός φησιν [39] ἅπαντα γίγνεσθαι [40] πῦρ. [1072a1] — ὁ δ' αὐτὸς λόγος [2] καὶ ἐπὶ τοῦ ἑνός, [3] — οἷον ποιοῦσι [4] παρὰ τὰ στοιχεῖα [5] οἱ φυσικοί· [6] — ἅπαν γὰρ [7] μεταβάλλει [8] ἐξ ἐναντίου, [9] — οἷον ἐκ θερμοῦ [10] εἰς ψυχρόν. [11] — ἔτι [12] εἰ ἄπειρον [13] τὸ αἰσθητὸν σῶμα, [14] — πότερον ἀπλοῦν [15] ἢ σύνθετον; [16] — καὶ γὰρ κατὰ λόγον [17] ἄτοπον, [18] — εἰ τὰ μὲν [19] δύναται [20] εἶναι [21] τοιαῦτα, [22] τὰ δὲ μή. [23] — φανερόν οὖν [24] διὰ τούτων [25] ὅτι οὐκ ἔστι [26] σῶμα ἄπειρον [27] ἐνεργεία.

[1072a28] — Ἀλλὰ μὴν [29] οὐδ' ἀριθμὸν [30] ἐνδέχεται [31] εἶναι ἄπειρον [32] ὡς κεχωρισμένον· [33] — ἀριθμὸς γὰρ [34] ἢ τὸ ἔχον ἀριθμὸν [35] ἀριθμητόν. [36] — εἰ δὲ τὸ ἀριθμητόν [37] ἐνδέχεται ἀριθμεῖσθαι, [38] κἂν διεξελεθεῖν [39] εἶη δυνατὸν [40] τὸ ἄπειρον.

Глава 9

[1070a14] Бесконечное — это либо то, что невозможно пройти до конца, потому что [оно] по природе не может быть пройдено (подобно тому как голос невидим), либо то, прохождение чего не может завершиться, либо то, что едва проходимо, либо то, что, будучи по природе

способным иметь прохождение или предел, не имеет их. [21] Кроме того, бесконечным нечто может быть либо по прибавлению, либо по отнятию, либо и так, и так.

[23] Ничто бесконечное не может существовать как нечто отдельное само по себе. Ведь если бесконечное — не отдельная сущность, но [лишь] привходящее [свойство], то оно не может быть элементом сущего, — как и невидимое не есть элемент речи, хотя речь и невидима. [34] Ясно также, что бесконечное не может существовать как действительное, как сущность и начало. Ведь любая взятая часть бесконечного будет бесконечной, если бесконечное не имеет частей: [1070b1] ибо «быть бесконечным» и «бесконечное» — одно и то же, если бесконечное есть сущность, а не сказывается о подлежащем. [9] Так что бесконечное либо неделимо, либо делимо до бесконечности; но быть многим бесконечным одному и тому же невозможно. [13] Однако как часть воздуха — воздух, так и часть бесконечного — бесконечное, если бесконечное есть сущность и начало. Стало быть, оно не имеет частей и неделимо. [18] Но невозможно, чтобы бесконечное существовало как осуществлённое: ведь [в этом случае] оно необходимо должно быть некоторым количеством. Следовательно, бесконечное присуще [лишь] по совпадению. [25] А если так, то, как уже сказано, невозможно называть его началом, — но [началом будет] то, чему оно совпадающим образом присуще: воздух или чётное.

[34] Таково это исследование в общем виде. А что среди чувственно воспринимаемых [вещей] бесконечного нет — ясно из следующего. Если определение тела — «ограниченное плоскостью», то не может быть бесконечного тела — ни умопостигаемого, ни чувственно воспринимаемого. [5] Но и число [не может быть бесконечным] как существующее отдельно: ведь число или то, что имеет число, — счислимо; а если счислимое можно счесть, то можно было бы пройти до конца и бесконечное.

[15] Однако более естественно рассмотреть это в [книгах] о природе. Ни составное, ни простое [тело] не может быть бесконечным. Составное не будет [бесконечным], если элементы ограничены по числу: [27] противоположности должны уравнивать друг друга, и ни одна из них не может быть бесконечной. Если способность одного тела хоть сколько-нибудь уступает [способности другого], то ограниченное будет уничтожено бесконечным. [37] А быть бесконечным каждому [элементу] невозможно, ибо тело есть то, что имеет протяжение во все стороны, бесконечное же — то, что простирается беспредельно, [1071b1] так что бесконечное тело простиралось бы до бесконечности во все стороны.

[7] Но и единое и простое бесконечное тело не может существовать — ни как нечто [существующее] помимо элементов, из которого они, по мнению некоторых, возникают, [16] (ибо такого тела помимо элементов нет: всё, из чего [вещи] состоят, в то и разлагается, — а такого [тела] наряду с простыми телами не обнаруживается), — [26] ни как огонь или какой-либо другой из элементов. Ибо помимо того, что ни один из них не может быть бесконечным, невозможно, чтобы всё в целом, будь оно даже ограниченным, было или становилось каким-то одним из них, — как утверждает Гераклит, что всё некогда становится огнём. [1072a1] То же рассуждение [применимо] и к тому единому, которое [философы-физики] полагают наряду с элементами; ибо всё переходит из противоположного в противоположное, например из тёплого в холодное.

[11] Далее, если чувственно воспринимаемое тело бесконечно, — то простое ли оно или составное? Ведь и согласно [правильному] рассуждению это было бы нелепо, если бы одни [тела] могли быть такими, а другие нет.

[23] Так вот, из сказанного ясно, что не существует актуально бесконечного тела.

[28] Но и число не может быть бесконечным как существующее отдельно: ведь число или то, что имеет число, — счислимо; а если счислимое можно счесть, то можно было бы пройти до конца и бесконечное.

Κεφάλαιον 10.

[1072b1] Ὅτι δ' αἰ ἀρχαὶ καὶ τὰ αἴτια τοῖς φθαρτοῖς [2] καὶ τοῖς ἀφθάρτοις ἕτερα, [3] δῆλον. [4] — ταῦτα γὰρ ἀλλήλοις [5] κατ' ἀναλογίαν, [6] — λέγω δ' οἶον ὕλη, [7] εἶδος, [8] στέρησις, [9] καὶ τὸ κινουῦν. [10] — ἔχει δ' οὕτως. [11] — καὶ τῶν οὐσιῶν [12] αἰ ἀρχαὶ [13] καὶ τῶν πρὸς τι, [14] — καθάπερ καὶ τῶν ἐν φύσει. [15] — ὡσπερ γὰρ χρωμάτων [16] τὸ λευκὸν [17] καὶ μέλαν [18] ἐξ ἐπιπολῆς, [19] — οὕτω δεῖ [20] καὶ ὑποκείμενόν τι [21] εἶναι, [22] — καὶ πρῶτον [23] τὸ δυνάμει. [24] — ἔστι δ' ἐναντία, [25] — ἀλλ' οὕτω [26] καθ' αὐτά, [27] — οὐ κατὰ συμβεβηκός. [28] — ἔτι ὕλη, [29] — καὶ εἶδος, [30] — τρίτον δέ τι, [31] — οὗ ταῦτα πάθη. [32] — ἀλλὰ μὴν [33] — τοῦτο γὰρ εἴρηται [34] πολλάκις — [35] περὶ μὲν οὖν τούτων [36] τοσαῦτα.

[1072b37] — Περὶ δὲ τοῦ πρώτου, [38] — πότερον δεῖ λέγειν [39] ὡς περὶ ὕλην [40] ἢ ἄλλον τρόπον. [1073a1] — φαίνονται γὰρ [2] καὶ οἱ παλαιοὶ [3] ζητοῦντες. [4] — οἱ μὲν γὰρ ἐν [5] οἱ δὲ πλείω [6] φασὶν εἶναι [7] ἃ ποιοῦσι στοιχεῖα, [8] — οἱ μὲν σωματικά, [9] — οἱ δ' ἀσώματα. [10] — τούτων δὲ [11] ἔνιοι [12] περαιτέρω προέρχονται [13] καὶ περὶ τοῦ ποῖα [14] λέγοντες. [15] — δεῖ δὲ [16] τοὺς μὲν [17] μὴ περὶ πάντων [18] λέγοντας, [19] — ἀλλὰ μόνον [20] περὶ τῶν φθαρτῶν. [21] — τῶν δὲ [22] περὶ πάντων [23] λεγόντων, [24] — καὶ τὰ αἰσθητὰ [25] καὶ μὴ αἰσθητὰ [26] στοιχεῖα λεγόντων, [27] — ἔνι [28] περὶ ὧν [29] σκοπεῖν [30] τί καλῶς [31] ἢ μὴ καλῶς [32] λέγεται. [33] — οἱ μὲν οὖν [34] πλείω λέγοντες, [35] — καθάπερ Πλάτων [36] — τὸ μέγα [37] καὶ τὸ μικρόν, [38] — σωματικὰς λέγουσιν ἀρχάς, [39] — οἱ δὲ τὸ ἐν, [40] — ἀσώματος. [1073b1] — καὶ τούτων [2] ἕκαστον, [3] — ὡς βούλονται [4] σώματα [5] πυκνότητι [6] καὶ μαρότητι [7] πολλὰ ἐργάζεσθαι. [8] — ταῦτα γὰρ ἐστὶν [9] ἐναντία, [10] — καθόλου [11] ὑπεροχῇ [12] καὶ ἔλλειψις, [13] — καθάπερ [14] τὸ μέγα [15] καὶ τὸ μικρόν. [16] — ἔτι δὲ [17] καὶ ἡ τοῦ μᾶλλον [18] καὶ ἧττον φύσις. [19] — δοκεῖ γὰρ [20] εἶναι [21] τοῦ ἀπείρου. [22] — ἀλλὰ περὶ μὲν τούτων, [23] — καθάπερ εἶπομεν, [24] ἐν τοῖς πρώτοις λόγοις [25] διώρισται. [26] — τοὺς μὲν οὖν [27] ἄλλους [28] ἀφετέον, [29] — ὅσοι [30] μόνων [31] τῶν φθαρτῶν [32] ποιοῦσιν ἀρχάς. [33] — τοὺς δὲ [34] πάντων [35] λέγοντας [36] σκεπτέον [37] τί λέγουσι [38] καλῶς, [39] ἢ μή. [40] — περὶ δὲ [1074a1] τῶν ἀριθμοῦς [2] λεγόντων [3] τὰς οὐσίας [4] καὶ τὰς πρώτας ἀρχάς, [5] — σκεπτέον [6] τίνα τρόπον [7] λέγουσιν. [8] — ἐπεὶ δ' εἰσὶ [9] καὶ ἕτεραι ἀρχαί, [10] — πότερον αἰ αὐταὶ [11] τοῖς ἀριθμοῖς [12] ἢ ἕτεραι, [13] — σκεπτέον. [14] — ταῦτα μὲν οὖν [15] ἐν τοῖς ἐχομένοις [16] σκεπτέον.

Глава 10

[1072b1] Что начала и причины у преходящего и у непреходящего — разные, это ясно. [4] Ведь они — одни и те же лишь по аналогии. Я имею в виду, например, материю, форму, лишённость и движущее. [10] А обстоит дело вот как: и для сущностей, и для соотнесённого начала — [те же, что] и для [вещей] природных. Ведь так же как у цветов белое и чёрное суть [начала] на поверхности, — так же должно существовать и нечто подлежащее, и прежде всего — [сущее] в возможности. И существуют противоположности, но так — сами по себе, а не по совпадению. И ещё — материя и форма, а также и нечто третье — то, состояниями чего они являются. Но об этом, впрочем, сказано уже много раз.

[37] Однако о первом [начале] — следует ли говорить о нём как о материи или каким-то иным образом? Ведь, по-видимому, и древние искали его. Одни говорят, что начал, которые они считают элементами, — одно, другие — что много; одни — что они телесны, другие — бестелесны. Из них некоторые идут дальше и говорят о том, каковы именно эти начала. Но при этом одни говорят не обо всех [вещах], а только о преходящих; те же, кто говорит обо всех [вещах] и полагает элементы чувственные и не-чувственные, — у них можно рассмотреть, что сказано правильно, а что неправильно.

Те, кто говорит о многих [началах], как, например, Платон — о великом и малом, — полагают начала телесные; те же, кто [говорит] о едином, — бестелесные. И каждое из этих [начал], как они хотят, через сгущение и разрежение производит множество тел. Но это — противоположности, а в общем виде — избыток и недостаток, как великое и малое. Сюда же относится и природа «более и менее»: она ведь кажется [чем-то принадлежащим] бесконечному. Но об этом, как мы уже сказали, было определено в прежних рассуждениях.

[26] Итак, прочих следует оставить — тех, кто полагает начала только для преходящего; а тех, кто говорит [о началах] для всего, — следует рассмотреть, что они говорят правильно, а что нет.

[1074a1] Относительно же тех, кто утверждает, что сущности и первые начала суть числа, — следует рассмотреть, каким образом они это утверждают. А поскольку существуют и иные начала, — следует рассмотреть, тождественны ли они с числами или различны. Впрочем, это следует рассмотреть в последующем.

Κεφάλαιον 11.

[1074a17] Ὅτι μὲν οὖν σοφία τίς ἐστὶ περὶ τὰς ἀρχὰς ἐπιστήμη, [18] δῆλον ἐκ τῶν πρώτων ἐν οἷς διηπόρηται [19] πρὸς τὰ ὑπὸ τῶν ἄλλων εἰρημένα περὶ τῶν ἀρχῶν· [20] ἀπορήσειε δ' ἂν τις πότερον μίαν ὑπολαβεῖν [21] εἶναι δεῖ τὴν σοφίαν ἐπιστήμην ἢ πολλὰς· [22] εἰ μὲν γὰρ μίαν, [23] ἀεὶ μία γ' ἐστὶν ἐναντίων, [24] αἱ δ' ἀρχαὶ οὐκ ἐναντίαι· [25] εἰ δὲ μὴ μία, [26] ποίας θετέον ταύτας; [27] ἔτι τὰς ἀποδεικτικὰς ἀρχὰς θεωρῆσαι [28] μιᾶς ἢ πλειόνων; [29] εἰ μὲν γὰρ μιᾶς, [30] τί μᾶλλον ταύτης ἢ ὅποιασοῦν; [31] εἰ δὲ πλειόνων, [32] ποίας θετέον ταύτας; [33] ἔτι πότερον πασῶν τῶν οὐσιῶν [34] ἢ οὐ; [35] εἰ μὲν γὰρ μὴ πασῶν, [36] ποίων, χαλεπὸν ἀποδοῦναι· [37] εἰ δὲ πασῶν μία, [38] ἄδηλον πῶς ἐνδέχεται πλειόνων [39] τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην εἶναι. [40] ἔτι πότερον περὶ τὰς οὐσίας μόνον [1074b1] ἢ καὶ τὰ συμβεβηκότα ἀπόδειξις ἐστίν; [2] εἰ γὰρ περὶ γε τὰ συμβεβηκότα ἀπόδειξις ἐστίν, [3] περὶ τὰς οὐσίας οὐκ ἔστιν. [4] εἰ δ' ἑτέρα, [5] τίς ἑκάτερα καὶ ποτέρα σοφία; [6] ἀποδεικτικὴ μὲν γὰρ ἢ σοφία, [7] περὶ τὰ συμβεβηκότα· [8] περὶ τὰ πρῶτα, [9] ἢ περὶ τὰς οὐσίας. [10] ἀλλ' οὐδὲ περὶ τὰς ἐν τοῖς φυσικοῖς [11] εἰρημένας αἰτίας τὴν ἐπιστήμην θετέον. [12] οὔτε γὰρ περὶ τὸ οὐ ἔνεκεν [13] (τοιοῦτον γὰρ τὰγαθόν, [14] τοῦτο δ' ἐν τοῖς πρακτοῖς ὑπάρχει [15] καὶ τοῖς οὐσίαις ἐν κινήσει· [16] καὶ τοῦτο πρῶτον κινεῖ — [17] τοιοῦτον γὰρ τὸ τέλος — [18] τὸ δὲ πρῶτον κινήσαν [19] οὐκ ἔστιν ἐν τοῖς ἀκινήτοις)· [20] ὅλως δ' ἀπορίαν ἔχει [21] πότερον ποτε περὶ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας [22] ἐστὶν ἢ ζητουμένη νῦν ἐπιστήμη [23] ἢ οὐ, [24] περὶ δὲ τινὰς ἑτέρας. [25] εἰ γὰρ περὶ ἄλλας, [26] ἢ περὶ τὰ εἶδη εἴη ἂν [27] ἢ περὶ τὰ μαθηματικά. [28] τὰ μὲν οὖν εἶδη ὅτι οὐκ ἔστι, δῆλον. [29] — ἀπορίαν δ' ἔχει, [30] κἂν εἶναι τις αὐτὰ θῆ, [31] διὰ τί ποτ' οὐχ ὁμοίως [32] ἐπὶ τε τῶν ἄλλων ὅσων ἐστὶν εἶδη, [33] καὶ ἐπὶ τῶν μαθηματικῶν. [34] λέγω δ' ὅτι ταῦτα μὲν [35] μεταξὺ τε τῶν εἰδῶν τιθέασιν [36] καὶ τῶν αἰσθητῶν, [37] οἷον τρίτα τινὰ [38] παρὰ τὰ εἶδη τε καὶ τὰ δεῦρο· [39] τρίτος δ' ἄνθρωπος οὐκ ἔστιν [40] οὐδ' ἵππος [1075a1] παρ' αὐτόν τε καὶ τοὺς καθ' ἕκαστα. [2] εἰ δ' αὖ μὴ ἐστὶν ὡς λέγουσι, [3] περὶ ποῖα θετέον [4] πραγματεύεσθαι τὸν μαθηματικόν; [5] οὐ γὰρ δὴ περὶ τὰ δεῦρο· [6] τούτων γὰρ οὐθέν ἐστὶν τοιοῦτον [7] οἷον αἱ μαθηματικαὶ ζητοῦσι [8] τῶν ἐπιστημῶν. [9] οὐδὲ μὴν περὶ τὰ μαθηματικά [10] ἢ ζητουμένη νῦν ἐστὶν ἐπιστήμη· [11] χωριστὸν γὰρ αὐτῶν οὐθέν. [12] ἀλλ' οὐδὲ τῶν αἰσθητῶν οὐσιῶν· [13] φθαρταὶ γάρ. [14] ὅλως δ' ἀπορήσειεν ἂν τις [15] ποίας ἐστὶν ἐπιστήμης [16] τὸ διαπορῆσαι [17] περὶ τῆς τῶν μαθηματικῶν ὕλης. [18] οὔτε γὰρ τῆς φυσικῆς, [19] διὰ τὸ περὶ τὰ ἔχοντα ἐν αὐτοῖς [20] ἀρχὴν κινήσεως καὶ στάσεως [21] τὴν τοῦ φυσικοῦ πᾶσαν εἶναι πραγματείαν, [22] οὔτε μὴν τῆς σκοπούσης [23] περὶ ἀποδείξεώς τε καὶ ἐπιστήμης· [24] περὶ γὰρ αὐτὸ τοῦτο τὸ γένος [25] τὴν ζήτησιν ποιεῖται. [26] λείπεται τοίνυν [27] περὶ τούτων [28] τὴν προκειμένην φιλοσοφίαν [29] σκέψασθαι. [30] ἀπορήσειε δ' ἂν τις [31] εἰ δεῖ θεῖναι [32] περὶ τὰς ἀρχὰς [33] τὰς ὑπὸ τῶν στοιχεῖα καλουμένας [34] τὴν ἐπιστήμην· [35] ταύτας δὲ πάντες [36] ἐνυπαρχούσας τοῖς συνθέτοις τιθέασιν. [37] μᾶλλον δ' ἂν δόξειε [38] τῶν καθόλου εἶναι [39] ἢ ζητουμένη περὶ τούτων· [40] πᾶς γὰρ λόγος [1075b1] καὶ πᾶσα ἐπιστήμη τῶν καθόλου, [2] οὐ τῶν ἐσχάτων, [3] ὥστ' εἴη ἂν οὕτω [4] τῶν πρώτων γενῶν. [5] ταῦτα δὲ γίγνοιτ' ἂν [6] τό τε ὄν καὶ τὸ ἐν· [7] ταῦτα γὰρ μάλιστα ἂν ὑποληφθεῖη [8] περιέχειν πάντα [9] καὶ μάλιστα ἀρχαῖς εὐοικεῖναι [10] διὰ τὸ εἶναι πρῶτα τῆ φύσει· [11] διαφθαρέντων γὰρ αὐτῶν [12] συναναίρεται καὶ τὰ λοιπά· [13] πᾶν γὰρ ὄν καὶ ἐν. [14] ἢ δὲ εἰ διαφορὰς αὐτῶν [15] δεῖ λαβεῖν, [16] αἱ διαφοραὶ αὐτῶν [17] εἴη ἂν γένη, [18] διαφορὰ δ' οὐδεμία [19] κοινωνεῖ γένει, [20] ταύτη δ' οὐδ' ἀρχαῖς [21] οὔτε γένεσιν ἂν δόξειεν [22] δεῖν τιθέναι. [23] ἔτι εἰ μᾶλλον ἀρχὴ [24] τὸ ἀπλούστερον τοῦ ἥττον ἀπλοῦ, [25] τὰ δ' ἔσχατα τῶν ἐκ τοῦ γένους [26] ἀπλούστερα τῶν γενῶν [27] (ἄτομα γάρ), [28] τὰ δ' εἶδη εἰς πολλα [29] διαιρεῖται καὶ διαφέροντα, [30] μᾶλλον ἂν ἀρχὴ [31] τὰ εἶδη τῶν γενῶν δόξειεν εἶναι. [32] ἢ δὲ συναναίρεται [33] τοῖς γένεσι τὰ εἶδη, [34] τὰ γένη ταῖς ἀρχαῖς [35] μᾶλλον εὐοικεν· [36]

ἀρχὴ γὰρ τὸ συναναίρου. [37] τὰ μὲν οὖν τὴν ἀπορίαν [38] ἔχοντα [39] ταῦτα καὶ τοιαῦτ' ἐστὶν ἕτερα.

Глава 11

[1074a17] Итак, что мудрость есть некая наука о началах, очевидно из предшествующих [глав], в которых были разобраны апории относительно сказанного другими о началах. [20] Можно было бы задаться вопросом: следует ли полагать мудрость одной наукой или многими? Если одной, то [возражение в том, что] одна наука всегда имеет дело с противоположностями, начала же не противоположны друг другу. Если же она не одна, то какие именно науки следует признать за мудрость?

[27] Далее, является ли рассмотрение начал доказательства делом одной науки или многих? Если одной — то почему именно этой, а не любой другой? Если многих — то какие именно [науки] следует полагать таковыми?

[33] Далее, [имеет ли она дело] со всеми сущностями или нет? Если не со всеми, то трудно указать, с какими именно; если же одна наука [объемлет] все сущности, то неясно, как возможно одной и той же науке охватывать множество [разнородных] предметов.

[40] Далее, имеет ли она дело только с сущностями или также с доказательством привходящих свойств? [1074b1] Ведь если есть доказательство относительно привходящих свойств, то относительно сущностей доказательства нет. [4] Если же [эти науки] разные, то какова каждая из них и которая из них мудрость? Доказывающей [наукой] является мудрость, когда она направлена на привходящее; но когда речь идёт о первых [началах], мудрость направлена на сущности.

[10] Но не следует также полагать, что искомая наука занимается теми причинами, о которых говорилось в «Физике». [12] Ведь она не занимается [причиной] «ради чего» — ибо таково благо, а благо присутствует в сфере поступков и в том, что находится в движении; оно, как цель, движет первым, — но первое движущее не принадлежит неподвижному. [20] Вообще же остаётся неясным, имеет ли наука, которую мы сейчас ищем, дело с чувственно воспринимаемыми сущностями или нет, но с какими-то иными. [25] Ибо если с иными, то это либо эйдосы, либо математические предметы. Что эйдосы не существуют — ясно. [29] Но даже если допустить, что они существуют, остаётся трудность: почему с прочими [вещами], для которых есть эйдосы, дело обстоит не так, как с математическими? [34] Я имею в виду, что математические [предметы] они помещают как промежуточные между эйдосами и чувственно воспринимаемым — как нечто третье наряду с эйдосами и здешними [вещами]; [39] однако не существует ни третьего человека, ни третьей лошади [1075a1] помимо [эйдоса] самого-по-себе и единичных [людей и лошадей]. [2] Но если, с другой стороны, дело обстоит не так, как они говорят, то чем же тогда должен заниматься математик? Разумеется, не здешним — ведь в здешнем нет ничего такого, что исследуют математические науки. [9] Но и не математическими предметами занимается искомая нами наука — ведь ничто математическое не существует отдельно. [12] Не занимается она и чувственными сущностями — ибо они преходящи.

[14] Вообще, можно было бы задаться вопросом: какой науке надлежит исследовать трудности, связанные с материей математических предметов? [18] Конечно, не физике — ибо всё занятие физика обращено на то, что имеет в самом себе начало движения и покоя; [22] и не той [науке], которая исследует доказательство и знание как таковое — ибо именно этот род она и делает предметом своего исследования. [26] Стало быть, остаётся предложенной нами философии рассмотреть эти [вопросы].

[30] Можно было бы задаться вопросом: следует ли полагать, что искомая наука занимается началами, которые [некоторые] называют элементами? [35] Но все признают, что эти [элементы] присутствуют в составных [вещах]. А между тем скорее можно было бы предположить, что искомая наука имеет дело с общим — ибо всякое определение и всякая наука направлены на общее, [1075b1] а не на последнее [единичное]; так что в этом смысле она была бы наукой о

первых родах. [5] Таковыми оказались бы сущее и единое: ведь их скорее всего можно было бы считать объемлющими всё сущее и наиболее подобными началам, поскольку они первые по природе — с их уничтожением соуничтожается и всё остальное, ибо всё есть сущее и единое. [14] Однако если надлежит принять [видовые] различия этих [родов], то [эти] различия должны быть родами, но ни одно различие не причастно роду; поэтому-то, по-видимому, не следует полагать их ни родами, ни началами. [23] Далее, если более простое есть начало в большей мере, чем менее простое, а последнее, [далее неразложимое] внутри рода, проще самих родов (ибо оно неделимо), тогда как виды разделяются на многие и различные, — то виды, пожалуй, покажутся началами в большей мере, чем роды. [32] Но поскольку с уничтожением родов соуничтожаются и виды, то роды опять-таки более подобны началам, ибо начало есть то, что соуничтожает [с собой всё прочее]. [37] Таковы, стало быть, эти и подобные им апории.

Κεφάλαιον 12.

[1076a1] Ἔτι δὲ πότερον δεῖ τιθῆναι τι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα [2] ἢ οὐ, [3] ἀλλ' ἡ ζητουμένη ἐπιστήμη περὶ ταῦτα ἐστίν. [4] ἀλλὰ ταῦτα ἄπειρα· [5] τὰ γε μὴν παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα [6] γένη ἢ εἶδη ἐστίν, [7] ἀλλὰ τούτων ἢ νῦν ζητουμένη ἐπιστήμη [8] οὐδετέρων. [9] διότι γὰρ ἀδύνατον τοῦτο, εἴρηται. [10] καὶ γὰρ ὄλως ἀπορίαν ἔχει [11] πότερον δεῖ τινὰ ὑπολαβεῖν [12] οὐσίαν εἶναι χωριστὴν [13] παρὰ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας [14] καὶ τὰς δεῦρο, [15] ἢ οὐ, [16] ἀλλὰ ταῦτ' εἶναι τὰ ὄντα [17] καὶ περὶ ταῦτα τὴν σοφίαν ὑπάρχειν. [18] ζητεῖν μὲν γὰρ εἰκόκαμεν ἄλλην τινά, [19] καὶ τὸ προκείμενον τοῦτ' ἐστίν ἡμῖν, [20] λέγω δὲ τὸ ἰδεῖν [21] εἴ τι χωριστὸν καθ' αὐτὸ [22] καὶ μηδενὶ τῶν αἰσθητῶν ὑπάρχον. [23] ἔτι δ' εἰ παρὰ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας [24] ἔστι τις ἕτέρα οὐσία, [25] παρὰ ποίας τῶν αἰσθητῶν [26] δεῖ τιθῆναι ταύτην εἶναι; [27] τί γὰρ μᾶλλον παρὰ τοὺς ἀνθρώπους [28] ἢ τοὺς ἵππους [29] ἢ τῶν ἄλλων ζώων θήσει τις [30] ἢ καὶ τῶν ἀψύχων ὄλως; [31] τό γε μὴν ἴσας ταῖς αἰσθηταῖς [32] καὶ φθαρταῖς οὐσίαις [33] αἰδίους ἕτερας κατασκευάζειν [34] ἐκτὸς τῶν εὐλόγων [35] δόξειεν ἂν πίπτειν. [36] εἰ δὲ μὴ χωριστὸς τῶν σωμάτων [37] ὁ ζητούμενος νῦν ἀρχή, [38] τίνα ἂν τις ἄλλην θεῖη [39] μᾶλλον τῆς ὕλης; [40] αὕτη γε μὴν ἐνεργεία μὲν οὐκ ἔστι, [1076b1] δυνάμει δ' ἐστίν. [2] μᾶλλον δ' ἂν ἀρχὴ κυριωτέρα ταύτης [3] δόξειεν εἶναι τὸ εἶδος καὶ ἡ μορφή· [4] τοῦτο δὲ φθαρτόν, [5] ὥσθ' ὄλως οὐκ ἂν εἴη [6] αἰδίου οὐσία χωριστὴ καὶ καθ' αὐτήν. [7] ἀλλ' ἄτοπον· [8] εἰκοίκε γὰρ καὶ ζητεῖται [9] σχεδὸν ὑπὸ τῶν χαριεστάτων [10] ὡς οὐσά τις ἀρχὴ καὶ οὐσία τοιαύτη· [11] πῶς γὰρ ἔσται τάξις [12] μὴ τινος ὄντος αἰδίου [13] καὶ χωριστοῦ καὶ μένοντος; [14] ἔτι δ' εἴπερ ἔστι τις οὐσία [15] καὶ ἀρχὴ τοιαύτη τὴν φύσιν [16] οἷαν νῦν ζητοῦμεν, [17] καὶ αὕτη μία πάντων [18] καὶ ταύτῃ τῶν αἰδίων τε καὶ φθαρτῶν, [19] ἀπορίαν ἔχει [20] διὰ τί ποτε τῆς αὐτῆς ἀρχῆς οὐσης [21] τὰ μὲν ὑπὸ τὴν ἀρχὴν ἐστίν αἰδία [22] τὰ δ' οὐκ αἰδία· [23] τοῦτο γὰρ ἄτοπον. [24] εἰ δ' ἄλλη μὲν ἀρχὴ τῶν φθαρτῶν [25] ἄλλη δὲ τῶν αἰδίων, [26] εἰ μὲν αἰδίου καὶ ἢ τῶν φθαρτῶν, [27] ὁμοίως ἀπορήσομεν· [28] διὰ τί γὰρ οὐκ αἰδίου οὐσης τῆς ἀρχῆς [29] καὶ τὰ ὑπὸ τὴν ἀρχὴν αἰδία; [30] φθαρτῆς δ' οὐσης [31] ἄλλη τις ἀρχὴ γίνεταί ταύτης, [32] κάκεινης ἕτερα, [33] καὶ τοῦτ' εἰς ἄπειρον πρόεισιν. [34] εἰ δ' αὖ τις ἄς δοκοῦσιν [35] ἀρχαὶ μάλιστα' ἀκίνητοι, [36] τό τε ὄν καὶ τὸ ἔν, [37] θήσει ἀρχάς, [38] πρῶτον μὲν εἰ μὴ τότε τι [39] σημαίνει καὶ οὐσίαν ἐκάτερον αὐτῶν, [40] πῶς ἔσονται χωρισταί [1077a1] καὶ καθ' αὐτάς; [2] τοιαύτας δὲ ζητοῦμεν [3] τὰς αἰδίους τε καὶ πρῶτας ἀρχάς. [4] εἰ μὴν τότε τι σημαίνει [5] καὶ οὐσίαν, [6] ἐστίν οὐσία πάντα τὰ ὄντα· [7] κατὰ πάντων γὰρ τὸ ὄν, [8] κατ' ἐνίων δὲ καὶ τὸ ἔν. [9] ἀλλὰ μὴν ὅτι πάντα τὰ ὄντα οὐσία, [10] ψεῦδος. [11] ἔτι δὲ τοῖς τὴν πρῶτην ἀρχὴν [12] τὸ ἔν λέγουσι [13] καὶ τοῦτ' οὐσίαν, [14] ἐκ δὲ τοῦ ἐνός καὶ τῆς ὕλης [15] τὸν ἀριθμὸν γεννώσι πρῶτον [16] καὶ τοῦτον οὐσίαν φάσκουσιν εἶναι, [17] πῶς ἐνδέχεται [18] τὸ λεγόμενον ἀληθές εἶναι; [19] δυάδα γὰρ [20] καὶ τῶν λοιπῶν ἀριθμῶν ἕκαστον [21] τὸν σύνθετον [22] πῶς ἔν δεῖ νοῆσαι; [23] περὶ τούτου γὰρ [24] οὔτε λέγουσιν οὐδὲν [25] οὔτε ῥάδιον εἰπεῖν. [26] εἰ μέντοι γραμμὰς [27] ἢ τὰ τούτων ἐχόμενα [28] (λέγω δὲ ἐπιφανείας τὰς πρῶτας) [29] θήσει τις ἀρχάς, [30] ταῦτα οὐκ εἰσὶν οὐσίαι χωρισταί, [31] τομαὶ δὲ καὶ διαιρέσεις, [32] αἰ μὲν ἐπιφανείας [33] αἰ δὲ γραμμῆς [34] αἰ δὲ στιγμαί· [35] ἔτι δὲ τοῦ πεπερασμένου πέρατα. [36] πάντα δὲ ταῦτα [37] ἐν ἄλλοις ὑπάρχει [38] καὶ χωριστὸν οὐθέν ἐστίν. [39] ἔτι πῶς οἰθηθῆναι δεῖ [40] ἐνός εἶναι οὐσίαν [1077b1] καὶ στιγμῆς; [2] οὐσίας μὲν γὰρ ἀπάσης [3] γένεσις ἔστι, [4] στιγμῆς δ' οὐκ ἔστιν· [5] διαίρεσις γὰρ ἢ στιγμῆ. [6] παρέχει δ' ἀπορίαν [7] καὶ τὸ πᾶσαν μὲν ἐπιστήμην [8] εἶναι τῶν καθόλου [9] καὶ τοῦ τοιοῦδε, [10] τὴν δ' οὐσίαν [11] μὴ τῶν καθόλου εἶναι, [12] μᾶλλον δὲ τότε τι [13] καὶ χωριστόν, [14] ὥστ' εἰ ἔστιν ἐπιστήμη [15] περὶ τῶν ἀρχῶν, [16] πῶς δεῖ τὴν ἀρχὴν [17] οὐσίαν ὑπολαβεῖν; [18] ἔτι πότερον ἔστι τι [19] παρὰ τὸ σύνολον ἢ οὐ [20] (λέγω δὲ τὴν ὕλην [21] καὶ τὸ μετὰ ταύτης); [22] εἰ μὲν γὰρ μὴ ἔστι, [23] τὰ γε ἐν ὕλῃ [24] φθαρτὰ πάντα. [25] εἰ δ' ἔστι τι, [26] τὸ εἶδος ἂν εἴη [27] καὶ ἡ μορφή. [28] τοῦτ' οὖν ἐπὶ τίνων ἔστι [29] καὶ ἐπὶ τίνων οὐ, [30] χαλεπὸν διορίσαι· [31] ἐπ' ἐνίων γὰρ δῆλον [32] ὅτι οὐ

χωριστὸν τὸ εἶδος, [33] οἷον οἰκίας. [34] ἔτι πότερον αἱ ἀρχαὶ [35] εἶδει ἢ ἀριθμῶ αἱ αὐταί; [36] εἰ γὰρ ἀριθμῶ αἱ αὐταί, [37] πάντα ἔσται ταῦτά.

Глава 12

[1076a1] Далее, [остаётся вопрос:] следует ли полагать нечто помимо единичных [вещей] или нет, [или же] искомая наука занимается именно единичными [вещами]? [4] Однако единичные [вещи] бесконечны [по числу]; то же, что существует помимо единичного, — это роды или виды, но искомая нами наука не занимается ни теми, ни другими. А почему это невозможно — уже сказано.

[10] Ведь и вообще остаётся затруднение: следует ли признавать, что существует какая-либо отдельная сущность помимо чувственных сущностей и здешних [вещей], или же нет, но именно эти [вещи] суть сущие и мудрость имеет с ними дело? [18] Однако мы, по-видимому, ищем некую иную [сущность], и наша задача именно в этом — я имею в виду: усмотреть, существует ли нечто отдельное и само-по-себе, не присущее ничему чувственно воспринимаемому. [23] Кроме того, если наряду с чувственными сущностями существует некая иная сущность, то наряду с какими именно чувственными [вещами] следует её полагать? Почему скорее наряду с людьми или лошадьми, чем наряду с прочими живыми существами или даже с неодушевлёнными [вещами] вообще? [31] А полагать равночисленные чувственным и преходящим сущностям иные вечные сущности — это, пожалуй, выходило бы за пределы вероятного.

[36] Если же искомое нами начало не отделено от тел, то что же иное можно было бы принять за начало с большим основанием, чем материя? Правда, она существует не в действительности, [1076b1] а в возможности. [2] Более важным началом, чем материя, казались бы форма и очертание; но форма преходяща, так что вообще не существовало бы вечной, отдельной и самой-по-себе сущей субстанции. [7] Но это нелепо: ведь и по общему мнению, и по существу дела нечто подобное — такое начало и такая сущность — по-видимому, существует, и её ищут наиболее проницательные [мыслители]; в самом деле, какой может быть порядок, если нет ничего вечного, отдельного и постоянного?

[14] Далее, если существует сущность и начало такого рода, какое мы сейчас ищем, и это начало — одно для всего: и для вечного, и для преходящего, — то возникает трудный вопрос: почему при одном и том же начале одни вещи, подпадающие под это начало, вечны, а другие не вечны? Это ведь нелепо. [24] Если же одно начало у преходящего, а другое у вечного, то, если начало преходящего также вечно, мы окажемся в том же затруднении: в самом деле, почему, раз начало вечно, и то, что подпадает под это начало, не вечно? [30] Если же начало преходяще, то у него оказывается другое начало, а у того — ещё одно, и так до бесконечности.

[34] Если же, с другой стороны, в качестве начал полагать то, что считается наиболее неподвижными началами — сущее и единое, — то, во-первых, если каждое из них не обозначает определённого нечто и сущность, то как они могут быть отдельными и самими-по-себе? [1077a1] А мы ищем именно такие — вечные и первые — начала. [4] Если же каждое из них обозначает определённое нечто и сущность, то всё сущее [окажется] сущностью: ведь сущее сказывается обо всём, а единое — о некотором. Но что всё сущее есть сущность — ложно.

[11] Далее, как может быть истинным утверждение тех, кто первым началом полагает единое и [принимает его за] сущность, а из единого и материи впервые порождает число и объявляет его сущностью? [19] В самом деле, каким образом следует мыслить двойцу и каждое из прочих составных чисел как единое? Об этом они ничего не говорят, да и сказать нелегко.

[26] Если же кто-то пожелает принять за начала линии или то, что за ними следует (я имею в виду первые плоскости), [30] то [следует возразить, что] всё это — не отдельные сущности, но сечения и деления: плоскости — деления тел, линии — деления плоскостей, точки — деления линий; кроме того, они суть границы ограниченного. [36] Но всё это существует в другом, и ничто [из этого] не существует отдельно.

[39] Далее, как следует мыслить сущность единицы и точки? [1077b1] Всякая сущность имеет возникновение, а точка — нет, ибо точка есть деление.

[6] Затруднение вызывает и то, что всякая наука направлена на общее и на такое-то [по качеству], сущность же не принадлежит к общему — она, скорее, есть определённое нечто и нечто отдельное; а потому, если существует наука о началах, — то каким же образом следует мыслить начало как сущность?

[18] Далее, существует ли нечто помимо составного целого или нет (а составным целым я называю материю и то, что [соединено] с нею)? Если не существует, то ведь всё, что в материи, — преходяще. Если же существует нечто, то это, надо полагать, форма и очертание. Так вот, для каких [вещей] её следует полагать, а для каких — нет, — это трудно определить: ибо для некоторых очевидно, что форма неотделима, как, например, для дома.

[34] Далее, [следует спросить:] являются ли начала тождественными по виду или по числу? Если бы они были тождественны по числу, то всё было бы тождественно.

Грамматика одиннадцатой книги.

Нижеследующий анализ опирается на греческий текст и на ту систему алгоритмов, которую мы уже разработали. Главы 11-й книги рассматриваются по порядку, и для каждой показано, какие именно грамматические конструкции работают и какую метафизическую функцию они несут.

Глава 1: Грамматика апорийного входа.

Глава 1 одиннадцатой книги — это не изложение готового учения, а вход в исследование. Её грамматическая задача — не утверждать, а методично выстраивать систему вопросов, вводить читателя в состояние ἀπορία. Здесь господствует грамматика альтернативы.

Основной оператор — повторяющееся λότερον... ἢ («ли... или»). Оно задаёт бинарную структуру почти каждого абзаца: мудрость — одна наука или многие? Исследует она все сущности или не все? Только сущности или также привходящее? Чувственное или сверхчувственное? Каждый вопрос открывает развилку, и Аристотель не спешит её закрывать. Он тут же показывает, что принятие любой из ветвей ведёт к затруднению. Например: если мудрость одна, то возникает трудность, потому что одна наука всегда занимается противоположностями, а начала не противоположны. Если же наук много, то непонятно, какие именно.

Эта грамматика альтернативы — фундамент **алгоритма № 54** (апорийное вопрошание). Но здесь он работает в паре с потенциальным оптативом ἀπορήσειε δ' ἂν τις («можно было бы задаться вопросом»). Оптатив смягчает вопрошание: это не догматическое утверждение и не скептическое отрицание, а методическая возможность. Читатель не принуждается к ответу, а вводится в пространство, где ответ пока невозможен и именно эта невозможность станет двигателем дальнейшего исследования.

Грамматика условия также играет ключевую роль: εἰ μὲν γὰρ μίαν... εἰ δὲ μὴ μία... («если одна... если же не одна...»). Это не просто логическая форма. Это способ удержать обе альтернативы перед мысленным взором одновременно, не позволяя сознанию соскользнуть в преждевременный выбор. Аристотель заставляет мысль оставаться в развилке.

Во второй половине главы (начиная с 1059b24) грамматика меняется. Вопросы становятся более развёрнутыми, появляется больше инфинитивных конструкций: εἰ δεῖ θεῖναι... τὴν ἐπισημίην («следует ли полагать науку...»), μᾶλλον δ' ἂν δόξειε τῶν καθόλου εἶναι («скорее можно было бы предположить, что она — об общем»). Здесь работает **алгоритм № 3** (συμβαίνει и δόξειεν как маркеры дистанции): Аристотель перечисляет возможные позиции, не отождествляясь ни с одной. Оптативы δόξειεν, εἶη, γίγνοιτο создают атмосферу предположительности.

Особого внимания заслуживает финальная часть главы (1059b32-1059b4), где обсуждается, что является более первичным — род или вид. Здесь вступает в работу грамматика сравнительной степени: μᾶλλον ἀρχὴ τὸ ἀπλούστερον («более начало — более простое»). Сравнительная степень не просто описывает, она выстраивает онтологическую иерархию: более простое — более начало. А затем эта иерархия немедленно ставится под вопрос через оборот ἢ δὲ συναναίρεται («но поскольку соуничтожается»), который вводит контраргумент. Это классическая аристотелевская диалектика на уровне грамматики: тезис через компаратив, антитезис через ἢ δέ.

Последняя строка главы: τὰ μὲν οὖν τὴν ἀπορίαν ἔχοντα ταῦτα καὶ τοιαῦτ' ἐστὶν ἕτερα («таковы, стало быть, эти и подобные им апории»). Μὲν οὖν — стандартная формула подведения итога. Но важно, что итогом оказываются не ответы, а сами апории как таковые. Грамматика завершает главу, не снимая ни одного из поставленных вопросов.

Глава 2: Грамматика дистанцирования.

Если глава 1 строилась вокруг вопрошания, то глава 2 использует более сложную грамматическую стратегию. Здесь Аристотель обсуждает учения других философов, и его главная грамматическая задача — сохранить дистанцию.

Центральный оператор — безличное *συμβαίνει* и его производные. В 1059b5-9: *συμβαίνει* вводит нежелательное следствие из допущения идей. В 1059b17: *δόξειεν ἂν λίπτειν* («пожалуй, выходило бы за пределы вероятного») — оптатив с *ἂν* маркирует оценку как предположительную, а не категорическую. В 1059b23-26: *δόξειεν εἶναι* («казались бы») — опять оптатив.

Это алгоритм № 3 в действии, но здесь он усилен. Аристотель не просто дистанцируется от чужих тезисов; он показывает, что сами эти тезисы, будучи приняты, ведут к следствиям, которые даже их авторы не приняли бы. Грамматика *συμβαίνει* превращает тезис оппонента в его собственное опровержение.

В 1060a3-9 работает грамматика условного периода с *εἰ*: *εἰ μὴ τόδε τι σημαίνει... πῶς ἔσοοντα χωριστά;* («если не обозначает определённого нечто... то как они могут быть отдельными?»). Это редукция через вопрос: допущение оппонента принимается как посылка, а затем через вопросительное *πῶς* показывается его невозможность. Вопрос здесь — не запрос информации, а риторическое орудие опровержения.

Грамматика *ἀνάγκη* (необходимости) также заметна. В 1060b1: *ἀνάγκη εἶναι τὸ κατὰ συμβεβηκὸς ὄν* («необходимо должно существовать привходящее») — необходимость здесь не логическая, а онтологическая: из существования не-необходимого (*τὸ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ*) с необходимостью следует существование привходящего. Грамматика *ἀνάγκη* оформляет это как строгий вывод.

В финале главы (1060b3-15) особенно интересна грамматика альтернативных вопросов: *λότερον... εἰ ἔστι, παρὰ πάντα δεῖ εἶναι τι, ἢ παρὰ μὲν ἕνα... ἢ παρ' οὐθέν;* («следует ли полагать его существующим наряду со всеми, или с одними — да, а с другими — нет, или ни с какими?»). Тройное *ἢ* создаёт тройную развилку, более сложную, чем бинарные альтернативы главы 1.

Глава 3: Грамматика утверждения начал.

Глава 3 резко меняет грамматический регистр. Здесь Аристотель переходит от вопрошания к утверждению. Это видно уже по первой строке: "Ὅτι μὲν οὖν... δῆλον («что... это ясно»)." Конструкция "Ὅτι... δῆλον — это формула уверенного вывода, а не предположения.

Центральное место занимает грамматика превосходной степени: βεβαιότατη ἀρχὴ πασῶν («наиболее достоверное начало из всех»). Тройной повтор βεβαιότατη/γνωριμωτάτην/ἀνυπόθετον (1061a1-3) создаёт нарастающий ряд, в котором каждое следующее определение усиливает предыдущее. Это грамматика не описания, а учреждения: Аристотель не сообщает о начале, а вводит его через серию превосходных степеней, каждая из которых отсекает возможные возражения.

Грамматика невозможности через ἀδύνατον + инфинитив (1061a7-11) оформляет закон противоречия: ἀδύνατον ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν («невозможно одновременно быть присущим и не быть присущим»). Конструкция с ἀδύνατον безлична и абсолютна: это не мнение и не вывод, а фиксация онтологической невозможности, встроенной в структуру самого бытия.

Примечательно появление глагола ὑπολαμβάνειν (1061b1-3): εἰςὶ δὲ τινες οἱ... φασί... καὶ ὑπολαμβάνειν οὕτως («есть такие, кто и утверждают... и полагают, что можно так считать»). Различение между λέγειν (говорить) и ὑπολαμβάνειν (полагать, считать в душе) — тонкое, но важное грамматическое орудие. Аристотель разводит словесное утверждение и действительное убеждение: можно говорить, что всё течёт, но невозможно в самом деле так думать, ибо действие опровергает слово. Грамматика создаёт зазор между речью и мыслью, и в этом зазоре поселяется опровержение.

В 1061b15-1062a8 разворачивается грамматика эленктического доказательства: ἔστι δ' ἀποδείξει εἰλεγκτικῶς («можно дать доказательство путём опровержения»). Здесь ключевая конструкция — ἂν μόνον τι λέγη ὁ ἀμφοιβητῶν («если только возражающий хоть что-нибудь высказывает»). Условное предложение с ἂν + конъюнктив задаёт минимальное условие возможности опровержения: оппонент должен просто говорить нечто осмысленное. Если он отказывается и от этого, он «подобен растению» (ὅμοιος φυτῷ). Грамматика сравнения через ὅμοιος + датив выполняет здесь работу предельного отсечения: тот, кто не участвует в языке, исключает себя из пространства логоса.

Глава 4: Грамматика опровержения релятивизма.

Глава 4 продолжает линию главы 3, но переходит к опровержению конкретных тезисов — что всё истинно или всё ложно. Её грамматика — это грамматика *reductio ad absurdum*.

Центральная конструкция — условные периоды с $\epsilon\iota$ + индикатив: $\epsilon\iota$ γὰρ μὴ ἔσται... συμβαίνει... («если бы не было... то получается...»). Но особенность этой главы в том, что абсурдные следствия выводятся не из одной посылки, а из последовательности утверждений, которые оппонент вынужден делать. В 1062a20-28: если утверждающий, что всё ложно, говорит «это ложно», то само это утверждение — истинно; значит, не всё ложно; но тогда он должен признать, что его первоначальный тезис ложен, и так далее. Грамматика условного периода создаёт петлю, из которой оппонент не может выбраться.

Показательна грамматика вынужденного ответа в 1062a34-35: ἐρωτήσεως γενομένης, πότερον λευκός ἐστιν ἢ οὐ; φατέον θάτερον («если задать вопрос, бело ли нечто или нет, — он должен будет назвать что-то одно»). Глагольное прилагательное φατέον (от φημί) выражает долженствование: оппонент принуждается к ответу самой формой вопроса. Это не логическое принуждение, а грамматическое: структура вопросительного предложения такова, что ответ обязателен. И как только ответ дан, оппонент сам опровергает свой тезис о том, что всё одинаково истинно и ложно.

В 1062b25-35 происходит знаменитый прагматический аргумент: τίς γὰρ νομίζων Ἀθήνας βαδίζειν, ἀλλ' οὐκ ᾔετο, πορεύοιτ' ἄν; («кто же, полагая, что идёт в Афины, не считал бы [что идёт], и не пошёл бы?»). Здесь работает грамматика реального условия и оптатив с ἄν (πορεύοιτ' ἄν) в риторическом вопросе. Это не логическое доказательство, а апелляция к практике, оформленная грамматически как вопрос, на который возможен только один ответ.

Глава 5: Грамматика фокализации.

Глава 5 — одна из самых сложных грамматически. Её задача — показать, как единая наука может охватывать многообразные смыслы сущего.

Ключевая грамматическая конструкция — $\pi\rho\acute{o}s\ \acute{\epsilon}\nu\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (1064a1-3). Это не просто предлог с винительным, а технический термин, который Аристотель строит грамматически: все смыслы сущего «говорятся по отнесению к одному». Предлог $\pi\rho\acute{o}s$ с аккузативом создаёт векторную структуру: не равенство и не родовая общность, а направленность к центру.

Грамматика аналогии вводится через $\acute{\omega}\sigma\pi\epsilon\rho\ \dots\ \omicron\upsilon\tau\omega\varsigma$ (1063b9-24): «как врачебное и здоровое сказываются во многих смыслах, но возводятся к одному, так и сущее». Сравнительная конструкция переносит знакомую структуру на незнакомый предмет. Это **алгоритм № 9**, но здесь он работает на макро-уровне: не отдельное понятие, а целая онтологическая модель строится через синтаксическую пропорцию.

В 1064a4-14 разбираются противоположности и лишённость. Грамматика здесь — это грамматика $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\iota\varsigma$: отрицание ($\acute{\alpha}\lambda\acute{o}\phi\alpha\sigma\iota\varsigma$) в определённом роде. Аристотель показывает, что несправедливое — это не просто отсутствие справедливости, а отсутствие в том, чему по природе свойственно её иметь. Грамматика родительного падежа при $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\iota\varsigma$ ($\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\iota\varsigma\ \omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\varsigma$ — «лишённость сущности») фиксирует, что лишённость — это всегда лишённость чего-то определённого.

В 1064b1-14 математика описывается как «отвлекающая» наука. Грамматика здесь — это грамматика абстракции: $\acute{\alpha}\phi\alpha\iota\rho\epsilon\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omicron\varsigma\ \dots\ \theta\epsilon\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ («отбросив... рассматривает»). Генитив абсолютный ($\acute{\alpha}\phi\alpha\iota\rho\epsilon\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omicron\varsigma$) обозначает действие, произведённое мыслью до начала рассмотрения. Это грамматический механизм, которым Аристотель объясняет, как математика может быть точной наукой о том, что не существует отдельно.

Финальная часть главы (1064b15-1065a26) содержит почти дословный повтор аргументации из начала главы, но с одним важным добавлением: теперь вводится различие физики, математики и первой философии через их отношение к движению и сущему как таковому. Грамматика здесь — это грамматика распределения по предметным областям: $\pi\epsilon\rho\acute{\iota}$ + генитив или аккузатив ($\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \kappa\acute{\iota}\nu\acute{\eta}\sigma\epsilon\omega\varsigma$, $\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \tau\grave{\alpha}\ \sigma\upsilon\mu\beta\epsilon\beta\eta\kappa\omicron\tau\alpha$, $\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \tau\omicron\ \acute{\delta}\nu$) задаёт, чем именно занимается каждая наука.

Глава 6: Грамматика привходящего.

Глава 6 посвящена сущему κατὰ συμβεβηκός (по совпадению). Её грамматическая задача — показать, что этот род сущего не может быть предметом науки.

Центральная грамматическая операция — отрицание через οὐδεμία + ἐπιστήμη (1065a36-b2): οὐδεμία γὰρ ἐπιστήμη ἐπιμελὲς περὶ αὐτοῦ («ни одна наука не уделяет ему внимания»). Тройной повтор οὐδεμία/οὔτε... οὔτε... οὔτε создаёт тотальное отрицание: ни практическая, ни творческая, ни теоретическая наука не занимается привходящим.

Грамматика примера в 1065b3-7: строитель не создаёт всего, что совпадает с возникающим домом. Причастная конструкция с ἅμα (ἅμα τῇ οἰκίᾳ γιγνομένη — «одновременно с возникающим домом») показывает, что привходящее — это то, что сопровождает возникновение, но не входит в суть дела.

В 1065b11-14: ὅσπερ γὰρ ὄνομά τι μόνον τὸ συμβεβηκός ἐστίν («привходящее есть как бы одно лишь имя»). Сравнительная частица ὅσπερ вводит ключевое определение через аналогию: привходящее обладает лишь именной, но не сущностной реальностью.

В 1066a1-6 появляется грамматика «как правило»: τὰ δ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ («то, что бывает как правило»). Это важнейшая конструкция аристотелевской онтологии. Субстантивированное наречие (τὸ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ) превращает статистическую регулярность в онтологический принцип. Привходящее определяется отрицательно: это то, что не всегда и не как правило.

Грамматика необходимости в 1066a35-b6: ὅστ' ἐπεὶ οὐ πάντα ἐστὶν ἐξ ἀνάγκης καὶ αἰεὶ... ἀνάγκη εἶναι τὸ κατὰ συμβεβηκός ὄν («так что, поскольку не всё существует по необходимости и всегда... необходимо должно существовать привходящее»). Здесь сталкиваются два смысла ἀνάγκη: онтологическая необходимость (то, что не может быть иначе) и логическая необходимость (вывод: если есть не-необходимое, то необходимо есть привходящее). Это столкновение смыслов — не путаница, а точный грамматический инструмент: Аристотель показывает, что привходящее не необходимо онтологически, но его существование необходимо логически.

Глава 7: Грамматика перехода.

Глава 7 — переходная. Она завершает тему привходящего и вводит тему сущего в смысле истинного и ложного.

В 1066b32-1067b1 рассматривается цепь причинности. Грамматика здесь — это грамматика временного следования: ἀεὶ χρόνου ἀφαιρουμένου ἀπὸ πλετασμένου χρόνου ἤξει εἰς τὸ νῦν («постоянно отнимая время от ограниченного промежутка времени, дойдёшь до настоящего мгновения»). Генитив абсолютный (χρόνου ἀφαιρουμένου) и будущее индикатива (ἤξει) создают образ непрерывного движения вспять по цепи причин к настоящему моменту.

В 1067b1-3: Περὶ μὲν οὖν τοῦ κατὰ συμβεβηκὸς ὄντος ἀφείσθω· διώριστα γὰρ ἰκανῶς («о сущем по совпадению оставим — ибо оно определено достаточно»). Перфектный пассив διώριστα — это **алгоритм № 1**: фиксация завершённого знания, от которого можно оттолкнуться для следующего шага.

В 1067b4-26 разбирается истинное и ложное. Грамматика связывания и разъединения: παρὰ σύνθεσιν ἐστὶ καὶ διαίρεσιν («зависит от связывания и разъединения»). Субстантивированные существительные σύνθεσις и διαίρεσις становятся техническими терминами. Истина и ложь — не свойства вещей, а свойства операций ума, и грамматика это фиксирует через предлог παρὰ с аккузативом: истина — «при» связывании, а не «в» вещах.

В 1068a4-9: διὸ ταῦτα μὲν ἐατέον, σκεπτέον δὲ τοῦ ὄντος αὐτοῦ τὰ αἷτια καὶ τὰς ἀρχὰς ἢ ὄν («поэтому оставим их, а рассмотреть следует причины и начала самого сущего как сущего»). Грамматика πανστέον/σκεπτέον — глагольные прилагательные долженствования — задаёт программу дальнейшего исследования.

Глава 8: Грамматика определения движения.

Глава 8 содержит знаменитое определение движения. Её грамматическая задача — дать позитивное определение того, что раньше лишь описывалось через критику чужих учений.

Ключевая грамматическая конструкция — определение через генитив: ἡ τοῦ δυνάμει ὄντος ἐντελέχεια, ἣ τοιοῦτον, κίνησις ἐστίν («действительность сущего в возможности, как такового, есть движение»). Генитивная цепочка (τοῦ δυνάμει ὄντος... ἐντελέχεια) создаёт компактное определение, где каждый родительный падеж уточняет предыдущий.

В 1068a15-29 Аристотель поясняет определение на примере меди и статуи. Грамматика здесь — это грамматика ἣ (поскольку, в качестве): οὐχ ἣ ἀνδριάς, ἀλλ' ἣ χαλκός («не поскольку статуя, а поскольку медь»). Различение через ἣ + именительный падеж — это **алгоритм № 6**, но применённый внутри самого определения движения.

В 1069a11-26 Аристотель критикует чужие определения движения через инаковость, неравенство и не-сущее. Грамматика отрицания: οὔτε γὰρ ἐν ἄλλῳ τις γένοι δύναιτ' ἂν θεῖναι αὐτήν («никто не смог бы поместить его в другой род»). Оптатив с ἂν (δύναιτ' ἂν) выражает невозможность: никто не смог бы, даже если бы попытался.

В 1069b26-1070a13 Аристотель показывает, что движение находится в движимом, а действительность движущего и движимого — одна. Грамматика аналогии: ὥσπερ τὸ αὐτὸ διάστημα ἐν πρὸς δύο καὶ δύο πρὸς ἓν, καὶ τὸ ἄναντες καὶ τὸ κάταντες («подобно тому как одно и то же расстояние от одного к двум и от двух к одному, и подъём и спуск»). Аналогия здесь — не украшение, а единственно возможный способ помыслить единство действительности при различии определений.

Глава 9: Грамматика бесконечного.

Глава 9 посвящена бесконечному. Её грамматическая задача — развести разные смыслы «бесконечного» и показать, что актуально бесконечное не существует.

В 1070a14-22 даётся классификация значений бесконечного через ἤ... ἤ... ἤ. Перечислительная грамматика здесь — не просто список, а аналитический инструмент: каждое ἤ вводит новый смысл, отличный от предыдущих.

В 1070a23-33 доказываемся, что бесконечное не может существовать отдельно. Грамматика условного периода с εἰ: εἰ γὰρ μήτε χωριστὸν... οὐκ ἂν εἴη ἄλειρον στοιχεῖον («если бесконечное — не отдельная сущность... то оно не может быть элементом»). Двойное отрицание (μήτε... οὐκ ἂν εἴη) создаёт жёсткую логическую связь.

В 1070a34-1070b18 разбирается вопрос, может ли бесконечное быть телом. Грамматика здесь — грамматика ἀδύνατον + инфинитив: ἀδύνατον ἄλειρον εἶναι ἐντελεχεῖα ὄν («невозможно, чтобы бесконечное существовало как осуществлённое»). Бесконечное может существовать только δυναμίαι — в возможности, и грамматика дательного падежа фиксирует этот модус существования.

В 1070b19-1072a26 доказываемся, что нет бесконечного чувственно воспринимаемого тела. Грамматика деления: σύνθετον μὲν γὰρ οὐκ ἔσται... ἕκαστον δ' ἄλειρον εἶναι ἀδύνατον («составное не будет... а быть бесконечным каждому — невозможно»). Разделительное μὲν... δέ разводит два случая и показывает, что оба невозможны.

Глава 10: Грамматика начал.

Глава 10 — переход к теологии. Её грамматическая задача — подготовить почву для учения о перводвигателе.

В 1072b1-10: Ὅτι δ' αἱ ἀρχαὶ καὶ τὰ αἴτια τοῖς φθαρτοῖς καὶ τοῖς ἀφθάρτοις ἕτερα, δῆλον («что начала и причины у преходящего и непреходящего — разные, это ясно»). Конструкция Ὅτι... δῆλον — формула уверенного утверждения. Грамматика переходит от апорий к позитивному учению.

В 1072b10-36: ἔχει δ' οὕτως· καὶ τῶν οὐσιῶν αἱ ἀρχαὶ καὶ τῶν πρὸς τι, καθάπερ καὶ τῶν ἐν φύσει («а обстоит дело вот как: и для сущностей, и для соотнесённого начала — те же, что и для природных вещей»). Грамматика аналогии (καθάπερ) переносит структуру начал с природных вещей на все категории.

В 1072b37-1074a16 — обзор мнений о началах. Грамматика исторического обзора: οἱ μὲν γὰρ ἐν οἷ δὲ πλείω φασὶν εἶναι («одни говорят, что начал одно, другие — что много»). Перечислительная конструкция οἱ μὲν... οἱ δὲ разносит мнения по классам, подготавливая их критическую оценку.

Глава 11: Грамматика редупликации.

Глава 11 почти дословно повторяет главу 1. Это **алгоритм № 55** — редупликация как проверка устойчивости. Грамматически это точная копия, но её функция меняется: теперь те же вопросы читаются не как открытые апории, а как уже получившие разрешение в ходе исследования.

Глава 12: Грамматика итогового вопрошания.

Глава 12 почти дословно повторяет главу 2. Но теперь её грамматика — это грамматика не входа, а выхода. Вопросы, оставшиеся без ответа в начале книги, теперь предстают как риторические: читатель уже знает, что отдельные субстанции не нужны, что начала тождественны по виду, а не по числу, что форма неотделима. Редупликация удостоверяет усвоение.

Макро-анализ.

Он даёт сжатый, структурно ясный очерк архитектуры книги К и её логической траектории. В соединении с подробным микроанализом (который показывает, *как именно* грамматика работает в каждой главе) он образует полноценный макро-анализ.

Архитектура книги К.

Книга К состоит из двенадцати глав. Их последовательность не произвольна. Она образует логическую траекторию, которую можно описать как «вход — прохождение — проверка».

Первая фаза: вход (главы 1–2). Грамматический регистр — апорийное вопрошание. Читатель вводится в состояние ἀπορία, которое есть условие возможности философского исследования. Главы 1 и 2 задают два типа апорий: о предмете мудрости (гл. 1) и о существовании отдельной сущности (гл. 2).

Вторая фаза: прохождение (главы 3–10). Грамматический регистр меняется на утвердительный и аналитический. Главы 3–4 устанавливают начала доказательства и опровергают релятивизм. Глава 5 даёт учение о πρὸς ἕν λέγεσθαι. Глава 6 разбирает привходящее. Глава 7 — переходная. Глава 8 определяет движение. Глава 9 — о бесконечном. Глава 10 — о началах преходящего и вечного.

Третья фаза: проверка (главы 11–12). Редупликация глав 1–2. Те же апории предъявляются повторно. Читатель, прошедший через позитивную часть, обнаруживает, что они больше не являются апориями.

Логическая траектория.

Читатель начинает с вопроса «что есть мудрость?» (гл. 1) и «существует ли отдельная сущность?» (гл. 2). Эти вопросы оставляют его в состоянии *ἀλορία*. Затем он проходит через установление начал доказательства (гл. 3–4), учение о многозначности сущего (гл. 5), анализ приводящего (гл. 6), переход к истине (гл. 7), определение движения (гл. 8), анализ бесконечного (гл. 9), учение о началах (гл. 10). После этого он возвращается к исходным вопросам (гл. 11–12) и обнаруживает, что они разрешены.

Сквозные грамматические линии.

Линия оптатива. Оптатив с ἄν (ἀπορήσειε, δόξειε, εἴη) проходит через главы 1–2 как маркер предположительности, исчезает в главах 3–10, где господствует индикатив, и возвращается в главах 11–12, но теперь как риторический.

Линия ἀνάγκη. От онтологической необходимости главы 2 через логическую необходимость главы 6 к необходимости перводвигателя в главе 10.

Линия συμβαίνει. От маркера нежелательного следствия в главе 2 к систематическому reductio в главе 4.

Линия πρὸς ἓν. Вводится в главе 5 как решение апории многозначности сущего. Это грамматическое решение оказывается ключом ко всей книге: единая наука возможна потому, что все смыслы сущего направлены к одному центру.

Книга К как компендиум.

Книга К — это не самостоятельное исследование, а краткое изложение книг III, IV, VI и начала XII. Но её грамматическая функция — не просто повторить, а проверить. Редупликация (гл. 11–12) показывает, что апории, снятые в позитивных книгах, при повторном предъявлении не вызывают замешательства. Это мета-уровень: книга К демонстрирует сам метод, позволяя читателю увидеть, как грамматические алгоритмы превращают *ἀπορία* в знание.

Микро-анализ.

Глава 1.

1059a18–20: Перфектный пассив как фундамент. Предложение Ὅτι μὲν ἡ σοφία περὶ ἀρχὰς ἐπιστήμη τίς ἐστι, δῆλον ἐκ τῶν πρώτων ἐν οἷς διηπόρηται строится вокруг перфектного пассива διηπόρηται («были разобраны апории»). Перфект обозначает завершённое действие, результат которого наличен в настоящем. Аристотель не говорит «мы разбирали», а говорит «разобрано» — безличная конструкция придаёт итогу объективный статус. Это алгоритм № 1: фундамент заложен не как личное достижение, а как анонимный, общезначимый результат.

1059a20–25: Дизъюнктивный оптатив. ἀπορήσειε δ' ἄν τις πότερον μίαν ὑπολαβεῖν εἶναι δεῖ τὴν σοφίαν ἐπιστήμην ἢ πολλὰς. Оптатив ἀπορήσειε с частицей ἄν — это не просто «можно задаться вопросом», а грамматическое оформление методического сомнения. Оптатив смягчает вопрошание, но не лишает его силы. Дизъюнктивное πότερον... ἢ задаёт строгую бинарную альтернативу. Инфинитив ὑπολαβεῖν зависит от δεῖ: «должно полагать» — это не описание чьего-то мнения, а нормативный вопрос: как должно мыслить?

Далее εἰ μὲν γὰρ μίαν, ἀεὶ μία γ' ἐστὶν ἐναντίων — первая ветвь альтернативы принимается как гипотеза (εἰ + аккузатив, эллиптическая конструкция без глагола). Возражение вводится через ἀεὶ: «одна наука *всегда* имеет дело с противоположностями». Наречие ἀεὶ придаёт возражению статус общего закона. Вторая часть — αἰ δ' ἀρχαὶ οὐκ ἐναντία — через δέ противопоставляет конкретный случай (начала мудрости) общему правилу.

εἰ δὲ μὴ μία, ποίας θετέον ταύτας — вторая ветвь. θετέον (глагольное прилагательное от τίθημι) выражает долженствование: «какие следует полагать?» Это грамматика нормативного поиска.

1059a25–26: Расширение апории. ἔτι τὰς ἀποδεικτικὰς ἀρχὰς θεωρῆσαι μᾶς ἢ πλειόνων; Вопрос вводится без глагола — эллиптическая конструкция, типичная для сжатого аристотелевского стиля. Инфинитив θεωρῆσαι зависит от подразумеваемого δεῖ или σκεπτέον: «[следует ли] рассмотреть?» τί μᾶλλον ταύτης ἢ ὅποιασοῦν; — компаратив μᾶλλον в паре с неопределённым ὅποιασοῦν («любой другой») создаёт риторический вопрос, подразумевающий отрицательный ответ.

1059a26–29: Вопрошание о сущностях. ἔτι πότερον πασῶν τῶν οὐσιῶν ἢ οὐ; Генитив πασῶν τῶν οὐσιῶν зависит от подразумеваемого причастия или ἐπιστήμη: «[наука] обо всех сущностях или нет?» Двойная альтернатива разворачивается: εἰ μὲν γὰρ μὴ πασῶν, ποίων, χαλεπὸν ἀποδοῦναι — инфинитив ἀποδοῦναι («указать») в эллиптической конструкции с χαλεπόν. εἰ δὲ πασῶν μία, ἄδηλον πῶς ἐνδέχεται — безличное ἄδηλον («неясно») и πῶς ἐνδέχεται («как возможно») создают апорию.

1059a29–33: Доказательство и привходящее. ἔτι πότερον περὶ τὰς οὐσίας μόνον ἢ καὶ τὰ συμβεβηκότα ἀπόδειξις ἐστίν; εἰ γὰρ περὶ γε τὰ συμβεβηκότα ἀπόδειξις ἐστίν, περὶ τὰς οὐσίας οὐκ ἔστιν. Частица γε усиливает: «если уж о привходящем есть доказательство». Аргумент строится на подразумеваемой посылке: одна наука — один род предмета. ἐναντίωσις здесь неявная: если доказательство есть об одном, его нет о другом.

εἰ δ' ἑτέρα, τίς ἑκάτερα καὶ ποτέρα σοφία; Эллипсис: подразумевается «если же [для каждого] особая [наука]». ποτέρα — вопросительное местоимение «которая из двух?» ἀποδεικτικὴ μὲν γὰρ ἡ σοφία, περὶ τὰ συμβεβηκότα· περὶ τὰ πρώτα, ἢ περὶ τὰς οὐσίας — это не два предложения, а одна конструкция с перекрёстным расположением (хиазм). μὲν... δέ

опущено, но подразумевается. Определение мудрости раздваивается, и это раздвоение фиксируется грамматически.

1059a34–38: Отсечение физики. ἀλλ' οὐδὲ περὶ τὰς ἐν τοῖς φυσικοῖς εἰρημένας αἰτίας τὴν ἐπιστήμην θετέον. οὐδέ — «даже не» — сильное отрицание. θετέον — глагольное прилагательное: «не следует полагать». Причастие εἰρημένας (перфектный пассив от λέγω) отсылает к «Физике» как к завершённой корпусу знания.

οὕτε γὰρ περὶ τὸ οὗ ἔνεκεν — эллипсис: «она не занимается [причиной] "ради чего"». τοιοῦτον γὰρ τὰγαθόν — местоимение τοιοῦτον указывает на род: «ибо таково благо». τοῦτο δ' ἐν τοῖς πρακτοῖς ὑπάρχει καὶ τοῖς οὖσιν ἐν κινήσει — двойной дательный ἐν с локативным оттенком: «в сфере поступков и в движущемся». καὶ τοῦτο πρῶτον κινεῖ — «и оно движет как первое», τοιοῦτον γὰρ τὸ τέλος — «ибо такова цель». τὸ δὲ πρῶτον κινήσαν οὐκ ἔστιν ἐν τοῖς ἀκινήτοις — аористное причастие κινήσαν обозначает однократный акт: «то, что движет первым». Утверждение парадоксально: первое движущее не принадлежит неподвижному. Это апория в чистом виде.

1059a38–b1: Вопрос о предмете. ὅλως δ' ἀπορίαν ἔχει — «вообще же остаётся неясным». ἀπορίαν ἔχει — иметь апорию, быть в затруднении. πότερόν ποτε... ἢ οὐ, περὶ δὲ τινος ἑτέρας — ποτε усиливает: «когда-либо», «вообще». Альтернатива: либо о чувственных, либо об иных.

εἰ γὰρ περὶ ἄλλας, ἢ περὶ τὰ εἶδη εἴη ἂν ἢ περὶ τὰ μαθηματικά — оптатив εἴη ἂν выражает предположение. Дизъюнкция ἢ... ἢ: либо эйдосы, либо математическое. τὰ μὲν οὖν εἶδη ὅτι οὐκ ἔστι, δῆλον — конструкция ὅτι... δῆλον: «что [эйдосов нет] — ясно». Категорическое утверждение, контрастирующее с предшествующими оптативами.

1059b2–10: Трудность с математическим. ἀπορίαν δ' ἔχει, κὰν εἶναι τις αὐτὰ θῆ — конъюнктив θῆ с ἂν: «даже если допустить». διὰ τί ποτ' οὐχ ὁμοίως — «почему же не одинаково?» ποτε усиливает вопрос.

λέγω δ' ὅτι ταῦτα μὲν μεταξὺ τε τῶν εἰδῶν τιθέασι καὶ τῶν αἰσθητῶν — придаточное с ὅτι раскрывает, что именно имеет в виду Аристотель. τιθέασι — настоящее время: «они полагают» — описывается действующее учение. οἷον τρίτα τινὰ παρὰ τὰ εἶδη τε καὶ τὰ δεῦρο — «как нечто третье наряду с эйдосами и здешним». τινὰ смягчает: «некое третье».

τρίτος δ' ἄνθρωπος οὐκ ἔστιν οὐδ' ἴπλος παρ' αὐτόν τε καὶ τοὺς καθ' ἕκαστα — οὐκ ἔστιν категорически: «не существует». παρ' αὐτόν — «помимо самого-по-себе». καθ' ἕκαστα — «единичные».

1059b10–16: Дилемма математика. εἰ δ' αὖ μὴ ἔστιν ὡς λέγουσι — «если же дело обстоит не так, как они говорят». αὖ — «с другой стороны», «опять-таки». περὶ ποῖα θετέον πραγματεύεσθαι τὸν μαθηματικόν; — θετέον + инфинитив: «чем следует заниматься математикой?»

οὐ γὰρ δὴ περὶ τὰ δεῦρο — «уж конечно, не здешним». δὴ усиливает отрицание. τούτων γὰρ οὐθέν ἐστι τοιοῦτον οἷον αἱ μαθηματικαὶ ζητοῦσι — «ибо в здешнем нет ничего такого, что исследуют математические науки». Коррелятивная конструкция τοιοῦτον οἷον.

οὐδὲ μὴν περὶ τὰ μαθηματικά ἢ ζητούμενη νῦν ἐστὶν ἐπιστήμη — οὐδὲ μὴν: сильное отрицание с оттенком «и уж тем более». χωριστὸν γὰρ αὐτῶν οὐθέν — «ибо ничто из них не существует отдельно». ἀλλ' οὐδὲ τῶν αἰσθητῶν οὐσιῶν· φθαρταὶ γάρ — «но и не о чувственных сущностях — ибо они преходящи».

1059b16–23: Какая наука? ὅλως δ' ἀπορήσειεν ἂν τις ποίας ἐστὶν ἐπιστήμης τὸ διαλορῆσαι — «можно было бы задаться вопросом: какой науке надлежит исследовать?» διαλορῆσαι — аористный инфинитив: «исследовать затруднения».

οὕτε γὰρ τῆς φυσικῆς — эллипсис: «не физики». διὰ τὸ περὶ τὰ ἔχοντα... εἶναι πραγματεῖαν — «из-за того, что занятие физика — о том, что имеет...» Артикль τό субстантивировывает инфинитив εἶναι. οὕτε μὴν τῆς σκοπούσης — «и не той [науки], которая исследует».

Причастие σκολούσης субстантивировано артиклем. περὶ γὰρ αὐτὸ τοῦτο τὸ γένος τὴν ζήτησιν ποιεῖται — «ибо она делает предметом исследования сам этот род».

λείπεται τοίνυν περὶ τούτων τὴν προκειμένην φιλοσοφίαν σκέψασθαι — «остаётся предложенной нами философии рассмотреть это». Аорист σκέψασθαι — однократное действие: «предпринять рассмотрение».

1059b24–31: Общее или элементы? ἀπορήσειε δ' ἂν τις εἰ δεῖ θεῖναι περὶ τὰς ἀρχὰς τὰς ὑπὸ τῶν στοιχεῖα καλουμένας τὴν ἐπιστήμην — «можно задаться вопросом, следует ли полагать, что наука занимается началами, называемыми элементами». Причастие καλουμένας с предлогом ὑπό: «теми, что называются элементами».

ταύτας δὲ πάντες ἐνυπαρχούσας τοῖς συνθέτοις τιθέασιν — «но все полагают их присутствующими в составных [вещах]». Причастие ἐνυπαρχούσας — сложное слово, подчёркивающее нахождение-внутри. μᾶλλον δ' ἂν δόξειε τῶν καθόλου εἶναι — «скорее можно было бы предположить, что [наука] — об общем». Оптатив δόξειε.

πᾶς γὰρ λόγος καὶ πᾶσα ἐπιστήμη τῶν καθόλου, οὐ τῶν ἐσχάτων — «всякое определение и всякая наука — об общем, а не о последнем [единичном]». Генитив τῶν καθόλου — родительный предмета. ὥστ' εἴη ἂν οὕτω τῶν πρώτων γενῶν — «так что в этом смысле она была бы [наукой] о первых родах». Оптатив εἴη ἂν — предположительный вывод.

ταῦτα δὲ γίγνοιτ' ἂν τό τε ὄν καὶ τὸ ἓν — «такowymi оказались бы сущее и единое». Оптатив γίγνοιτο. ταῦτα γὰρ μάλιστα ἂν ὑποληφθεῖη περιέχειν πάντα — «их скорее всего можно было бы счесть объёмлющими всё». Оптатив ὑποληφθεῖη с ἂν. διὰ τὸ εἶναι πρῶτα τῇ φύσει — «поскольку они первы по природе». διαφθαρέντων γὰρ αὐτῶν συναναιρεῖται καὶ τὰ λοιπὰ — генитив абсолютный: «с их уничтожением соуничтожается и остальное». πᾶν γὰρ ὄν καὶ ἓν — «ибо всё есть сущее и единое».

1059b32–b4: Вид или род? ἢ δὲ εἰ διαφορὰς αὐτῶν δεῖ λαβεῖν — «однако если надлежит принять их различия». ἢ δέ — «поскольку же», «однако». Конъюнктив λαβεῖν с δεῖ выражает долженствование. αἱ διαφοραὶ αὐτῶν εἴη ἂν γένη — «их различия должны были бы быть родами». Оптатив εἴη ἂν — предположительный вывод. διαφορὰ δ' οὐδεμία κοινωρεῖ γένει — «но ни одно различие не причастно роду». οὐδεμία — категорическое отрицание.

ταύτη δ' οὐδ' ἀρχαῖς οὔτε γένεσιν ἂν δόξειεν δεῖν τιθέναι — «поэтому не следовало бы полагать их ни родами, ни началами». Оптатив δόξειεν с ἂν и инфинитивом δεῖν.

ἔτι εἰ μᾶλλον ἀρχὴ τὸ ἀπλούστερον τοῦ ἥττον ἀπλοῦ — «далее, если более простое есть начало в большей мере, чем менее простое». Сравнительная степень ἀπλούστερον и компаратив μᾶλλον. τὰ δ' ἔσχατα τῶν ἐκ τοῦ γένους ἀπλούστερα τῶν γενῶν (ἄτομα γάρ) — «последнее внутри рода проще родов (ибо неделимо)». Прилагательное ἔσχατα субстантивировано.

τὰ δ' εἶδη εἰς πολλὰ διαιρεῖται καὶ διαφέροντα — «роды же делятся на многие и различные виды». Настоящее время διαιρεῖται — общее правило. μᾶλλον ἂν ἀρχὴ τὰ εἶδη τῶν γενῶν δόξειεν εἶναι — «виды, пожалуй, показались бы началами в большей мере, чем роды». Оптатив δόξειεν.

ἢ δὲ συναναιρεῖται τοῖς γένεσι τὰ εἶδη, τὰ γένη ταῖς ἀρχαῖς μᾶλλον ἔοικεν — «но поскольку с уничтожением родов соуничтожаются виды, роды более подобны началам». ἀρχὴ γὰρ τὸ συναναιροῦν — «ибо начало — то, что соуничтожает». Причастие συναναιροῦν субстантивировано.

τὰ μὲν οὖν τὴν ἀπορίαν ἔχοντα ταῦτα καὶ τοιαῦτ' ἐστὶν ἕτερα — «таковы эти и подобные им апории». μὲν οὖν — итоговая формула.

Глава 2.

1059b5–9: Связка с главой 1. Ἀπορία δ' ἔχεται τούτων — «с этими [вопросами] связана и другая апория». Медиальный ἔχεται («держится», «связана») указывает на органическую связь: новая апория не механически добавляется, а вырастает из предыдущей. πότερον δεῖ τιθέναι τι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα ἢ οὐ — дизъюнкция: «следует ли полагать нечто помимо единичного или нет». Инфинитив τιθέναι с δεῖ — долженствование.

ἀλλ' ἢ ζητούμενη ἐπιστήμη περὶ ταῦτά ἐστιν — ἀλλά вводит корректировку: «или же наука — о единичном». ἀλλὰ ταῦτα ἄπειρα — «но единичное бесконечно». τά γε μὴν παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα γένη ἢ εἶδη ἐστίν — «то, что помимо единичного — роды или виды». γε μὴν — «во всяком же случае», усилительный оборот. ἀλλὰ τούτων ἢ νῦν ζητούμενη ἐπιστήμη οὐδετέρων — «но искомая наука не занимается ни теми, ни другими». οὐδετέρων — генитив: «ни теми, ни другими».

διότι γὰρ ἀδύνατον τοῦτο, εἴρηται — «почему это невозможно — уже сказано». Перфект εἴρηται — алгоритм № 1: отсылка к уже проделанной работе.

1059b9–14: Апория об отдельной сущности. καὶ γὰρ ὅλως ἀπορίαν ἔχει πότερον δεῖ τινα ὑπολαβεῖν οὐσίαν εἶναι χωριστήν — «и вообще остаётся апория: следует ли признавать, что существует отдельная сущность». χωριστήν — ключевой термин. παρὰ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας καὶ τὰς δεῦρο — «помимо чувственных сущностей и здешнего».

ἢ οὐ, ἀλλὰ ταῦτ' εἶναι τὰ ὄντα καὶ περὶ ταῦτα τὴν σοφίαν ὑπάρχειν — «или нет, но именно эти [вещи] суть сущие и мудрость имеет с ними дело». Инфинитивный оборот: ταῦτ' εἶναι и ὑπάρχειν.

ζητεῖν μὲν γὰρ εὐόκαμεν ἄλλην τινά — «мы, по-видимому, ищем некую иную». εὐόκαμεν с инфинитивом — «мы похожи на ищущих», «мы, кажется, ищем». καὶ τὸ προκειμένον τοῦτ' ἔστιν ἡμῖν — «и наша задача именно в этом». λέγω δὲ τὸ ἰδεῖν εἶ τι χωριστὸν καθ' αὐτὸ — «я имею в виду: усмотреть, существует ли нечто отдельное и само-по-себе». Инфинитив ἰδεῖν — цель. καὶ μηδενὶ τῶν αἰσθητῶν ὑπάρχον — «и не присущее ничему чувственно воспринимаемому». Причастие ὑπάρχον.

1059b14–17: Для каких вещей? ἔτι δ' εἰ παρὰ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας ἔστι τις ἕτερα οὐσία, παρὰ ποίας τῶν αἰσθητῶν δεῖ τιθέναι ταύτην εἶναι; — «кроме того, если существует иная сущность, то наряду с какими именно чувственными следует её полагать?» Инфинитив τιθέναι с δεῖ. τί γὰρ μᾶλλον παρὰ τοὺς ἀνθρώπους ἢ τοὺς ἵπλους — «почему скорее наряду с людьми, чем с лошадьми?» μᾶλλον — компаратив. ἢ τῶν ἄλλων ζώων θήσει τις ἢ καὶ τῶν ἀψύχων ὅλως — «или наряду с другими животными, или даже с неодушевлёнными вообще?»

τό γε μὴν ἴσας ταῖς αἰσθηταῖς καὶ φθαρταῖς οὐσίαις αἰδίους ἕτερας κατασκευάζειν — «полагать же равночисленные вечные сущности». Инфинитив κατασκευάζειν — подлежащее при δόξειεν ἄν. ἐκτός τῶν εὐλόγων δόξειεν ἄν λίπτειν — «выходило бы за пределы вероятного». ἐκτός с генитива — «вне».

1059b20–26: Материя или форма? εἰ δὲ μὴ χωριστὸς τῶν σωμάτων ὁ ζητούμενος νῦν ἀρχή — «если же искомое начало не отделено от тел». τίνα ἄν τις ἄλλην θεῖη μᾶλλον τῆς ὕλης; — «что же иное можно было бы принять за начало с большим основанием, чем материя?» Оптатив θεῖη с ἄν.

αὕτη γε μὴν ἐνεργεία μὲν οὐκ ἔστι, δυνάμει δ' ἔστιν — «она, правда, существует не в действительности, а в возможности». γε μὴν — «правда», «однако». Дательные падежи ἐνεργεία и δυνάμει — дательные образа действия: «в качестве действительности» и «в качестве возможности».

μᾶλλον δ' ἄν ἀρχή κυριώτερα ταύτης δόξειεν εἶναι τὸ εἶδος καὶ ἡ μορφή — «более важным началом, чем материя, казались бы форма и очертание». κυριώτερα — сравнительная

степень от κύριος. τοῦτο δὲ φθαρτόν — «но форма преходяща». ὥσθ' ὅλως οὐκ ἂν εἴη αἰδῖος οὐσία χωριστή καὶ καθ' αὐτήν — «так что вообще не было бы вечной, отдельной и самой-по-себе сущей субстанции». Оптатив εἴη с ἄν в аподосисе условного периода.

1059b26–30: Нелепость. ἀλλ' ἄτολον — «но это нелепо». Короткое предложение создаёт ритмический слом. εἰοικε γὰρ καὶ ζητεῖται σχεδὸν ὑπὸ τῶν χαριεστάτων ὡς οὐσά τις ἀρχὴ καὶ οὐσία τοιαύτη — «ведь и по общему мнению, и по существу дела такая сущность, по-видимому, существует, и её ищут наиболее пронизательные». χαριεστάτων — превосходная степень от χαρίεις.

πῶς γὰρ ἔσται τάξις μὴ τινος ὄντος αἰδίου καὶ χωριστοῦ καὶ μένοντος; — «какой может быть порядок, если нет ничего вечного, отдельного и постоянного?» Риторический вопрос. Генитив абсолютный μὴ τινος ὄντος — условие.

1059b30–36: Одно или два начала? ἔτι δ' εἴπερ ἔστι τις οὐσία καὶ ἀρχὴ τοιαύτη τὴν φύσιν οἷαν νῦν ζητοῦμεν — «далее, если существует такая сущность и начало, какое мы сейчас ищем». Аккузатив οἷαν привлекается к τὴν φύσιν: «такое по природе, какое».

καὶ αὕτη μία πάντων καὶ ταύτη τῶν αἰδίων τε καὶ φθαρτῶν — «и это начало — одно для всего: и для вечного, и для преходящего». ἀπορίαν ἔχει διὰ τί ποτε τῆς αὐτῆς ἀρχῆς οὐσης τὰ μὲν ὑπὸ τὴν ἀρχὴν ἔστιν αἰδία τὰ δ' οὐκ αἰδία — «возникает трудность: почему при одном и том же начале одни вещи вечны, а другие нет». Генитив абсолютный τῆς αὐτῆς ἀρχῆς οὐσης — «при одном и том же начале».

εἰ δ' ἄλλη μὲν ἀρχὴ τῶν φθαρτῶν ἄλλη δὲ τῶν αἰδίων — «если же одно начало у преходящего, а другое у вечного». εἰ μὲν αἰδῖος καὶ ἡ τῶν φθαρτῶν, ὁμοίως ἀπορήσομεν — «если начало преходящего также вечно, мы окажемся в том же затруднении». διὰ τί γὰρ οὐκ αἰδίου οὐσης τῆς ἀρχῆς καὶ τὰ ὑπὸ τὴν ἀρχὴν αἰδία; — «почему, раз начало вечно, и подпадающее под начало не вечно?» φθαρτῆς δ' οὐσης ἄλλη τις ἀρχὴ γίγνεται ταύτης, κάκεινης ἑτέρα, καὶ τοῦτ' εἰς ἄλειρον πρόεισιν — «если же начало преходяще, то у него другое начало, а у того ещё одно, и так до бесконечности». Генитивы абсолютные: φθαρτῆς οὐσης.

1060a3–9: Сущее и единое как начала. εἰ δ' αὖ τις ἄς δοκοῦσιν ἀρχαὶ μάλιστ' ἀκίνητοι, τό τε ὄν καὶ τὸ ἓν, θήσει ἀρχάς — «если же в качестве начал полагать то, что считается наиболее неподвижными началами — сущее и единое». πρῶτον μὲν εἰ μὴ τότε τι σημαίνει καὶ οὐσίαν ἑκάτερον αὐτῶν, πῶς ἔσσονται χωριστὰ καὶ καθ' αὐτάς; — «во-первых, если каждое из них не обозначает определённого нечто и сущность, то как они могут быть отдельными и самими-по-себе?» τοιαύτας δὲ ζητοῦμεν τὰς αἰδίους τε καὶ πρώτας ἀρχάς — «а мы ищем именно такие — вечные и первые — начала».

εἰ μὴν τότε τι σημαίνει καὶ οὐσίαν, ἔστιν οὐσία πάντα τὰ ὄντα — «если же обозначает определённое нечто и сущность, то всё сущее — сущность». κατὰ πάντων γὰρ τὸ ὄν, κατ' ἐνίων δὲ καὶ τὸ ἓν — «ибо сущее сказывается обо всём, а единое — о некотором». ἀλλὰ μὴν ὅτι πάντα τὰ ὄντα οὐσία, ψεῦδος — «но что всё сущее есть сущность — ложно».

1060a10–16: Число как сущность? ἔτι δὲ τοῖς τὴν πρώτην ἀρχὴν τὸ ἓν λέγουσι καὶ τοῦτ' οὐσίαν — «далее, как может быть истинным утверждение тех, кто первым началом полагает единое и [принимает его за] сущность». ἐκ δὲ τοῦ ἑνὸς καὶ τῆς ὕλης τὸν ἀριθμὸν γεννῶσι πρῶτον — «а из единого и материи впервые порождает число». καὶ τοῦτον οὐσίαν φάσκουσιν εἶναι — «и объявляет его сущностью». πῶς ἐνδέχεται τὸ λεγόμενον ἀληθὲς εἶναι; — «как может быть истинным то, что говорится?»

δυσάδα γὰρ καὶ τῶν λοιπῶν ἀριθμῶν ἕκαστον τὸν σύνθετον πῶς ἓν δεῖ νοῆσαι; — «как следует мыслить двойцу и каждое из прочих составных чисел как единое?» περὶ τούτου γὰρ οὔτε λέγουσιν οὐδὲν οὔτε ῥάδιον εἰπεῖν — «об этом они ничего не говорят, да и сказать нелегко».

1060a17–23: Линии и плоскости. εἰ μέντοι γραμμὰς ἢ τὰ τούτων ἐχόμενα (λέγω δὲ ἐπιφανείας τὰς πρώτας) θήσει τις ἀρχάς — «если же кто-то примет за начала линии или следу-

ющие за ними (первые плоскости)». ταῦτα οὐκ εἰσὶν οὐσίαι χωρισταί, τομαὶ δὲ καὶ διαιρέσεις — «всё это — не отдельные сущности, но сечения и деления». αἱ μὲν ἐπιφανείας αἱ δὲ γραμμῆς αἱ δὲ στιγμαί — «плоскости — деления тел, линии — деления плоскостей, точки — деления линий». ἔτι δὲ τοῦ πεπερασμένου πέρατα — «кроме того, они суть границы ограниченного». πάντα δὲ ταῦτα ἐν ἄλλοις ὑπάρχει καὶ χωριστὸν οὐθέν ἐστιν — «но всё это существует в другом, и ничто не существует отдельно».

1060a23–26: Точка и единица. ἔτι πῶς οἰηθῆναι δεῖ ἐνὸς εἶναι οὐσίαν καὶ στιγμῆς; — «далее, как следует мыслить сущность единицы и точки?» οὐσίας μὲν γὰρ ἀπάσης γένεσις ἔστι, στιγμῆς δ' οὐκ ἔστιν· διαίρεσις γὰρ ἢ στιγμῆ — «всякая сущность имеет возникновение, а точка — нет, ибо точка есть деление».

1060a27–30: Наука об общем. παρέχει δ' ἀπορίαν καὶ τὸ πᾶσαν μὲν ἐπιστήμην εἶναι τῶν καθόλου, ὥστε δεῖν καὶ τὴν τῶν οὐσιῶν ἀρχὴν καθόλου εἶναι καὶ μὴ οὐσίαν χωριστήν — «затруднение вызывает и то, что всякая наука направлена на общее, так что и начало сущностей должно быть общим, а не отдельной сущностью». Инфинитив δεῖν с инфинитивом εἶναι — «должно быть». τοῦτο δ' ἔχει μὲν τινα ἀπορίαν, ἔστι μέντοι ὡς ἀληθές, ἔστι δ' ὡς οὐκ ἀληθές — «это содержит некоторую апорию, однако в каком-то смысле истинно, а в каком-то — не истинно».

1060a31–b3: Самая большая апория. ἀλλὰ μὴν καὶ πάντων χαλεπώτατον καὶ πλείστην ἀπορίαν ἔχει — «однако самое трудное и содержащее наибольшую апорию». Превосходная степень χαλεπώτατον. πότερον, ὥσπερ εἴρηται, δεῖ θεῖναι τι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα ἢ οὐ, ἀλλὰ τούτων ἢ ζητούμενη ἐπιστήμη — «следует ли полагать нечто помимо единичного, или наука — о единичном». ἀλλ' ἢ ἐπιστήμη ἐκείνων· κατὰ συμβεβηκὸς γάρ — «но наука — о том [общем], а единичное — по совпадению».

1060b3–15: Составное целое. ἀλλὰ μὴν εἴ γέ τι ἔστι παρὰ τὰ σύνολα — λέγω δὲ σύνολα, ὅταν κατηγορηθῆ τι τῆς ὕλης — «но если существует нечто помимо составных целых — а составным целым я называю то, что сказывается о материи». Конъюнктив κατηγορηθῆ с ὅταν — общее правило.

πότερον, εἰ ἔστι, παρὰ πάντα δεῖ εἶναι τι, ἢ παρὰ μὲν ἕνια εἶναι παρὰ δ' ἕνια μὴ εἶναι, ἢ παρ' οὐθέν; — «следует ли полагать его существующим наряду со всеми, или с одними — да, а с другими — нет, или ни с какими?» Тройная альтернатива.

εἰ μὲν οὖν μηθέν ἐστι παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα, νοητὸν μὲν ἂν εἴη, πάντα δὲ φθαρτά — «если ничего нет помимо единичного, то [всё было бы] умопостигаемым, но все [вещи были бы] преходящи». ἢ μὲν γὰρ νοητὸν, ἀφθαρτα, ἢ δέ, φθαρτά — «поскольку умопостигаемо — постольку непреходяще, а поскольку [материально] — преходяще». Двойное ἢ — два аспекта.

ἀλλ' εἰ ἔστι τι, τοῦτο εἶναι τὸ εἶδος καὶ τὴν μορφήν — «если же нечто существует, то это форма и очертание». ταύτην δὲ ἐφ' οἷς δεῖ τιθέναι ἐφ' οἷς δ' οὐ, χαλεπὸν διορίσαι· ἐπ' ἐνίων γὰρ δῆλον ὅτι οὐ χωριστὸν τὸ εἶδος, οἷον οἰκίας — «для каких вещей её следует полагать, а для каких нет — трудно определить: для некоторых очевидно, что форма неотделима, как для дома».

1060b14–15: Финальная альтернатива. καὶ πότερον αἱ ἀρχαὶ εἶδει ἢ ἀριθμῶ αἱ αὐταί; — «и являются ли начала тождественными по виду или по числу?» εἰ γὰρ ἀριθμῶ, πάντα ἔσται ταῦτά — «если по числу, то всё будет тождественно». Будущее индикатива ἔσται — категорический вывод.

Глава 3.

1060b31–35: Философ и начала умозаключения. Ὅτι μὲν οὖν τοῦ φιλοσόφου, καὶ τοῦ περὶ πάσης τῆς οὐσίας θεωροῦντος ἢ πέφυκεν, καὶ περὶ τῶν συλλογιστικῶν ἀρχῶν ἐστὶν ἐπισκέψασθαι, δῆλον — «что делом философа является и рассмотрение начал умозаключения — ясно». Конструкция Ὅτι... δῆλον — формула уверенного вывода. Причастие θεωροῦντος с артиклем — «того, кто исследует». ἢ πέφυκεν — «как она есть по природе».

προσῆκει δὲ τὸν μάλιστα γνωρίζοντα περὶ ἕκαστον γένος ἔχειν λέγειν τὰς βεβαιοτάτας ἀρχὰς τοῦ πράγματος — «тому, кто обладает наибольшим знанием в каждом роде, надлежит указывать наиболее достоверные начала предмета». Превосходные степени μάλιστα и βεβαιοτάτας. Инфинитив ἔχειν λέγειν — двойной инфинитив.

ὥστε καὶ τὸν περὶ τῶν ὄντων ἢ ὄντα, τὰς πάντων βεβαιοτάτας — «а потому и тому, кто [знает] о сущем как сущем, — наиболее достоверные начала всего». ἔστι δ' οὗτος ὁ φιλόσοφος — «а таков именно философ».

1061a1–7: Определение наиболее достоверного начала. βεβαιοτάτη δ' ἀρχὴ πασῶν περὶ ἣν διαψευσθῆναι ἀδύνατον — «наиболее достоверное начало — то, относительно которого невозможно впасть в заблуждение». Аористный инфинитив διαψευσθῆναι с ἀδύνατον. γνωριμωτάτην γὰρ ἀναγκαῖον εἶναι τὴν τοιαύτην (περὶ γὰρ ἃ μὴ γνωρίζουσιν, ἀπατῶνται πάντες) καὶ ἀνυπόθετον — «ибо такое начало должно быть наиболее ясным (ведь в том, что неясно, заблуждаются все) и не основанным на предпосылке». Прилагательное ἀνυπόθετον — ключевой термин.

ἣν γὰρ ἀναγκαῖον ἔχειν τὸν ὅτιοῦν ξυνιέντα τῶν ὄντων, τοῦτο οὐχ ὑπόθεσις — «то, что необходимо иметь тому, кто постигает что бы то ни было из сущего, — это не предпосылка». ὁ δὲ γνωρίζειν ἀναγκαῖον τῷ ὅτιοῦν γνωρίζοντι, καὶ ἦκειν ἔχοντα ἀναγκαῖον — «а то, что необходимо знать тому, кто познаёт хоть что-нибудь, то ему необходимо иметь уже при себе».

ὅτι μὲν οὖν βεβαιοτάτη ἢ τοιαύτη πασῶν ἀρχή, δῆλον· τίς δ' ἔστιν αὕτη, μετὰ ταῦτα λέγωμεν — «итак, ясно, что таково наиболее достоверное начало; а каково именно это начало, скажем теперь же». λέγωμεν — конъюнктив побуждения.

1061a7–11: Формулировка закона противоречия. τὸ γὰρ αὐτὸ ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ τὸ αὐτό — «невозможно, чтобы одно и то же одновременно было присуще и не было присуще одному и тому же и в одном и том же отношении». Конструкция ἀδύνατον + инфинитив. καὶ ὅσα ἄλλα προσδιορισάμεθ' ἅν, ἔστω προσδιωρισμένα πρὸς τὰς λογικὰς δυσχερείας — «и все прочие уточнения, которые мы могли бы присовокупить, пусть будут присовокуплены для отражения логических придирок». Оптатив προσδιορισάμεθα с ἅν — скромное «мы могли бы».

αὕτη δὲ πασῶν ἐστὶ βεβαιοτάτη τῶν ἀρχῶν· ἔχει γὰρ τὸν εἰρημένον διορισμόν — «это — наиболее достоверное из всех начал, ибо оно удовлетворяет указанному определению».

1061a12–15: Невозможность полагать противоречие. ἀδύνατον γὰρ ὄντινοῦν ταῦτόν ὑπολαμβάνειν εἶναι καὶ μὴ εἶναι — «невозможно кому бы то ни было полагать, что одно и то же и есть, и не есть». καθάπερ τινὲς οἴονται λέγειν Ἡράκλειτον — «как некоторые считают, что говорил Гераклит». οὐκ ἔστι γὰρ ἀναγκαῖον, ἃ τις λέγει, ταῦτα καὶ ὑπολαμβάνειν — «не обязательно, чтобы человек в самом деле полагал то, что он говорит». Различение λέγειν и ὑπολαμβάνειν — фундаментальное.

1061a16–21: От закона противоречия к противоположностям. εἰ δὲ μὴ ἐνδέχεται ἅμα ὑπάρχειν τῷ αὐτῷ τὰναντία (προσδιωρισθῶ δ' ἡμῖν καὶ ταύτη τῇ προτάσει τὰ εἰωθότα) — «если невозможно, чтобы противоположности одновременно были присущи одному и тому же (пусть и для этого утверждения будут сделаны обычные уточнения)». Перфектный императив προσδιωρισθῶ — «пусть будут сделаны».

ἐναντία δ' ἐστὶ δόξα δόξει ἢ τῆς ἀντιφάσεως — «противоположное мнение — это мнение об отрицании [того же]». φανερόν ὅτι ἀδύνατον ἅμα ὑπολαμβάνειν τὸν αὐτὸν εἶναι καὶ μὴ εἶναι τὸ αὐτό — «очевидно, что невозможно одновременно полагать, что одно и то же и есть, и не есть». ἅμα γὰρ ἂν ἔχοι τὰς ἐναντίας δόξας ὁ διεψευσμένος περὶ τούτου — «ведь заблуждающийся имел бы одновременно противоположные мнения».

διὸ πάντες οἱ ἀποδεικνύντες εἰς ταύτην ἀνάγουσιν ἐσχάτην δόξαν — «потому-то все, кто ведёт доказательство, сводят его к этому [положению] как к последнему мнению». φύσει γὰρ ἀρχὴ καὶ τῶν ἄλλων ἀξιωματῶν αὕτη πάντων — «ибо по природе оно — начало и для всех прочих аксиом».

1061b1–4: Оппоненты. Εἰσὶ δὲ τινες οἱ, καθάπερ εἵπομεν, αὐτοὶ τε ἐνδέχεσθαί φασι τὸ αὐτὸ εἶναι καὶ μὴ εἶναι, καὶ ὑπολαμβάνειν οὕτως — «есть такие, кто, как мы сказали, и сами утверждают, будто возможно одному и тому же и быть, и не быть, и полагают, будто можно так считать». χρῶνται δὲ τῷ λόγῳ τούτῳ πολλοὶ καὶ τῶν περὶ φύσεως — «к этому суждению прибегают многие и из [писавших] о природе».

ἡμεῖς δὲ νῦν εἰλήφαμεν ὡς ἀδύνατον ὄντος ἅμα εἶναι καὶ μὴ εἶναι — «мы же сейчас приняли, что одновременно быть и не быть невозможно». Перфект εἰλήφαμεν — «мы приняли» как фиксация предпосылки. καὶ διὰ τούτου ἐδείξαμεν ὅτι βεβαιοτάτη αὕτη τῶν ἀρχῶν πασῶν — «и через это показали, что данное [положение] есть наиболее достоверное из всех начал».

1061b7–14: О необразованности. ἀξιούσι δὴ καὶ τοῦτο ἀποδεικνύειν τινὲς δι' ἀπαιδευσίαν — «некоторые, по своей необразованности, требуют, чтобы и это начало было доказано». ἔστι γὰρ ἀπαιδευσία τὸ μὴ γινώσκειν τίνων δεῖ ζητεῖν ἀπόδειξιν καὶ τίνων οὐ δεῖ — «ибо необразованность — это не знать, для чего следует искать доказательства, а для чего — нет».

ὅλως μὲν γὰρ ἀπάντων ἀδύνατον ἀπόδειξιν εἶναι (εἰς ἄπειρον γὰρ ἂν βαδίζοι, ὥστε μηδ' οὕτως εἶναι ἀπόδειξιν) — «вообще говоря, доказательство для всего невозможно (ведь иначе пришлось бы уходить в бесконечность, так что и в этом случае доказательства не было бы)». Оптатив βαδίζοι с ἂν — гипотетическая ситуация.

εἰ δὲ τινῶν μὴ δεῖ ζητεῖν ἀπόδειξιν, τίνα ἀξιούσιν εἶναι μᾶλλον τοιαύτην ἀρχὴν οὐκ ἂν ἔχοιεν εἰπεῖν — «если же для некоторых начал не следует искать доказательства, то они не могли бы указать, какое начало является таковым в большей мере». Оптатив ἔχοιεν с ἂν.

1061b15–19: Эленктическое доказательство. ἔστι δ' ἀποδείξει ἐλεγκτικῶς καὶ περὶ τούτου ὅτι ἀδύνατον, ἂν μόνον τι λέγη ὁ ἀμφισβητῶν — «можно дать доказательство путём опровержения относительно того, что это невозможно, если только возражающий хоть что-нибудь высказывает». Конъюнктив λέγη с ἂν — условие.

ἂν δὲ μηθέν, γελοῖον τὸ ζητεῖν λόγον πρὸς τὸν μηθενὸς ἔχοντα λόγον, ἢ μὴ ἔχει — «если же ничего [не высказывает], то смешно искать обоснование против того, кто не имеет обоснования ни для чего, — именно поскольку он его не имеет». ὅμοιος γὰρ φυτῷ ὁ τοιοῦτος ἢ τοιοῦτος ἦδη — «такой человек, поскольку он таков, подобен уже растению». Сравнение через ὅμοιος + датив.

1061b19–27: Отличие эленктического доказательства. τὸ δ' ἐλεγκτικῶς ἀποδείξει λέγω διαφέρειν καὶ τὸ ἀποδείξει, ὅτι ἀποδεικνύς μὲν ἂν δόξειεν αἰτεῖσθαι τὸ ἐν ἀρχῇ — «доказательство путём опровержения, по моему разумению, отличается от прямого: тот, кто взялся бы доказывать прямо, показался бы предвосхищающим искомое». ἄλλου δὲ τοῦ τοιοῦτου αἰτίου ὄντος ἔλεγχος ἂν εἴη καὶ οὐκ ἀπόδειξις — «если же виной тому другой, то это будет уже опровержение, а не доказательство».

1062a1–8: Условие опровержения. ἀρχὴ δὲ πρὸς ἅπαντα τὰ τοιαῦτα οὐ τὸ ἀξιούειν ἢ εἶναι τι λέγειν ἢ μὴ εἶναι (τοῦτο μὲν γὰρ τάχ' ἂν τις ὑπολάβοι τὸ ἐξ ἀρχῆς αἰτεῖν) — «началом же для всех подобных споров является не требование утверждать, что нечто или есть, или не есть (ведь это, пожалуй, можно было бы счесть предвосхищением искомого)».

ἀλλὰ σημαίνειν γέ τι καὶ αὐτῷ καὶ ἄλλῳ· τοῦτο γὰρ ἀνάγκη, εἴπερ λέγοι τι — «а требование, чтобы он обозначал нечто и для себя, и для другого; это ведь необходимо, если он вообще хоть что-нибудь высказывает». Конъюнктив λέγοι — условие.

εἰ γὰρ μή, οὐκ ἂν εἴη τῷ τοιούτῳ λόγος, οὐτ' αὐτῷ πρὸς αὐτὸν οὔτε πρὸς ἄλλον — «если же нет, то для такого человека невозможно никакое рассуждение — ни с самим собой, ни с другим». ἂν δέ τις τοῦτο διδῷ, ἔσται ἀπόδειξις· ἤδη γάρ τι ἔσται ὠρισμένον — «а если кто это допускает, то доказательство уже возможно; в самом деле, тогда уже будет нечто определённое».

ἀλλ' αἴτιος οὐχ ὁ ἀποδεικνὺς ἀλλ' ὁ ὑπομένων· ἀναιρῶν γὰρ λόγον ὑπομένει λόγον — «но ответственным будет не тот, кто доказывает, а тот, кто принимает [довод]; ведь, отвергая рассуждение, он принимает рассуждение». ἔτι δὲ ὁ τοῦτο συγχωρήσας συγκεχώρηκέ τι ἀληθὲς εἶναι χωρὶς ἀποδείξεως — «и более того: тот, кто согласился с этим, уже согласился, что нечто истинно и без доказательства».

Глава 4.

1062a9–15: От противоречия к противоположностям. Ἐπεὶ δ' ἀδύνατον τὴν ἀντίφασιν ἅμα ἀληθεύεσθαι κατὰ τοῦ αὐτοῦ, φανερόν ὅτι οὐδὲ τὰναντία ἅμα τῷ αὐτῷ ὑπάρχειν ἐνδέχεται — «поскольку невозможно, чтобы утверждение и отрицание одновременно были истинны относительно одного и того же, то очевидно, что и противоположности не могут быть одновременно присущи одному и тому же».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.